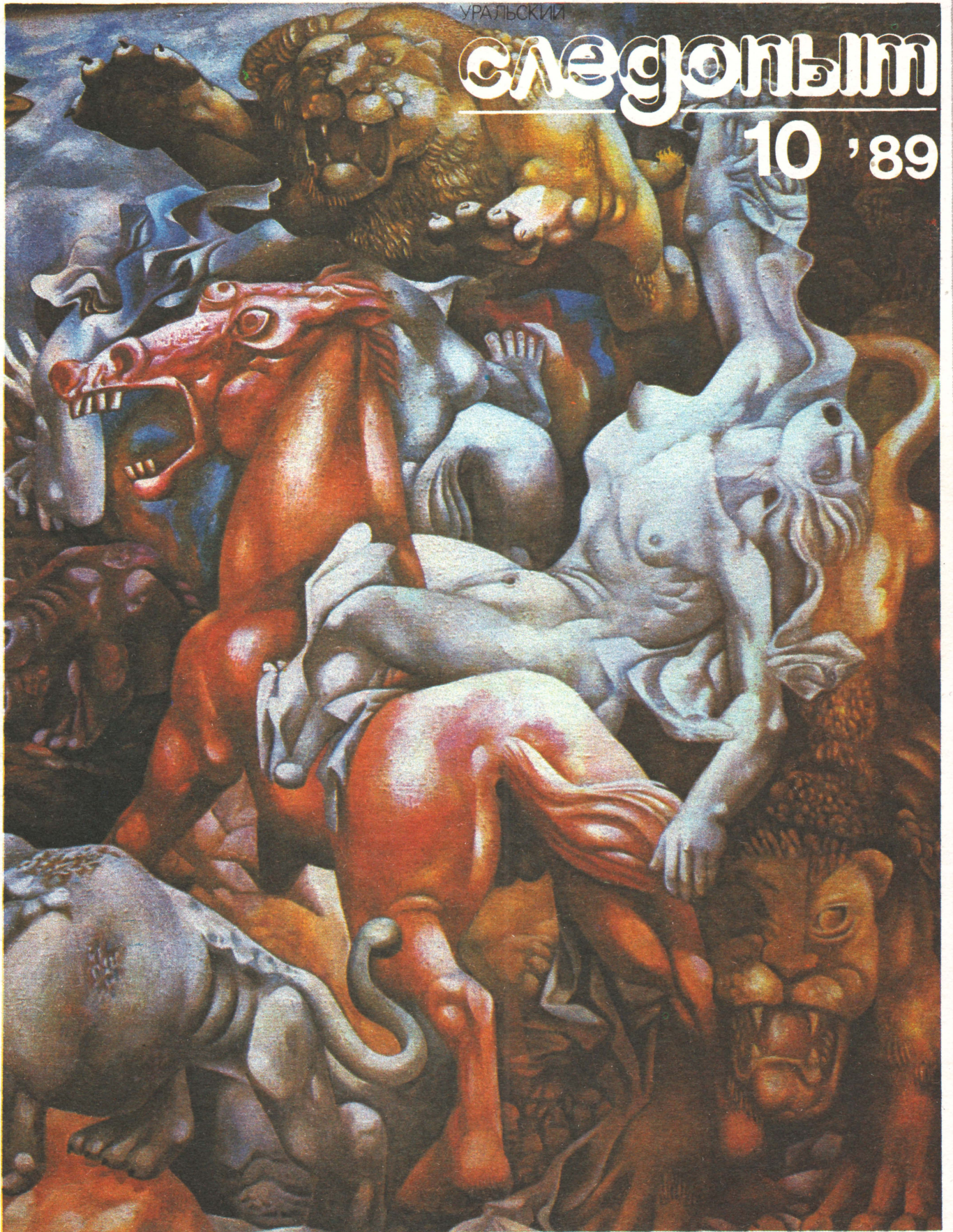

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДЫ

10 '89

Лауреат премии «АЭЛИТА-89» писатель СЕВЕР ГАНСОВСКИЙ

Приз имени И. А. Ефремова вручен космонавту ГЕОРГИЮ ГРЕЧКО

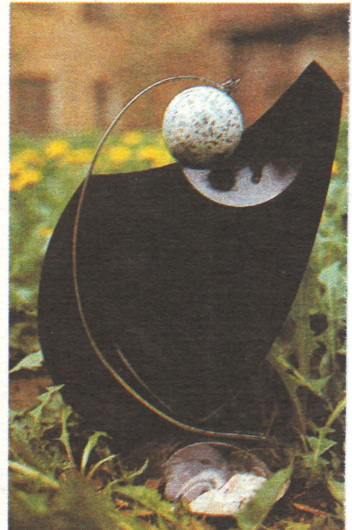
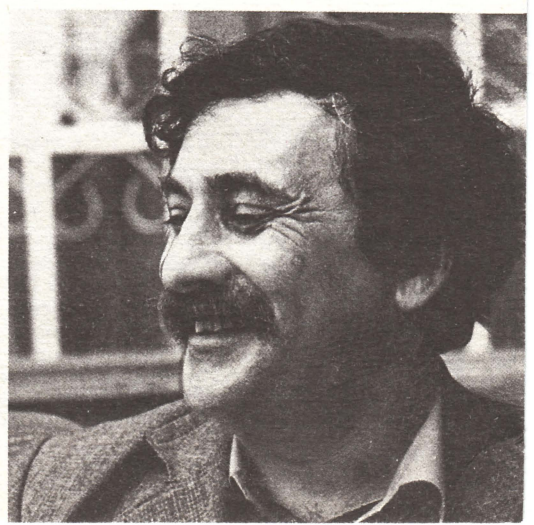

Фото Игоря Горячева и Владимира Коблюка

Киевлянин БОРИС ШТЕРН —
первый лауреат приза «СТАРТ»

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

10 '89

В НОМЕРЕ:

В. Станцев ЛЕРМОНТОВ. Вольный венек сонетов	2
А. Омельчук ЯМАЛЬСКАЯ РОССЫПЬ	4
А. Смирнов ВЕНЕРИНЫ БАШМАЧКИ	9
В. Каменщик ОПУБЛИКОВАНИЮ НЕ ПОДЛЕЖАЛ...	10
В. Шапко СЧАСТЬЯ МАЛЕНЬКИЙ БАУЛЬЧИК. Повесть. Окончание	13
ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»	
В. Бугров СВЕРДЛОВСК: «АЭЛИТА»-89	27
В. Васильев САДОВАЯ, 7	32
Л. Смирнова БАГРОВЫЕ ПЯТНА	34
Т. Титова БЫЛО МОРЕ ЗВЕЗД	41
Н. Резанова ВИД С ГОРЫ	43
Н. Леонов НЕКРОЛОГ	47
Ю. Блохин БАНЗАЙ	49
С. Казанцев НЛО НАД УРАЛОМ!	51
Л. Скрягин СЭР ГУДВИН — ПОЖИРАТЕЛЬ КОРАБЛЕЙ	52
А. Блинов ЛЮБОВЬ С ПОНИМАНИЕМ	55
А. Чечулин ИМЯ В ЭНЦИКЛОПЕДИИ	56
В. Любимов ВГЛЯДЫВАЯСЬ В ЛИЦА ДОМОВ...	57
Н. Большаков БОЛЬШАКОВЫ ИЗ ПОЧИНКА ДОР	58
В. Снигирев ГЛУХАЯ ЕЛАНЬ. ПОСЛЕДНЯЯ ОХОТА	60
Б. Рябинин КОНТАКТЫ, КОНТАКТЫ...	62
И. Корниенко НОСТАЛЬГИЯ ПО ЧУДУ	67
Н. Широкова БЫЛ КОЛОКОЛЬЧИК ВЫШЕ ХРАМА...	68
Р. Киплинг КОРАБЛЬ, КОТОРЫЙ СТАЛ КОРАБЛЕМ	70
Л. Сергеева ЧУДЕСА ОКЕАНА	77
МИР НА ЛАДОНИ	78
М. Скопец КТО ЖИВЕТ В ЛЕДЯНОМ ОЗЕРЕ!	79
Е. Шумилов ИЖЕВСКИЕ КАФТАНЩИКИ	80

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Муса ГАЛИ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ,
Сергей КАЗАНЦЕР
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Анатолий СЕМЕРУН,
Константин СКВОРЦОВ,
Аркадий СТРУГАЦКИЙ

Художественный редактор
Евгений ПИНАЕВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

К сведению
наших читателей
Редакция журнала «Уральский
следопыт» переехала в другое
здание. Сообщаем новый адрес
редакции: 620142, Свердловск,
ГСП-353, ул. Декабристов, 67.
Телефон для справок (времен-
ный) 22-45-01.

Рукописи принимаются перепе-
чатанными на машинке через
2 интервала, 60 знаков в строке,
28—30 строк на странице

По вопросам подписки и достав-
ки обращаться в районные от-
деления «Союзпечати». Брако-
ванные экземпляры отправлять
в типографию издательства
«Уральский рабочий»

Сдано в набор 11.07.89.
Подписано к печати 21.08.89.
ФС 14173.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Бумага типографская № 2.
Высокая печать.
Усл.-печ. л. 8,82.
Уч.-изд. л. 13,5.
Усл. кр.-отт. 11,76.
Тираж 494 000.
(2-й завод: 250 001—494 000).
Заказ 458.
Цена 40 коп.

Типография издательства
«Уральский рабочий»
620219, г. Свердловск,
пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки: «Аг-
рессия» (фрагмент). Михаил
Брусиловский.

ДЕРМОНТОВ

ВОЛЫНЫЙ ВЕНОК СОНЕТОВ

Венедикт СТАНЦЕВ

Свободы, Гения и Славы палачи!
«Смерть поэта»

1

Когда поэт касается пера —
перо дар речи обретает:
живет, ликует и страдает
душа — поэзии сестра.
Туманится над Машуком с утра
седая облачная стая,
грозу под вечер предвещая.
И вдруг взрываются ветра...
Дрожат покои царского двора
и голос самодержца слышен в гуле:
«Сегодня же услать его под пули!»
Садится Лермонтов за белую бумагу,
и льются строки боли и отваги
во имя чести, правды и добра.

2.

Во имя чести, правды и добра
живет поэт... Пусть истина стара,
но палачам неведома она —
и в давние, и в наши времена...
В горах кавказских — посвист пух с утра,
поручик саблю трогает: остра.
Гойтинский лес — зеленая стена, —
как струны, натянулись стремена.
Мундир — долой: мешает развороту,
еще чуть-чуть — и в смертную работу...
Он молится: «Пошли мне, боже, рану:
писать стихи — вот вся моя забота...»
Еще надеялся: даль звездного полета
изведает он поздно или рано.

3.

Изведает он поздно или рано —
мой современник — сытую охрану,
работу, выполняющую рьяно,
и трупы средь колымского бурьяна.
Я об этом говорю неволью,
весь пронзенный лермонтовской болью.
Ненавижу, если взводят пистолеты,
взяв на мушку горсточку поэтов.
Мой народ, который без вины
выбит был войной и без войны,
в том виновен лишь, что славил истукана...
Ни оправданьем, ни потоком слов
теперь не смыть и в тысячу веков
безвинных кровь на руках тирана.

4.

Безвинных кровь на руках тирана
поэт увидел в озаренья миг,
когда накликал божий суд на них —
развратников царева балагана.
Что у поэта? Слово лишь одно,
пусть гневное, но не убьет оно,

а у царей всех рангов и мастей
застенки, пули, нары лагерей.
Петлистая у правды колея,
но время — неподкупный судия —
осветит все, как праздничный салют.
И потому разгневанный поэт
свободу славит и творящий свет,
когда тиран над правдой правит суд.

5.

Когда тиран над правдой правит суд,
от злобы он по-волчьи сатанеет:
выходит к птицам — птицы не поют,
к народу явится — народ пустеет.
В миру поэт, как мцыри, одинокий —
ни матери, ни друга, ни жены,
и вещи к нему нисходят сны,
слагаясь в горестные строки:
Полдневный жар... долина Дагестана...
точится кровь... дымится рана...
Без промаха тираны в гений бьют,
но не своей державной дланью —
лишь пальцем шевельнут в негодованьи —
мартыновская свора тут как тут.

6.

Мартыновская свора тут как тут, —
статисты в предстоящей драме.
Над Машуком уже не облачка плывут,
а тучи черные, набитые громами...
И разразится здесь июльская гроза,
и будет молнии крошить о Пятигорье...
Поэт спокойно смотрит в небеса
и улыбается, как в добром разговоре.
Но в небесах ни тени провиденья,
и тишина пока, как в первый день творенья,
лишь тучи сонные сползают грузно с гор.
У всех свидетелей берестяные лица,
изобразив ухмылочку, убийца
стреляет без раздумия — в упор.

7.

Стреляет без раздумия в упор
лишь тот, кому убийство — не в укор,
кому в вину не ставится вина...
Дантес российский знал и понимал,
на что он руку поднимал..
Как ты, палаческая миссия, страшна!..
В Тарханы, в полночь, тихо — через степь
въезжает он... И нагло входит в склеп,
и трогает свинцовый гроб рукой,
которой сделал выстрел роковой.
И снова, как при той кровавой драме,
выходят тучи, дьбятяся громами,
и подает свой гневный голос бор,
и замолкает звездный разговор...

К 175-летию со дня рождения

8.

И замолкает звездный разговор,
и Млечный Путь взирает с изумленьем,
когда корабль с турбинным дерзким рвением
вонзается в космический простор...
Вдруг Королев — свидетель горьких лет —
Гагаринской ракете глядя вслед:
«Ах, каким бы космонавтом был
Лермонтов!» — сказал и загрустил.
А в космосе летит, летит поэт —
его стихи, его земной портрет,
как он мечтал в свой час перед рассветом.
И спит земля в сиянье голубом.
И вечен мир, покуда жизнь на нем.
Да! Утверждаю я венком сонетов.

9.

Да! Утверждаю я венком сонетов,
что нет любви взаимной у поэтов,
а коли есть, — то призрачна она.
Ах, Варя! Варенька Лопухина.
Знаю, знаю: загнанный поручик,
кинув взгляд на грозовые тучи,
твердо встретил волчий зрак ствола —
и дохнула холодом она...
Стало ясно — смерть неотвратима.
Не молитву прошептал он — имя,
но остался оклик без ответа,
а ведь было — доля молодая —
вы цвели, стихи его читая...
Чувство начинается с поэтов!

10.

Чувство начинается с поэтов,
детство голубое — со стихов.
Ах, как много в эти годы света
и еще не высказанных слов.
И летит, летит наш парус белый,
а под ним лазурная струя,
и мечты еще не отлетели,
и еще доверчивы друзья.
Но все пройдя и став отцам на смену,
мы в этой жизни славим неизменно
женщину, детей и соловьев.
И как поэт, мы до предела жизни
несем любовь к единственной Отчизне —
чувство, воскреляющее кровь.

11.

Чувство, воскреляющее кровь, —
с ним идут на подвиги в бессмертье,
в нем живут добро и милосердье,
только с ним и хлеб, и мирный кров...
Строки, воскресающие бой,
зовущие солдатскими устами:
«Ребята! Не Москва ль за нами?..»
живут с тех пор для нас с тобой.
Я слышу: «Позади Москва...» —
Клочкова — Диева железные слова —
«Нам за Москвой земли советской нету!»
С народом первыми встанут на бой
поэт — с пером, с оружием — герой, —
без них в безмолвие низвергнется планета!

12.

Без них в безмолвие низвергнется планета...
Нет, не в безмолвие! В ликующую тьму.
Год сорок страшный... Нас сгрузили где-то,
а где, известно богу одному.
Наш политрук, измученный и хилый,
протер очки и мне сказал одно:
— Иди, комсорг! И постарайся, милый,
чтоб завтра знали все «Бородино»...
Ах, вот где час пробьет последний мой!
Я повторял: «Умремте ж под Москвой»... —
бессмертную строку поэта.
О, пламень предков! Он бушует в нас,
но если он погаснет хоть на час, —
сердца людей заблудятся без света.

13.

Сердца людей заблудятся без света...
Я вам потом еще скажу об этом,
а сейчас вернемся в Пятигорье.
Мокрое январское предзорье;
был штыком эльбрусский воздух вспорот,
гвардия вломила с громом в город...
Обелиск... Проходят Илы низко,
строй солдат застыл у обелиска...
И молвил капитан: «Великому поэту
клянемся мы добыть великую Победу!..»
«Клянемся!» — и салют из поднятых стволов.
Коль верх берут раздьявольские силы,
то вырастут могила на могиле
и облачится в ненависть любовь.

14.

И облачится в ненависть любовь,
когда согнут ее девичьи плечи:
она же вся земная, человекья,
а значит, смертна, как ни славословь.
Но не подвластна пуле и петле —
есть у нее защитник безупречный!
Любви мы будем поклоняться вечно,
пока живут поэты на земле.
И Лермонтов, бессмертный, как любовь,
ее певец — он будет вновь и вновь
на свет рождаться, но не умирать...
Шуршит, как мышь, ночная тишина,
над домиком — кавказская луна, —
и вновь поэт касается пера.

15.

Когда поэт касается пера
во имя чести, правды и добра,
изведает он поздно или рано
безвинных кровь на рукавах тирана.
Когда тиран над правдой правит суд,
мартыновская свора тут как тут,
стреляет без раздумия — в упор, —
и замолкает звездный разговор.
Да! Утверждаю я венком сонетов:
чувство начинается с поэтов,
чувство, воскреляющее кровь.
Без них в безмолвие низвергнется планета,
сердца людей заблудятся без света
и облачится в ненависть любовь.

ЯМАЛЬСКАЯ РОССЫПЬ

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

МАНГАЗЕЯ БЫЛИННАЯ

Да из орды, золотой земли,
Из той Могозен богатые,
Когда подымался злой Калин-царь,
Злой Калин-царь Калинович
Ко стольному городу ко Киеву
Со своею силою со поганюю.

Этот отрывок из былины об Илье Муромце и Калинцаре впервые опубликован в 1930 году. Нас в нем прежде всего интересуют «Могозен богатые». Сразу вспоминается сибирская Мангазея. Естественно, что русский сказитель связывал татарского царя Калина с северосибирским городом. В сознании простого народа «златокипящая Мангазея» была символом Сибири.

Русские знали о Мангазее давно, уже в начале семнадцатого века она вошла в устное творчество. Большинство былин записано на Русском Севере, примыкающем к Беломорью, устный эпос продержался здесь вплоть до нашего века. В поморской среде Мангазее помнили особенно, ибо в былинные времена хаживали в мангазейские края.

«Мангазея, наиболее привлекательный и в то же время полный опасностей район Сибири, была включена в текст былин как страна сказочно богатого, могущественного языческого царя и смешалась с основными, отрицательными для древнерусского правящего класса персонажами былин — татарами» — писал известный советский северовед профессор Б. О. Долгих.

О названии Мангазее ученый высказал версию, которая сегодня укрепилась в науке. Название Мангазее (Молгомзее, Мунгазее), считает он, произошло, по-видимому, от названия ненецкого или энецкого рода Мокесе, кочевавшего на нижнем Тазу. Еще в 1629 году по Мангазейской ясачной книге в Худосейском зимовье (река Худосея — правый приток Таза) платило ясак 50 человек рода «Мангазее», принесших 155 соболей. В царствование Федора Иоанновича лучшими соболями в России, наряду с печорскими, были мангазейские, шедшие из земли, где была впоследствии основана Мангазея.

Обильны «мяхкой рухлядью», благодатны были берега реки Таз, но сюда шли только смелые и отважные — долгий путь был опасным. В первой половине июня 1643 года из Тобольска курсом на Мангазею двинулся небольшой караван из двух кочей. Первый принадлежал дьяку Григорию Теряеву, второй — тобольским торговцам. Через два месяца пути кочи с трудом добрались до Русского заворота. Здесь разыгрался сильный шторм, «учело», как свидетельствует очевидец, «погодою кочи бить».

В Тобольск были посланы гонцы с известием о «погроме». На один уцелевший коч набралось семь десятков пассажиров. Сидение на мели затянулось на восемь недель. Служилые и торговые люди оказались в осаде: племя воинственно настроенных береговых самоедов не выпускало пришельцев с корабля.

В начале ноября дьяк решил пробиваться в Мангазею «нартным ходом». Самоеды не прекращали преследования до устья Пура. На восьмой неделе хода достигли устья Таза. До Мангазее оставалось почти чetyреста верст. А провиант заканчивался. От истощения и голода умерло полсотни человек. Сам дьяк похоронил

двух дочек, племянника. В Мангазее он послал самых выносливых. Они дошли до острога и передали «весть». Остатки отряда тем временем продолжали путь по берегу Таза. У Леденкина Шара Теряев сказал:

— Всё.

Рядом с ним остались замерзать жена и дворяне. Тех, кто еще мог передвигать ноги, возглавил «сын боярский» Дмитрий Черкасский. Путники ели ремни, камусы с лыж, собак — «неволею души свои сквернили». В Сухаревом зимовье их, обессиленных, и нашел молодой князь Федор Ухтомский — сын мангазейского воеводы, посланный навстречу дьяку...

Несмотря на опасности, российский люд стремился в Мангазею, пробирался дальше, «встречь солнцу», расширяя границы русского государства.

ЗАЕЗЖАЛ В ОБДОРСК ШТАБС-ЛЕКАРЬ...

Видимо, военные медики начала прошлого века получали широкое гуманитарное образование. Впрочем, Василий Николаевич Шавров мог быть и исключением, и тогда надо признать, что захолустному Обдорску просто повезло — его посетил весьма образованный человек. Это произошло незадолго до 1826 года. Дело в том, что штабс-лекарь составил «Краткие записки о жителях Березовского уезда» и в 1826 году преподнес их бывшему тобольскому архиепископу Евгению Казанцеву. Почти полвека спустя «записки» опубликовал О. М. Бодянский, издатель «Чтений в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете».

«Записки» штабс-лекаря — одно из первых этнографических описаний коренных обитателей Обского Севера. О самом Шаврове не сохранилось никаких биографических сведений. Судить о нем мы можем только по его произведению. Автору присущ доброжелательный тон. Он ни разу не употребляет слов «дикие народы», хотя применительно к коренным северянам — осякам и самоедам — такие эпитеты были весьма в ходу.

Вот как описывает он характер остяков (хантов): «В отношении общежития они дружелюбны, гостеприимны, услужливы, откровенны, но, живя более по внушениям природы и не зная правил строгой нравственности, не могут противостать порывам страстей, и потому как в дружбе, так и в гневе чрезвычайны».

Трудно удержаться, чтобы не процитировать раздел «Женщины-самоедки, их наружность и характер» — этот гимн самоотверженности и красоте ямальской тундровички. «Женщины-самоедки, несмотря на кочевую жизнь и окружающие их жестокие морозы свирепого Севера, имеют довольно нежные и приятные черты лица, и весьма многие из них в сем отношении не только могли бы быть украшением столицы, но даже образцами красоты для живописцев и ваятелей. Рост имеют весьма умеренный, мало из них тучных, и все вообще бодры и здоровы. Сему причиною, кажется, не иное что, как частые переходы из одного места в другое и всегдашнее пребывание под открытым небом.

Их поэзия в душе, а не в красивых приемах».

В канун Нового года Шаврову удалось побывать на хангыйском богослужении и он деликатно описал обряд идолопоклонничества.

В «Записках» Шаврова есть разделы: «О музыкаль-

ных инструментах, музыке и пляске остяков», «О много-различности хантыйского языка».

Врач Шавров не только разобрался в музыкальном искусстве хантов, но и сделал лингвистическое открытие. «У всех остяков,— пишет он,— можно приметить довольно европейских слов, исключая принятых из русского языка, например: ариа — песня, мана — иди, месер — нож, поне — положи, йя — да, и тому подобное, что, кажется, может служить доказательством первобытного их пребывания в Европе». Это было написано задолго до исследований Александра Касрена, который квалифицированно разобрался в связях угро-финских и индо-европейских языков.

ЗАГАДКА СИБИРСКОГО МАСТЕРА

В 1939 году академический музей этнографии в Ленинграде приобрел шесть «шторок». Начали выяснять происхождение панно и личность создателя росписей по миткалю. В библиотеке Географического общества была обнаружена картина «Ярмарка в Березово». Подпись та же, что и на «шторках» — Николай Шахов. Автор поставил и дату — 1855 год. Дата смутила исследователей, ведь шесть «шторок», как считал их первый исследователь академик Л. Н. Майков, были писаны при Екатерине II, то есть как минимум 63 годами раньше.

Заведующая отделом фондов музея этнографии К. А. Большева (она погибла в ленинградскую блокаду) сделала предположение, автор шести «шторок» — художник восемнадцатого века — не оставил своей подписи, а Николай Шахов — просто копист, который скопировал их с неизвестного старинного оригинала. Вторая версия исследовательницы учитывала тот факт, что в Тобольской губернии, в северных ее уездах, фамилия Шахов широко распространена. Поэтому могли существовать двое Шаховых — старший и младший, отец работал во времена Екатерины, сын — позже.

Что же изображали сибирские «шторки»? Автор дал им названия: «Обдорский князь», «Губа морская», «Обдорская крепость», «Казымский городок», «Река Казым», «Волости Сосьвинской промысла». На «шторках», приблизительно в полтора метра длиной и сантиметров в семьдесят шириной, изображены сцены рыбной ловли, охоты на дикого оленя, медведя, добыча уток луками, устройство жилищ и хозяйственных построек, одежды, занятия женщин.

Большева считала, что в произведениях можно увидеть следы влияния русской иконописи, китайской и русской живописи, гравированных старинных карт, имевших хождение в самых отдаленных провинциальных селениях. Она делала вывод, что стилистически панно могут быть отнесены только к последней четверти XVIII века.

Иной точки зрения придерживался этнограф В. Н. Чернецов. Он считал, что панно были созданы Николаем Шаховым в середине девятнадцатого века, до 1849 года, когда они поступили во Всероссийское географическое общество, а «Ярмарка в Березово» создана чуть позже. Он аргументировал мнение тем, что исполнительские манеры «шторок» и картины схожи. К тому же на одной «шторке» изображена церковь в Сортыне, которая появилась в послеекатерининское время.

Какой из версий отдать предпочтение? Пожалуй, каждая из них имеет право на существование — фактов для доказательства слишком мало. Ясно одно: на Тобольском Севере работал одаренный художник Николай Шахов, создавший ценную иллюстрацию жизни хантов, манси и ненцев. Его «шторки» стоят доброго тома этнографических описаний. На одном из панно изображен Обдорск с двумя высокими колокольнями. Правда, Шахов на этот раз изменил своей строго реалистичной манере и на заднем плане поместил... пальмы. Зато на других панно можно увидеть достоверные изображения ненецких старшин и их князя, в деталях рассмотреть промысла хантов и ненцев в низовьях Оби и Обской губе.

ЦЕНА ПРОЕКТА

«Это огромный в мире пустырь, непригодный для жизни и ценный для государства только как место для ссылки», — так с жандармской прямотой царский генерал Андриевич в середине прошлого века отозвался о Сибири. Вот из такого пренебрежения к ней, наверно, и родился проект, о котором хочется напомнить.

В 1871 году в типографии Киевского губернского управления была издана брошюрка в бумажной обложке с названием «О наводнении Арало-Каспийской низменности для улучшения климата прилежащих стран. (С картой берегов Каспийского и Аральского морей)». Автором ее был киевский инженер Я. Г. Демченко.

...Началось с того, что в седьмом еще классе ему было задано сочинение на тему «О климате России». Зависть к климату западно-европейскому «навела на мысль об улучшении климата отечественного».

Проект, который сам автор называет «довольно фантастическим», «незрелым», можно обозначить так: Обь впадает в... Аральское море. Демченко формулировал: «Если с одной стороны прорыть водораздел между Убаганью и Тургаем и углубить на сколько потребуется русла последних, а с другой — запрудить Обь у места соединения ее с Иртышом так, чтобы она поднялась до уровня окружающей равнины, то есть на высоту около 35 сажен против настоящего уровня, то Обь, наводнив свою долину и долины впадающих в нее рек на известное расстояние вверх от запруды, или, иначе говоря, образовав ветвистое озеро на месте речных долин своей области, потекла бы по направлению тобольской равнины, прорытого канала и долины Тургая прямо в Аральское море». Это бы, по мысли Демченко, принесло человечеству неисчислимые блага. Он искренне полагал, что проект устраняет «природный недостаток» сибирского рельефа, считая, что Иртыш, Обь да и Енисей текут на север «напрасно»: «своими обильнейшими водами питают напрасно холодные тундры Северной Сибири, опресняют во вред Ледовитое море».

Конечно, в фантастическом проекте есть какие-то разумные мысли, но согласиться с его основным постулатом невозможно. Ведь Демченко полагал, что за улучшение климата Арало-Каспия можно заплатить климатом Сибири, и не считал это, кстати, большой ценой. «Эти проекты,— заключал он свою брошюру,— не суть результат каких-либо особых качеств людей, ими занимавшихся, а просто — дело времени, с течением которого и успехами человеческого знания известные открытия и изобретения делаются НЕИЗБЕЖНЫМИ».

Нам нет нужды спорить с киевским прожектёром, жизнь тем и хороша, что в ней встречаются такие необузданные мечтатели. Жаль, что и столетие спустя находятся люди, которые на сложный мир нашей планеты, где все взаимосвязано и взаимозависимо, смотрят столь же романтически, как дилетант из Киева.

НИТКИ ИЗ КРАПИВЫ, КОВРЫ ИЗ КАМЫША

В 1894 году тобольские промышленники готовились к сельскохозяйственной и кустарной выставке, которая проводилась в Кургане. По этому случаю тобольский губернатор поручил губерньскому статистическому комитету подготовить обзор крестьянских промыслов. Он был опубликован в «Еженедельнике Тобольского музея».

Какая же промышленность бытовала в Нижнем Приобье почти столетие назад?

В Обдорской волости изготовлялись весла, лопаты, корыта, чашки, изготавливали луки (до сотни штук в год). В юртах Полуйских, Шурышкарских, Вайтвжских, Сыропургорских жили мастера, которые из драни лиственничного дерева и тонких корней кедра плели рыболовецкие ловушки, морды. Лабытнанские юрты славились тем, что там изготавливали веревки из трав, причем в большом количестве. В Обдорске имелись мастерицы по выделке

ковров из камыша. Был развит промысел серы из кедра, ее смешивали с собачьей шерстью и употребляли для смоления лодок. Жители Харпослинских юрт имели приработок, изготавливая трут из березовой губы. Он применялся вместо спичек при добывании огня. Спички в здешних местах считались роскошью. Харпослинцы представляли ежегодно десять пудов такого трута, еще 15 пудов березового «огнива» поступало из юрт Куноватовской волости.

Пользовался спросом у местного населения и отлип — стружки тала, которые заменяли полотенец и салфетки. Отлип изготавливали из ивняка.

Швейная, если ее можно так назвать, промышленность базировалась в Обдорске. Из оленьего меха шили малицы, гуси, ягушки, пимы, треухи, рукавицы, парки.

Куноватцы специализировались на изготовлении принадлежностей для упряжи, на которую шла оленья кость. Здесь же делали черенки для ножей, из рогов готовили клей. В Куноватских юртах пряли также нитки из крапивной конопки и оленьих жил.

Умелый, мастеровитый обитал здесь народ!

САМЫЙ ЮНЫЙ

В середине восемнадцатого века замечательное по своим результатам путешествие в северную Сибирь совершил ученик Ломоносова будущий академик Василий Зуев. Считалось, что он — самый юный ученый путешественник, побывавший в этих краях: в ту пору Василию исполнилось 18 лет. Однако недавно архивисты уточнили дату и оказалось, что Зуев во время Ямальской экспедиции был на два года старше. Слава самого юного перешла к другому исследователю.

Доктор зоологии, профессор Константин Михайлович Дерюгин в истории науки известен как замечательный организатор гидрологических исследований Мирового океана. Российское географическое общество присудило ему большую Золотую медаль. В течение полутора десятка лет Константин Михайлович возглавлял Петергофский естественнонаучный институт. А свою первую экспедицию — Дерюгину в ту пору было всего девятнадцать лет — он совершил на сибирский север.

Эту «экскурсию» субсидировали Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей, зоологический музей Академии наук и Русское антропологическое общество. Из Тюмени «экскурсант» добирался до Обдорска на попутных пароходах. От Самарова продолжал путь на север на вместительном каюке, который ему удружил известный в этом селе покровитель путешествующих местный крестьянин Василий Земцов. 27 июля каюк причалил к обдорской пристани.

Денег у ученого студента было немного, и нанять нужное количество оленьих нартов для поездки к Полярному Уралу оказалось не под силу. Но в сельце уже знали об исследованиях. На помощь пришел «мелкий рыбопромышленник» И. А. Рочев, который, как писал Дерюгин, «интересуясь наукой вообще и нашей поездкой в частности, решил сопровождать нас на Урал».

Было совершенно восхождение на вершину Сухар-Кеу. Перед восхождением путешественников приютили оленеводы-остяки, уступив половину тесноватого чума. Правда, в чуме, не без юмора сообщает Дерюгин, их встретила «целая армия всевозможных паразитов, не признававших в нас гостей». 11 августа путешественники завершили полярноуральскую экспедицию и собрались в обратный путь к Обдорску. Они провели еще несколько поездок по Полюю, пользуясь услугами «местного обывателя» П. В. Веригина, который одолжил им небольшую яхточку.

В результате студенческой «экскурсии» была собрана довольно обильная коллекция, которая включала в себя почти две сотни образцов таежной и тундровой фауны и значительный гербарий. Коллекцией заинтересовался академик М. А. Мензбир и привлек к разбору редкого полярноуральского материала опытного орнитолога, бу-

дущего автора знаменитой «Лесной газеты» Виталия Бианки.

ПО СЛЕДАМ ПОГИБШЕГО СЫНА

В Сибири была в разгаре гражданская война. С тяжелым предчувствием расставался с сыном Александром известный сибирский астроном Борис Петрович Вейнберг. Но девятнадцатилетний топограф был непреклонен. В Северообскую гидрографическую экспедицию он записался простым матросом, но собирался заниматься научными изысканиями.

Предчувствиям отца суждено было оправдаться. Драма разыгралась в Обской губе, в бухте Находка. С перегруженной шлюпки-шестерки, попавшей в шторм, спасся лишь один матрос. Но это был не Александр Вейнберг... Пропали и его картографические зарисовки.

Вейнберг-старший Севером не увлекался, но хорошо помнил наказ своего учителя, великого сибиряка и патриота Сибири Дмитрия Менделеева: «Для успешно и верно движения вперед — лучше всего на один из первых планов поставить завоевания Ледовитого океана!»

Еще стояла над Сибирью колчаковская ночь, но Борис Петрович добился, чтобы Институт исследования Сибири создал комиссию по восстановлению результатов экспедиции, в которой принимал участие его сын, и была снаряжена новая Обско-Тазовская экспедиция. Так как к навигации 1920 года Советская власть в Томске, где находился Сибирский институт, была восстановлена, экспедицию следует считать первой советской на Ямале. Исследования в Обской губе заметно осложняло отсутствие собственного транспорта, приходилось пользоваться редкими в те времена попутными судами. Выручил Алексей Осипов — начальник высокоширотной гидрографической партии, выделил томичам свой флагман пароход «Орлик». Помогли и моряки парохода «Урал».

Исследования велись как в водах Обской и Тазовской губ, так и на берегах. В бухте Находка трудился целый отряд исследователей — зоологи, топографы, этнограф.

Вейнберг, воспользовавшись оказией, перебрался на пароход «Мария», чтобы вести съемку берегов Тазовской губы. Не реже раза в пять минут делались отметки курса, пеленговались приметные береговые пункты, отмечались траверсы, зарисовывались берега. И так — от мыса Круглого до фактории Хальмер-Седе, где еще не ступала нога геодезиста.

В 1921 году «Известия института исследования Сибири» опубликовали крупномасштабную «Карту берегов Тазовской губы и южной части Обской губы» — главный итог экспедиции, посвященной памяти погибшего сына. Такой научной лощей нижеобские капитаны до тех пор не располагали.

РАДИОГРАММЫ ШЛИ ЧЕРЕЗ ОБДОРСК

В феврале 1921 года на юге Сибири вспыхнуло кулацкое восстание. Обдорск, где к тому времени смонтировали для карских товарообменных операций мощную радиостанцию, стал связующим центром между Москвой и Сибирью. На всем протяжении от Челябинска до Читы не было станций, которые могли бы поддерживать регулярную связь между собой. В феврале радисты Челябинска передали в Обдорск, что радиосвязь Челябинск — Омск и Екатеринбург — Омск прервана. Через несколько дней московская радиостанция Ходынка сообщила обдорунам: «На вас единственная надежда».

Радиостанция принимала телеграммы, подписанные председателем Совета Народных Комиссаров В. И. Лениным, Главкомом С. С. Каменевым, М. И. Калининным, Ф. Э. Дзержинским, секретарями ЦК партии, министрами молодой Советской Республики. Они передавались в Омск, Читы, Томск, Новониколаевск, Иркутск, Красноярск, Часто

радиопеши с грифом «оперативная», «вне всякой очереди» приходилось посылать «на ветер», в надежде, что они все же будут приняты сибирскими станциями и переправлены по адресам.

Начальник обдорской радиокomанды И. П. Волков вспоминает: 16 февраля радист Михайлов принял морзянку: «Ввиду обострившегося до крайности положения с продовольствием Республики,— телеграфировал Ленин в Сибревком,— предписываю в порядке боевого приказа напряжением всех сил повысить погрузку и отправку хлеба центру и довести до максимума. Ежедневно по прямому проводу сообщайте лично мне и Наркомпреду: наличие хлеба на станциях желдором, количество подвезенного к станциям хлеба за сутки, погрузка хлеба за сутки, отдельно — центру, отдельно — местная, если был недогруз — причины последнего».

Их было очень немного, обдорских радистов, которые обеспечивали связь. Это Иван Михайлов, его помощник Тит Тушкин. Осваивала нелегкое ремесло бывшая телеграфная надсмотрщица Маруся Волкова, приехавшая в Обдорск с десятилетней дочкой. Наверное, обдорская станция могла бы и замолчать в самый напряженный момент, если бы не усилил электромеханика Теодора Сарану. Станция была смонтирована из оборудования акционерного общества «РОНГ и Т» — английского филиала фирмы Маркени, весьма ненадежного в эксплуатации. Теодору с товарищами почти в безнадёжных ситуациях приходилось вызывать к жизни замолкавшую станцию. День и ночь дежурили здесь милиционеры, бойцы ЧОН, коммунисты. Радиogramмы из центра шли через Обдорск.

НАХОДКА ОХОТНИКА

В 1935 году академик Дмитрий Наливкин писал: «Можно утверждать, что Арктика обладает значительными возможностями нахождения нефтяных месторождений». По тем временам это был смелый, почти преждевременный прогноз.

А вот еще одно суждение, которое принадлежит отнюдь не геологическому авторитету, а простому охотнику Гыдоямского рыбокооператива Д. И. Зотову.

Весной 1959 года главному геологу Тюменского территориального геологического управления Л. И. Ровнину принесло письмо с необычным обратным адресом: «Газовский район, пос. Гыдоям, начальнику культбазы для передачи Д. И. Зотову в охотничью избушку на устье р. Пименон».

«По делам службы мне много раз приходилось ездить по тундре и летом, и зимой, на оленях, на собаках, на лодке и т.д. и можно сказать, что тундру я порядочно знаю. Еще в 1941 и 42 годах на Ямале, в районе озер Нейто и Ямбуто (район Се-Яхи), меня заинтересовали некоторые места в тундре, они наводили на мысль о нефти. Но товарищи по путешествию смеялись, это, говорят, «ржавчина». С тех пор мне эта «ржавчина» не дает покоя. Идешь по тундре, и вдруг тебе встречается нечто вроде трясинки, грязь такая, что ли, а поверх грязи этой как будто кто-то вылил ведро нефти или керосина, потому что сильный налет какого-то фиолетового и радужного цветов. Вот мы и ругаемся с Машей, с женой: я настаиваю, что это нефть, а она говорит, надоел ты мне с ней. И все-таки я убежден, что это нефть».

Так безыскусно делился своими наблюдениями арктический охотник. Письмо длинное — несколько десятков страниц, свои сомнения и резоны адресат поворачивал и так и сяк, понимая, что ложная информация может привести к большим затратам.

Л. И. Ровнин отдал приказ начальнику Ямало-Ненецкой экспедиции И. В. Морозову: «Предлагаю летом 1959 года организовать проверку этой заявки путем посылки специалиста-геолога на гидросамолете. Работу выполняете за счет ассигнований любой партии».

Фотокопию зотовского письма и ровнинского распоряжения подарил мне геофизик с Полярного Урала Курячий. На оригинале документов дарственная надпись:

«Ю. Курячему. На память о давнем совместном маршруте по проверке этой заявки». Я впервые столкнулся с тем, что на память дарят не стихи или книжку, а копии деловых документов.

— Мне было тогда только девятнадцать. Я закончил геологический техникум. Но нашей маленькой экспедицией руководила опытная Аграфена Волкова, — вспоминал Юрий Федорович. — Уверенность охотника была все же преждевременной. Маслянистые пятна на поверку оказались действительно «ржавчиной», металлическими соединениями, растворенными в воде. Требовалось ставить масштабные сейсмопоисковые работы. Но в те годы стояли более важные задачи — ведь вся Сибирь на нефтяной геологической карте еще выглядела белым пятном.

Так что же, напрасными оказались зотовские резоны? Конечно, нет. Такие «заявки с мест» вселяли уверенность, что нефть в Арктике надо искать. Кстати, в районе Се-Яхи она уже найдена. Пришло время и Гыданского полуострова. — там тоже найдена нефть. А поиск только начат...

«В 1953 и 54-м годах, будучи в Гыдоям, я несколько раз замечал, что в зимнее время самолеты типа ЛИ-2 сбивались с курса и уходили влево. Ясно, что компасная стрелка играет тут не последнюю роль. Учтите, что северные пилоты — опытный народ, но все-таки и их стрелка сбивает с толку».

Это из того же письма наблюдательного охотника. Может, недалеко время, когда придется проверить, нет ли в гыданских краях и магнитной аномалии?

ЗАМИНКА НА ВОЛОКЕ

Пропала «Щелья»... Уже несколько дней с легендарного карбаса не поступало никаких сигналов. Последний раз «Щелья» видели у берега Ямала в устье Морды-Яхи. Что-то случилось с отважным помором Дмитрием Буторинным и его спутником писателем Михаилом Скороходовым, которые пошли древним поморским путем в Мангазею. Контрольные сроки связи прошли... Спонсоры экспедиции забеспокоились. Ближайшее авиаподразделение — на Мысе Каменном. Местные вертолетчики, конечно, помогут. Но где искать? Крохотный карбас под парусом — иголка в «стогу» многочисленных ямальских речек.

В московской квартире Героя Советского Союза Василия Александровича Борисова раздался поздний телефонный звонок.

— Пропала «Щелья»... Отыскать можете только вы. — Собираю чемодан.

Назавтра Борисов уже сидел в командирском кресле «четверки», и МИ-4 шел курсом на Се-Яху. Он давно не бывал в этих местах, но хорошо их помнил.

...С войны Борисов вернулся со звездой Героя. Предложили работу на Севере, где разворачивалось строительство железной дороги Салехард — Игарка. На вздвессущем ПО-2 облетел всю трассу, возил изыскателей, садился в самых безнадежных местах.

— Вызывают меня как-то в окружной комитет партии: в Тазовской губе терпят бедствие полтысячи человек. Во льдах застрял караван барж, которые вел пароход «Адмирал Нахимов». На траверзе рыболовецкого поселка Находка он встретил льды, развернулся не сумел и вмерз.

На дворе середина ноября, давно пуржит. Ветер страшнейший. Но делать нечего. Беру ПО-2С (санитарный вариант), трехкабинный, вылетаю к каравану. Вмерзшие баржи и их флагман сверху хорошо заметны. Надо садиться. Но удержит ли лед? Надежно ли промерз? Решаю рискнуть. Но — дал промашку, посадил машину почти рядом с пароходом. Со всех барж народ кинулся к нам. Они ж здесь уже больше месяца кукуют. Но до меня вдруг доходит: если толпа сейчас добежит и сгрудится на дытачке перед самолетом, мы провалимся под тонкий лед вместе с машиной. Что делать? Рука нечаянно задела кобурку пистолета. Не раздумывая, я выхватил свой фронтальной ТТ и пару раз выстрелил в воздух. Бе-

жавшие первыми застопорили. Я поспешил им навстречу...

Весь день «воздушный санитар» курсировал между Находкой и караваном, вызволив первоочередников на берег. На другой день на помощь подоспел еще один ПО-2, командира Прокофьева. Тем временем на берегу укатывали подручными средствами полосу под ЛИ-2...

После того как строительство дороги закрыли, Борисов уехал с Ямала, возил экспедиции на дрейфующие станции, с десятком раз добирался на вертолете до Северного полюса, обеспечивал проводку судов по всей трассе Северного морского пути от Мурманска до Владивостока. Потом ненадолго вернулся на Ямал, помогал геологоразведчикам Нового Порта и Мыса Каменного, первым строителям Надыма.

Вроде бы — возраст! — расстался с этим краем навсегда. И вдруг неожиданный вызов.

Оказалось, что Буторин и Скороходов благополучно дошли до «горба» — водораздельных холмов полуострова Ямал. Это место древнего ямальского волока, жалкие ручейки здешних речушек не судоходны. Экипаж «Щельи» по-бурлацки впрягся в ляжки, потащил свой карбас испытанным дедовским способом — волоком. Изрядно пришлось попотеть, но они упились, вместе с карбасом перетасив и подсобную лодку «Щелянку». Но оказалось, что ликовать рано — на карбасе кончился бензин. Бывалый штурман заблудился в многочисленных проточках, а 8 августа уже выпал первый снег...

Здесь, у восточного склона ямальского «горба», и разыскал команду «Щельи» воздушный разведчик Ямала Василий Борисов. Несколько холков его вертолета — и знаменитая пост-поморская экспедиция продолжила свой путь к «златокипящей Мангазее».

ТАЙНЫ «ГЛАВНОГО ШАЙТАНА»

Две зимы и три лета провел в ямальских тундрах скромный русский ученый-зоолог Борис Житков. Результатом его экспедиции стала монография «Полуостров Ямал». Среди многочисленных открытий Житкова — «Главный шайтан» ненцев Ямала: «семь отдельных куч, стоящих вытянутым рядом в нескольких шагах расстояния одна от другой. Несколько идолов, кроме того, стоят отдельно по одному и по два. Деревянные идолы здесь или обычного самоедского типа в виде коротких обрубков древесного ствола со стесанной наверху головой и грубыми насечками на месте глаз, носа и рта или в виде длинных тонких обтесанных палок, покрытых группами зарубок по семь в каждой группе. Каждая кучка сядасев считается местом поклонения... Паломники по обету приезжают сюда иногда не только из отдаленнейших частей Ямала, но и из-за Урала».

Житков путешествовал исключительно на оленьих упряжках. Возможности советских ученых, конечно, изменились. Но шесть лет потребовалось зоологу Савве Успенскому, чтобы попасть на мыс Хае-Сале в восточном «углу» Ямала, где скрывался от взглядов ученых Ямал-Хэ («Главный шайтан»). В августе 1970 года ученый попросил пилота гидросамолета пролететь над заветным мысом. Жертвенник они обнаружили, однако не могли подъехать приличное озеро или речку, на которой можно было приводниться. Азартный исследователь хотел даже спрыгнуть с самолета, но пилот не рискнул на «ученую авантюру».

Казалось бы, повезло в мае 1972 года, когда Успенский оказался у Ямал-Хэ вместе с известным специалистом по ископаемым мамонтам зоологом Н. К. Верещагиным. Но май в этих широтах — глубокая зима, жертвенник скрыт под многометровыми сугробами снега, а ждаты, пока уйдут снега, у исследователей не было времени. И только июль 1976 года принес долгожданную удачу. «Главный шайтан» открылся ученому во всем своем великолепии.

Савва Успенский — зоолог, крупнейший отечественный специалист по популяции белых медведей. Чем же при-

влек его «Главный шайтан» — священное место ненцев? Дело в том, что на этом месте ненцы производили закланье жертвенного оленя или приносили головы убитых «хозяев» арктических льдов. Жертвенник сохранил останки овцебыка — значит, и на Ямале в древние времена водились эти полярные зубры. Ученый насчитал почти две сотни медвежьих черепов, черепа оленей не поддавались счету. Настоящий зоологический музей под открытым полярным небом! Такая удача выпадает в жизни редко — открытие Ямал-Хэ стало настоящей сенсацией. Редкий памятник северной природы должен быть заповедан. Он еще не все поведал исследователям о загадках древней земли.

МОРОШКОВЫЕ КОЧКИ

Сотни строителей, трассовиков, газодобытчиков приезжают в заполярный Ямбург. И первый вопрос: что за название такое? Ненцы, коренные жители Тазовского полуострова, на западном берегу которого вырос современный Ямбург, такого слова не знают. Ни одного похожего по звучанию ненецкого названия в окрестностях не найдено. Эта местность у здешних оленеводов известна как Елок.

Имя дал Юрий Кушелевский. В середине прошлого века он исследовал эти места на своей шхуне «Таз». Кушелевский — уроженец местечка Ямбург, ныне г. Кингисепп в Ленинградской области.

Но на карте Кушелевского там, где находится современный Ямбург, — пустое место, белое пятно. Проанализировали лоции более позднего времени. И обнаружили Ямбург... на восточном берегу Тазовского полуострова. Рядом находится мыс Юмбор (в переводе с ненецкого — кочковатое место, где растет морошка, «морошковые кочки»). Можно предположить, что исходное по звучанию «Юмбор» напомнило Кушелевскому родной Ямбург, и он назвал именем родного города соседний мыс. Позднее, уже в советские годы, здесь появилась торговая фактория.

Но как же Ямбург с восточного побережья переключался на западное? Оказалось, что в этом «повинны» первые тазовские сейсморазведчики. В 1969 году они начали поиск новой структуры, перспективной на нефть и газ. Маршрут начинался от заброшенной тундровой фактории Ямбург. Поиск был удачным — обнаружили богатейшее месторождение природного газа. Нанесенная на карту структура «Ямбургская» протянулась через весь полуостров. И когда сюда пришли строители и газовики, они дали вахтовому поселку это красивое имя — Ямбург.

Возможно, такая версия удовлетворит далеко не всех. Как же в исконно ненецких местах появилось чужеродное имя, неужели оно не выводится из ненецкого языка? Может, следует поискать?

Этот вопрос я задал кандидату педагогических наук, старшему научному сотруднику НИИ национальных школ Севера Е. Г. Сусой.

— Пожалуй, мы отыщем лишь одно созвучное слово, — ответила Елена Григорьевна, — ямбурка. Это прилагательное, оно означает — продолговатый, длинноватый. Может относиться к озеру, холму.

— Что означает первый корень в многочисленных ямальских гидронимах — Ямто, Ямбуто, Ямсале, Ямсавай?

— Словом «ям» ненцы означают большой водоем. Ям — это и Обская, Тазовская, Гыданская губы, реки Таз, Пур, Ямбуто — продолговатое озеро, Ямто — большое озеро, Ямсале — мыс у Обской губы, Ямсавай — илистая река, впадающая в Большой Пур.

— «Переключаются» ли Ямал и Ямбург?

— Переключка может быть, если считать слово «ямбург» искаженным ненецким. В начале века название полуострова «Ямал» писали так — Ялмал. Делалось это для того; чтобы точнее передать звучание ненецкого слова «земля» — «я». Мы пишем одну букву, но звук ненецкого языка сложнее, точнее было бы писать — ял, ям. Назва-

кие полуострова тогда бы писалось «Яммал» («земли край»). Но орфографическая традиция остановилась на написании — Ямал.

ПОСЛАНЦЫ ДРЕВНОСТИ

Вначале ничто не предвещало сенсации. Находки на мысе Корчаги, недалеко от Салехарда, были скромными: скребки, скребло, нуклеусы — каменные желваки с оббитыми краями, которые свидетельствовали о том, что эти пластины древний охотник использовал на свои ножи и копыта. Леонид Хлобыстин, руководитель Северо-Сибирской экспедиции, старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, предположительно определил возраст находок: мезолит. Третье тысячелетие до нашей эры.

Но из специальной лаборатории института, где проводят более тщательные и точные исследования, в частности радиоуглеродным методом, поступил сенсационный ответ: находкам с берегов нижней Оби как минимум семь с половиной тысяч лет.

Более древних орудий археологи на территории севера Западной Сибири не находили. Раньше приоритет в этой области принадлежал Таймыру, где Хлобыстин несколько лет назад обнаружил мезолитические камни шеститысячелетнего возраста.

Сейчас наука располагает вещественными свидетельствами того, что уже семь с половиной тысяч лет назад берега суровой Оби в ее самом нижнем течении были обжиты людьми. Кто они были, древние охотники? Существует гипотеза, что современные ненцы — потомки древнего абorigенного населения Севера и пришедших в нашу эру саянских самодийцев. Судя по всему, каменные орудия принадлежали этим северным аборигенам, мужественно обживавшим поляные берега.

ОТКУДА ЖАРЕННЫЕ ВОРОБЬИ?

Николай
КОСИКОВ

Писатель В. Пикуль в очерке «Секрет русской стали» пишет о Златоусте: «...город славился бесподобными кренделями и пряниками. Дичи в лесах было видимо-невидимо, но почему-то здесь предпочитали на закуску жареных воробьев».

Возникло сомнение: не замечал у земляков пристрастия к такому экзотическому блюду. Но, оказывается, основания у автора были.

В 1894 году журнал «Исторический вестник» напечатал очерк П. П. Падучева «Первые русские стальные пушки» — о замечательном инженере П. М. Обухове и его соратниках, которые в 1860 году отлили первые орудия из отечественной стали. Высокое начальство потребовало пушки для испытаний в Петербург. После четырех тысяч выстрелов испытания были остановлены: обуховская пушка выдержала экзамен.

На изобретателя посыпались награды, он был повышен в чине и назначен начальником Златоустовского горного округа. А в городе Инженерное общество устроило ему торжественную встречу и роскошный обед. «Шампанское, конечно, лилось рекой. Подали медвежьи окорока, оленьи языки, форель, всевозможную лесную и болотную дичь и... колоссальную пирамиду из жареных воробьев, которые в течение недели ловились сотнями во дворах и огородах обывателей».

Вот откуда появились жареные воробьи в очерке современного писателя. Едва ли такой Лукуллов пир, какой описал П. П. Падучев, мог быть еще когда-нибудь в Златоусте.

г. Златоуст

Анатолий
СМЕРНОВ

ВЕНЕРИНЫ БАШМАЧКИ

В тот год весна запоздала. Да вдобавок к тому оказалась холодная, затяжная. Но вот наконец ненастные дни кончились, и я отправился за город.

Казалось, дремавшая природа спешила наверстать упущенное. Среди очарованных песнями иволги белых берез водили хоромы первоцветы. Возле ручья, где задержалась утренняя прохлада, их краски были особенно яркими.

Крутобокий пригорок обочь лесной дороги устелили посеребренные кошачьи лапки. Крупно цвела земляника.

Каждую весну брожу я по лесам, восхищаясь царством зеленых творений природы, их многообразием. Такое обилие растений — и ни одно в точности не похоже на другое. Помню, как долго охотился я за венериными башмачками, редким и замечательным растением.

Первый в жизни пятнистый венерин башмачок был увиден мной в букете, что украшал обеденный стол на турбазе. А позже, в ельниках Предуралья я наткнулся на целые заросли. Что ни куртина — десятки цветов! Уходил оттуда, потрясенный невообразимой удачей.

И вот сейчас глаза невольно среди разноцветья ищут любимый цветок. Неожиданно он оказался совсем рядом. Опускаюсь перед ним на колени. Цветок раскрыл свое самое сокровенное — две крупинки зеленых пыльников, серо-желтые яркие рыльца, частые-частые ряды бордовых крапинок изнутри лепестков и главное украшение — губу, давшую цветку название — венерин башмачок.

Венерины башмачки не растут разбросанно, и рядом за пеньком их оказалась целая кучка. Это были крупные растения, у каждого по два цветка. Внешние лепестки были темней и сильно оттеняли желтизну спрятанной в них губы.

Хожу от куртины к куртине. Ползаю возле них. И вдруг обжигает мысль: «Примяв траву, я открыл их, быть может, взору невежи, и тот бездумно выдернет уникальное растение с корнем». Бережно расправляю траву. Оглядываюсь и ухожу.

Сделать бы, думаю, заповедной поляну, сохранить на ней три вида редких растений. И за чертой третьего тысячелетия кто-то стал бы свидетелем их цветения неподалеку от большого города.

Вячеслав КАМЕНЩИК

ОПУБЛИКОВАНИЮ НЕ ПОДЛЕЖАЛ...

АТОМНЫЕ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ — УНИКАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ЭНЕРГИИ, БЕЗ КОТОРОГО ТРУДНО БЫ ОБОЙТИСЬ В НАШЕ ВРЕМЯ. НО ПРИ ЭТОМ, ЕСТЕСТВЕННО, ЛЮДИ ВПРАВЕ РАССЧИТЫВАТЬ НА БЕЗОПАСНОСТЬ ВСЕХ АЭС В МИРЕ, В ТОМ ЧИСЛЕ И НАШЕЙ, БЕЛОЯРСКОЙ — ОДНОЙ ИЗ КРУПНЕЙШИХ СТАНЦИЙ, ГДЕ УЖЕ ДЕВЯТЬ ЛЕТ ЭКСПЛУАТИРУЕТСЯ РЕАКТОР НА БЫСТРЫХ НЕЙТРОНАХ БН-600.

В ЭТОМ ГОДУ НА БАЭС ПОБЫВАЛА ИНСПЕКТИРУЮЩАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ ИЗ АНГЛИИ. ГЛАВНЫЙ ИНСПЕКТОР ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АТОМНЫХ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ Р. РАЙДЕР СКАЗАЛ ПОСЛЕ ЗНАКОМСТВА С ПРЕДПРИЯТИЕМ: «ТО, ЧТО МЫ ОПРЕДЕЛЯЕМ ДЛЯ СЕБЯ КАК СОДЕРЖАНИЕ СТАНЦИИ, ЭКСПЛУАТАЦИЯ СИСТЕМ ТУТ НА ДОЛЖНОМ УРОВНЕ; СПЕЦИАЛИСТЫ, ОБСЛУЖИВАЮЩИЙ ПЕРСОНАЛ ОБЛАДАЮТ ВЫСОКОЙ КВАЛИФИКАЦИЕЙ». ЗДЕСЬ И ДОЛЖНЫ ТРУДИТЬСЯ ТАКИЕ ЛЮДИ, — ЧТОБЫ НЕ ВОЗНИКАЛО СЛОЖНОСТЕЙ С АТОМНОЙ СЛУЖБОЙ, ИЛИ, ЕСЛИ ВОЗНИКНУТ, — ЧТОБЫ ОНИ БЫЛИ НЕМЕДЛЕННО ПРЕОДОЛЕННЫ.

До Нового, 1979 года оставалось двадцать пять часов. Воскресный день предстоял беспокойный: домашние хлопоты, затем, как полагаются, провода старого и встреча нового года — по-свердловски, помосковски...

В 2 часа 15 минут предновогодней ночи зазвонил телефон:

— Товарищ полковник! На Белоярке пожар... Выехали по второму номеру. Гуляев вызвал машину.

«Второй номер» — повышенная опасность. «Второй номер» объявляется при малейшем загорании на атомной станции. Но то, что начальник управления пожарной охраны не позвонил сам, а поручил дежурному — означало большую тревогу.

Я выехал на Белоярку.

В Заречном, поселке атомщиков, я не был полгода. За это время выросли несколько новых домов, обозначились контуры будущей гостиницы. На атомной готовился пуск третьей очереди с новым реактором на быстрых нейтронах.

Ничего необычного в погруженном в темноту поселке не было, если не считать того, что на опушке соснового леса, где разместились корпуса БАЭС, иногда вспыхивало алое зарево. Тревожнее стало, когда в лучах прожекторов высветилось серо-зеленое здание машинного зала: между административным и промышленным корпусами стояли красные автоцистерны, от них и от гидранта тянулись серые, покрытые льдом линии пожарных рукавов.

...Ни старший инженер-механик С. И. Кориюкалов, ни машинисты турбины В. В. Данилов и И. В. Ляшков, ни оператор реакторного отделения В. В. Мясников, никто другой из работников станции, заступаая на смену 30 декабря 1978 года, не предпологал, что предстоит через два часа. Не думали они и о том, что каждое их слово, записанное на магнитную ленту своеобразного «черного ящика», будет скрупулезно изучаться не только специалистами-атомщиками, но и (в то время) старшим следователем прокуратуры Свердловской области В. Ю. Андреевым.

Из протокола допроса И. В. Ляшкова:

«Я пришел на работу в 23.30. Обошел турбогенераторы, и никаких претензий к их состоянию не было. В начале первого часа ночи я составил суточную ведомость всех трех турбогенераторов, отразил давление по водороду, по маслу и другие параметры. Приблизительно в 1 час. 45 мин. услышал резкий гул. Мы втроем — еще Кориюкалов и Мясников — через две-три секунды вбежали в машинный зал и сначала увидели пламя. Оно было ярко-оранжевым, высотой примерно четыре метра...»

Любой пожар — это беда. Но когда горит атомная станция, это беда в сотни, тысячи раз тяжелее. Еще ничего не было известно о трагическом происшествии на ядерном реакторе Уиндскейл в Англии. Только спустя месяцы произойдет авария

на американской станции Тримайл Айленд, в связи с нею власти штата Пенсильвания эвакуируют несколько десятков тысяч жителей города. Не был предан огласке инцидент на французской АЭС в Бюже, где пятеро рабочих получили высокую дозу облучения. Еще не прозвучал тревожный набатом Чернобыль...

В течение четырех минут, как потом покажет расследование, на БАЭС вышло из строя большинство средств связи, отключилось освещение.

Капитан внутренней службы И. П. Ватрич замешал в те дни заболевшего начальника пожарной части. Перед уходом со службы он еще раз проверил боевое расписание караулов, осмотрил в гараже «пожарные хода» (так по старинке называют боевые машины, давно заменившие лошадей с пожарными пролетками). Сообщение о том, что горит турбогенератор № 2, на долгие месяцы поставило Ватрича в центр событий, происходивших вокруг первой в Союзе опытно-промышленной атомной станции.

Иван Петрович Ватрич выбежал на улицу, встретил поднятого по тревоге заместителя главного инженера по эксплуатации И. В. Бычкова, вместе с ним, не дожидаясь вызванной машины, они поспешили к дому директора станции. Малышев уже стоял на улице, на морозе, в одной рубашке.

— Это очень серьезно, — сказал Вадим Михайлович Малышев. — Быстро на станцию!.. Я соберу народ.

За водоканалом они увидели отблески пламени. По «чистой» лестнице вбежали в главный корпус на восьмую отметку. В жилых домах считают этажи, на атомных станциях — отметки: нулевая соответствует первому, двадцатая — шестому этажу, там установлен большой щит управления. На «восьмерке» размещался прямоугольник машинного зала, в котором произошла авария.

Из протокола допроса С. И. Мохова, старшего дежурного электромонтера:

«Я сидел на рабочем месте, вдруг слышу: Масаков Геннадий Петрович, левый оператор на блочном щите управления, что-то кричит в микрофон.

С ним в тот день сидел за пультом Саша Катаргин. И — хлопок... Дверь распахнулась. Я выскочил из комнаты для дежурных в машинный зал. Вижу: небо в звездах... Не сразу сообразил, что криши нет...»

Металлические фермы и железобетонное покрытие, не выдержав высокой температуры, искорежились и рухнули в центре машинного зала, образовав над генератором № 2 пролом величиной с футбольное поле.

Мохов включил систему пожаротушения. Насосы поработали немного и заглохли. Система отключилась. Еще никто не знал, что огонь проник к электрокабелям, нарушил их изоляцию, вызвал серию коротких замыканий и новые очаги пожара. В первую очередь Мохов подумал, что может взорваться водород, охлаждающий генераторы, — стравил его до ноля. Перекрыв трубы. Открыл углекислоту и азот. В это время погасли все осветительные секции.

Электрики, однако, сделали все для восстановления минимума электропитания, и это позволило сотрудникам станции что-то предпринять в первые же минуты аварии. Мохов с начальником смены В. А. Мамыкиным буквально вручную, ломиками включали лишнюю дистанционно-го управления аппаратуру системы охлаждения реакторов.

Сейчас, когда прошло десять лет, когда произошла еще большая трагедия на Чернобыльской АЭС, особое значение придается тому, что сделал каждый в той экстремальной ситуации. А каждый сделал единственно необходимое.

— Начальником смены реакторно-турбинного цеха был Анатолий Иванович Пономарев, — говорит нынешний директор БАЭС О. М. Сараяв, работавший десять лет назад начальником реакторного цеха. — Так вот, он отдал самые верные распоряжения в первые же минуты пожара. Будь они другими или промедли он, растеряйся — авария разрослась бы...

Четкие действия А. И. Пономарева, С. И. Корюкалова, Б. А. Строганцева и многих других из той ночной смены дали возможность людям не испугаться огня, быстро прийти в себя.

В машинном зале сразу же провели аварийное освобождение маслобаков второй и третьей турбин, на которые обрушилась кровля, — предотвратили мощное развитие пожара. Уже в ходе тушения принимались все меры, чтобы не допустить замораживания системы охлаждения в первом блоке. Первый реактор тоже остановили; если бы не удалось сделать это — последствия были бы непредсказуемыми. Надо было учесть и «меньшую» беду: первый блок обеспечивал отопление станции и всей северной части поселка, а прекратится подача тепла в пятидесятиградусный мороз тоже означало катастрофу.

Пожар не был подпущен и к аппаратному отделению, которое должно было функционировать постоянно. Но в подщитовое помещение огонь по кабельным тоннелям проник — присутствие людей на щитах управления реакторами стало почти невозможным.

Из фонограммы телефонного разговора машиниста турбины Е. В. Данилова со старшим инженером управления турбогенератором № 1 А. А. Животовым:

Данилов: Я прорвался к пу-сковому конденсатору, больше некуда, кругом дым... Что у вас там?

Животов: Блок работает. Водородное охлаждение «зависло».

Данилов: Понимаю... Я бы туда с удовольствием проник, да не могу...

Животов: Горит кабельный полужетаж. Мы можем в любую минуту тоже «отвалиться»...

От аппаратного зависел нормальный режим первого блока. В машинном зале температура уже была под минус сорок... Турбогенератор № 1, покрытый изморозью и снегом, обязан был выдавать электроэнергию, необходимую для снятия остаточного тепла со второго и первого реакторов.

Из справки управления пожарной охраны:

«...Огонь и дым по кабельным тоннелям быстро распространился на верхние этажи. Этому в значительной степени способствовала насыщенность помещений технологическим оборудованием, кабелями с синтетической изоляцией, отделка помещений, полов, лестничных клеток легковоспламеняющимися материалами... В считанные минуты помещения станции от первого до последнего этажа заполнилось дымом плотной концентрации, практически исчезла видимость, создавалась высокая температура. С каждой минутой нарастала угроза уничтожения огнем пультов управления».

Через несколько минут после начала пожара в помещениях стало темно. Вышло из строя и аварийное освещение. Переносных фонарей, что были у пожарных, не хватало. В то время многого у работников станции не хватало. Индивидуальных средств для защиты не было. Противогазы, респираторы, а тем более кислородно-изолирующие аппараты перечнем имущества, которое должно постоянно находиться под руками у дежурных по смене, не предусматривались, как и электрические фонари... Фонари, однако, нашлись: одни отыскали на складе ОРСа, другие привезли за шестьдесят километров, от шахтеров Березовского.

Пожарники в кислородных масках, которыми, к сожалению, не могли пользоваться работники станции, освещая путь фонарями, сопровождали инженеров-операторов, прорывав-

шихся к щитам управления, чтобы снять показания еще работающих приборов. Некоторые теряли сознание, их выносили, но через несколько минут они вновь отправлялись в запыленную дымом аппаратную — никто другой их работу сделать не мог.

Дневник боевых действий, как он называется у пожарных, еще не велся. Только после прибытия на БАЭС подкрепления из Свердловска, Асбеста и других городов начальник штаба тушения пожара из областного управления пожарной охраны подполковник А. Т. Комиссаров приказал фиксировать каждый шаг.

Докладная записка сержанта В. И. Солдатенкова:

«Мы в составе дежурного наряда приехали к месту пожара на 2-й турбогенератор. Приказ был вести линию на нулевую отметку через третьи ворота. Мы с бойцом протянули линию литер «А» вдвоем, больше людей в расчете не было».

Потребовались события в Белоярке, а затем в Чернобыле, чтобы усилить пожарные части, охраняющие атомные станции, дать им дополнительную технику, вплоть до бронетранспортеров, оснастить пожарными рукавами в достаточном количестве...

А в ту ночь...

«Начали искать электриков, — продолжает В. И. Солдатенков, — все было под напряжением... Я стал тушить, нарушая всякие инструкции. Работать было опасно: крыша обрушена, куски бетона продолжали обваливаться. Пламя сбил. На отметке «ноль» делать больше нечего — стал тянуть линию на отметку «8».

Здесь, в машинном зале, начинались основные кабельные тоннели. Пожар на более верхних отметках тушили с двух сторон. Со стороны «грязной» лестницы работал И. П. Ватрич, со стороны «чистой» — прибывший из управления пожарной охраны майор внутренней службы Ю. И. Кулев.

Представьте себе стометровый тоннель, опутанный провисающими проводами. В абсолютной темноте то и дело проскакивают искры-молнии, запаха озона не чувствуется, в легкие даже через маску прорывается удушливая синтетическая гарь...

Кстати, в рекомендациях, утвержденных ГУПО МВД СССР 24 июля 1986 года, «Тактика тушения электроустановок, находящихся под напряжением», записано: «Применение всех видов пен при тушении электроустановок под напряжением с участием людей запрещено». Эта инструкция появилась уже после Чернобыля.

А в Белоярке ответственность пожарным приходилось брать на себя. Заменяли кислородные баллоны, регенерационные патроны в пропитывающих и снова шли в задымлен-

ные отсеки. Кислородных баллонов не хватало. Организовали перезарядку. Ю. И. Кулев заменял баллоны в своем КИПе неоднократно: опытный боец и командир, он знал, к чему может привести кислородное голодание, и все-таки однажды потерял сознание. Очнулся на холоде в машинном зале, куда его вынес А. Т. Комиссаров. Перед ним стоял только что прибывший из Свердловска начальник управления пожарной охраны полковник Г. А. Гуляев.

С появлением Гуляева дело приняло другой оборот. Удалось пустить горячую воду на магистральные линии. Срочно были доставлены еще сорок тонн пенообразователя. Подтянули резервные силы из Свердловского пожарно-технического училища.

Гуляев сам выпускник этого училища. Позднее, в 1986 году, станет известно имя еще одного выпускника училища — Леонида Петровича Телятничкова, героя Чернобыля, ставшего первым работником пожарной охраны страны, которому присвоено высокое звание Героя Советского Союза. В предновогоднюю ночь шестьдесят курсантов во главе с майором внутренней службы Ю. И. Черепановым были подняты по тревоге и отправлены на БАЭС для выполнения особого задания.

Однако обстановка продолжала ухудшаться. К утру пожаром была охвачена вся так называемая деаэрационная этажерка...

Из акта расследования причин аварии и пожара:

«При пожаре на турбогенераторе № 2, как выяснено при расследовании, огонь проник на кабели в ряду «Б» машинного зала и в кабельной шахте № 3 захватил электротехническое оборудование, аппаратуру и приборы тепловой автоматики и защиты... Вышли из строя панели блока щитового управления-2, блоки автоматических сигнализаторов, создавалась угроза для вычислительной машины «Карат».

Через «Карат» проходила вся информация о радиационной обстановке и тепловом режиме. Выход из строя «Карата» означал потерю управления процессами в реакторах... В помещение, где огонь продолжал коржжить ЭВМ, пошли пожарные.

Ю. И. Черепанов рассказывает: — В огонь, как в разведку, надо знать, с кем идешь. Я взял курсантов четвертого дивизиона, с которыми только что закончили тему «Угущение пожаров на электростанциях», и из второго — не раз проверенных в деле. А здесь оказались условия особые. На улице мороз в 47 градусов, а внутри здания — 80 градусов выше нуля...

Из наградного листа курсанта СПТУ В. В. Барсукова:

«...Рискуя жизнью, он во главе звена газодымозащитной службы

семь раз выходил на передний край борьбы с огнем. В условиях сильного задымления, под угрозой поражения электрическим током, не считаясь с усталостью, работал с пенным стволом и не дал распространиться огню...»

Отбросьте неуклюжесть этого выражения: «работал с пенным стволом» и представьте, что у вас в руках двадцатикилограммовая гиря, которую тянет назад и вниз многопудовый, напоенный водой рукав и отталкивает от себя вырывающаяся под давлением в несколько атмосфер пена... Далеко не каждый справится так, чтобы «не считаться с усталостью»!

Конечно, люди работали самоотверженно, смело. Но кто-то заблудился в ходах-выходах... Кто-то с опаской смотрел на трубы теплоносителя — не несут ли атомную заразу?.. И вот для тех, кого время от времени сменяли товарищи, опытные атомщики по просьбе Гуляева организовали «ближ-лекцию» — демонстрировали схемы реакторов, раскрыли секрет действия канальной конструкции с ядерным перегревом пара. Атомный ликбез сыграл свою роль: люди стали действовать, как и действовали — решительно, но уже без опаски.

До конца года оставалось семнадцать часов, когда все чаще стали слышны слова «разгон» и «разнос». Они были понятны только специалистам, но и кое-кто догадывался, что с гибелью «Карата» возникла угроза повреждения активной зоны. Возможность выброса была не исключена.

Опасность сознавали все, и прежде всех Вадим Михайлович Малышев, директор атомной станции. В его кабинете становилось вселюднее — съезжались поднятые по тревоге представители из области, руководители различных управлений и ведомств. С прибытием заместителя председателя облисполкома Ю. Н. Кондратова окончательно сформировался штаб ликвидации последствий аварии.

Решения принимались быстро, уверенно, без лишних согласований и утверждений. Потребовались горноспасатели — и они прибыли из Дегтярска. Нужны были стройматериалы — среди ночи открывались склады. Кто-то внес предложение оградить аварийные помещения машинного зала от мороза брезентом. Вскоре на станции появился сшитый женщинами БАЭС гигантский шатер, под которым началась разборка завалов над турбинами. Каждый знал свое место и свою роль.

Именно поэтому очень скоро появилась уверенность в главном: с реакторами ничего не случится, никаких разгерметизаций не будет. И все-таки оперативным штабом было подготовлено все, что может потребоваться для эвакуации жите-

лей поселка. Водители автобусов из Белоярки, Асбеста и Свердловска были наготове. Экипажи сотрудников ГАИ в любой момент могли сопровождать автоколонны. Приготовлен был приют для детей...

Следственная группа начала осмотр места происшествия — так будет именована авария на БАЭС в уголовном деле, возбужденном прокуратурой Свердловской области по факту пожара. Началось расследование. Такое расследование было необходимо — чтобы не обвинить зря людей. Не работники станции, а случай, который было трудно предвидеть, чуть не окончился большой трагедией.

Пожарно-техническая экспертиза пришла к выводу, что причиной пожара явилось воспламенение изоляции кабеля электропитания от короткого замыкания. Однако установить, который из двух загоревшихся первыми кабелей принес беду, не удалось. Уголовное дело было прекращено за отсутствием состава преступления.

...До начала Нового года оставалось полчаса.

Гуляев вошел в кабинет директора, сбросил в угол негнувшийся замерзший брезентовый плащ:

— Я обошел все помещения, могу доложить: пожар ликвидирован.

Из акта:

«Всего в ликвидации пожара участвовало 1242 человека, в том числе 270 человек личного состава пожарной охраны, курсантов пожарно-технического училища и курсов среднего начальствующего состава УПО МВД Свердловского облисполкома, из которых 150 газодымозащитников, а также 972 человека из числа строительно-монтажных организаций, персонала станции и др.»

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1979 года за самоотверженные действия при ликвидации аварии на Белоярской атомной станции имени И. В. Курчатова награждено:

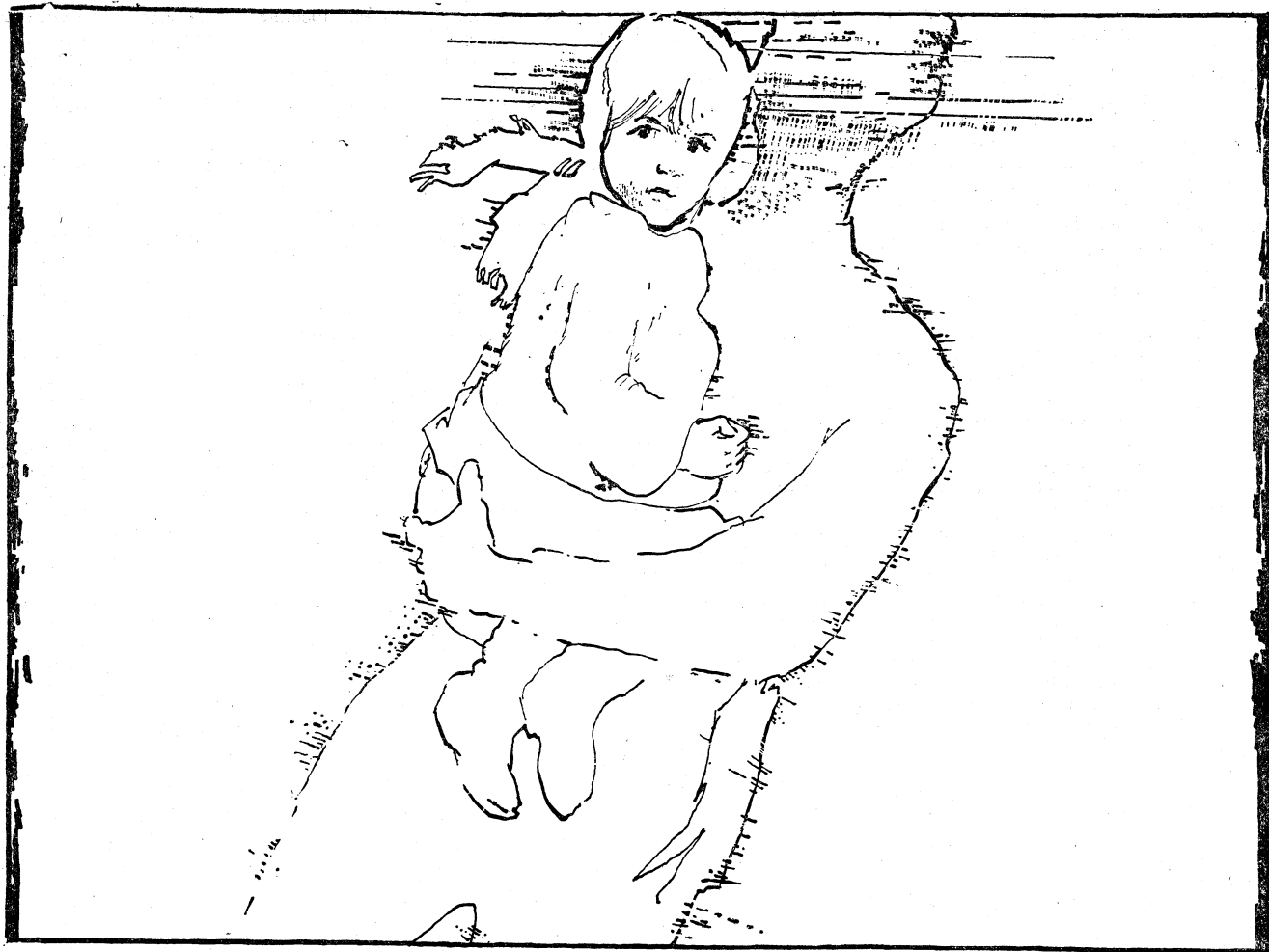
орденом Трудового Красного Знамени —

6 человек,
орденом «Знак Почета» —
13 человек,
медалью «За трудовую доблесть» —

9 человек,
медалью «За трудовое отличие» —

12 человек.
Указом Президиума Верховного Совета РСФСР медалью «За отвагу на пожаре» награждено 44 человека. Ордена и медали вручались по месту работы или службы.

Указы в печати не появлялись. На каждом из них стоял гриф: «Не подлежит опубликованию».

СЧАСТЬЯ МАЛЕНЬКИЙ

БАУЛЬЧИК

Повесть

Владимир ШАПКО

Рисунки
Владимира Ганзина

Окончание. Начало см. в № 9

8.

Прошлой осенью, недели за две до Ноябрьских, Дмитрий Егорович заявился домой с киластым мешком за плечом.

«Сюрприз», — хитро подмигнул он вскочившим из-за стола Кате и Митьке. Прошел в кухонку, боязливо опустил мешок на пол — и отпрянул. Мешок завозился, в отверстие выдернулись две удивленные гусиные головы. Помотались немного и криком вдарили — как в трубы гвозданули. Вот так трубачи! Вот так сюрприз!

— На работе дали, — пояснил Дмитрий Егорович. — К празднику... Хорошие гуси...

Конечно, на работе разбойников не дадут, тем более к празднику, подумал Митька, однако выглядывал из-за матери с опаской.

Присев на корточки, Дмитрий Егорович стал дергать мешок за край. Желая помочь, значит, гусям, освободить их. Но его не поняли: мелькнул как острый камень клюв — и он отскочил, за руку схватился: до крови, подлец!

Вот тебе и хорошие гуси...

А гуси поборолись с мешком, стоптали его под себя и уже разгуливают по кухне, шеями тянутся во все дыры: под столик, под табуретку, за печку, в полойное ведро один было запустился, но чихнул — не про нас табачок, крепковат. И тут же нарисовал на полу. Другой не отстает — тоже рисует. Гуси тощие, грязные, облезлые. Как окопные генералы, после долгой позиции в тыл прибывшие. Для поправки сильно пошатнувшегося здоровья. Ходят, осматривают свои будущие апартаменты. Ну что ж, вполне пристойно, вполне. Впрочем, хозяева вон только рты поразевали, но это хорошо — почтение. К высокому чину. Это хорошо! Вполне, вполне... Генералы привстали на лапах, как бы потянулись и удовлетворенно замахали крыльями, только календарь зашуршал со стены да сами хозяева чуть с кухни не вымелись.

На другой день Дмитрий Егорович со Специальным из штакетника склотили здоровенный глухой ящик. На огороде. Нечто вроде гусятника.

И генералы без всякого почтения были выселены туда.

Питались гуси черт-те чем: ополосками, картофельной шелухой, ботвой огородной не брезговали. Однако через месяц оправились, посвежели и стали оглащать окрестности жизнерадостными вскриками. Но кто бы не разгуливал по двору — Митька ли, Дмитрий Егорович, из прорабской конторы ли кто — ящик на огороде молчал. Стоило Кате появиться на крыльце — сразу трубили торжественную встречу. Вытряхнет Катя половичок, уйдет в дом — гуси разом оборвут. (Истинные профессионалы — ни единой ноты попусту.) Выйдет с другим половичком — «трубы из футляров» — и встреча еще радостнее вверх! А когда Катя тащила к ящику какую-нибудь бурду в кастрюле, а рядом припрыгивал Митька — трубы гвоздили из ящика не переставая. Митька бежал вперед, как сурдину выдергивал, распахивал дверь, и гуси с распростертыми крыльями, как с распростертыми руками, радостно крича, неслись навстречу Кате. И бегали, бегали ласковыми шеями по бедрам ее, по животу, а то и к лицу норовили добраться. И тегали, тегали. «Ну, ну, хватит, хватит!» — успокаивала их Катя, потом выливая бурду в корыто. Извинившись за прозу жизни, генералы приступали к трапезе — щуками процеживались в корыте. В другое, оцинкованное, корыто Катя наливала колодезной воды, и, отобедав, генералы по очереди залезали в него — ванну принимали. Они приседали, нахлыывая воду на себя, как мочалками гуляли шеями по спине, на груди, по бокам; затем, уже на земле, прорабатывали клювами каждое перо, не забывая даже про малюсенькие перышки. А когда они потом ходили с Катей кругами по осеннему, растерзанному огороду — белогрудые, в будто накинутах на плечи чистых серых шинелях, благоухая свежестью и здоровьем, — то это были уже натуральные генералы, сопровождающие даму на прогулке.

На безопасном расстоянии спотыкался о кочки Митька. И стоило приблизиться ему чуть, как кавалеры, извинившись перед дамой, кидались к нему как с пиками наперевес: ш-ш-ш-ш-шы-ы-ы! Митька откатывался назад. А гуси возвращались на исходную позицию — по бокам Кати и чуть позади ее.

— Мам, давай!.. — просил Митька, заранее плещась смехом.

— Не надо...

— Ну мам!..

Катя убыстряла шаг. Головы кавалеров испуганно вздрагивали, поспешно болтались вслед. Догоняли, укоризненно тегали: что это еще за шуточки с вашей стороны!.. Катя еще быстрее. Да что же это! — вскрикивали кавалеры.

— Еще! Еще! — смеялся, подпрыгивал Митька.

Катя бежала, вскидывая ноги в тяжелых кирзачах, размахивая руками телогрейки. Благим матом орала кавалеры: держи-и! удира-ет! Мчались за ней, крыльями растопыриваясь на пол-огорода. Чуть с ног не сбивали, догоняя, и тегали, тегали сердито: да что ж это такое? тега! никакого этикету не соблюдать! тега! да как можно! тега! мы к вам с самыми серьезными намерениями, а вы? жестокая! Т-тега!

Митька сучил ногами у самого живота, совсем заходился. А Катя уже гладила, успокаивала обидевшихся кавалеров.

Дальше по кругу опять шли чинно, благородно — дама чуть впереди, кавалеры чуть позади: ну вот, другое дело! А то бежать... Дама — и бежать. От кавалеров! Надо ж такое придумать! Тега!

В том году декабрь лег быстро, и сразу высоко поставились неподвижные, синевато-бело-искристые дни. Задумчиво-кучерявые дымы из печных труб слезили, донимали солнце. По улицам бежали, жарко всхрапывая, лошади с розвальнями и кошевками. Бодреньким поскрипывали морозцем пешеходы. В инее, как в морозистых гусеницах, затяжелели деревья и провода.

В дом влетел Митька — раскрасневшийся, весь в снегу.

— Мама! Дедушка! Мы с Вадькой Пудом... — и осекся.

Один гусь висел, уже подвешенный на веревке возле печки. Уже ошпианный, без головы, с обрубленными лапами. Будто в кальсонах на последнем своем параде. Другой — голо съежился в перо на коленях у Кати. Шмыгая покрасневшим носом, Катя зло дергала перо и этой же рукой сдергивала слезы с ресниц.

— Дедушка! Дедушка! — бросился в комнату Митька.

— Ну, ну... ты ж мужик... — Дмитрий Егорович обнял его, расстегивать етал тулупчик.

— Дедушка! Гуси! Генералы! Дедушка!..

— Ну, ну, не надо, сынок...

— Гу-си-и-и-и... — уткнулся в грудь дедушки Митька.

9.

К ночи схлынуло людское половодье, и как осадком загустело по всему вокзалу согбенными спящими кочками. У туннеля и выхода в город неопасно сочлись остатние струйки и ручейки. То были люди с пригородных поездов. Почти без вещей, легкие, прыткие.

Часа в три ночи началась уборка. Пожилые тощие тетки в черных халатах злыми голубятницами шугали сонных пассажиров с вещами мокрыми грязными тряпками на длинных палках из одного конца вокзала в другой. «Уборка! Уборка! Подымайсь! Дома досыпать!»

Господи, да когда кончится-то это всё! Катя с вещами и Митькой перетаскивалась на новое место,

Рядом поскрипывали старики со своими мешками. «Нарочно об эту пору гоняют, как есть нарочно! — потихоньку, с опаской, поворачивала тетя Малаша. — Вона какие злые!»

На новом месте заняли целую скамейку-диван. Тетя Малаша тут же умостила голову на сидорок, ноги в вязаных белых носках подобрала на скамейку и засопела под выдавленными на спинке скамейки буквами «НКПС» — что означало: Наркомат Путей Сообщения — как под охранной грамотой. Не спал Панкрат Никитич, потихоньку рассказывал Кате о жите-бытье своем, о промашках своих в жизни, и сам удивлялся на них и посмеивался над ними. Катя слушала, кивала, но постепенно взгляд ее начал растворяться, голосок Панкрата Никитича отодвинулся куда-то, и гул потревоженных людей, звяканье ведер со злыми вскриками уборщиц, стриженная голова спящего Митьки, которую она забывчиво гладила у себя на коленях, вновь зажженная люстра, что, разжигаясь под потолком, тяжело мазала ее оставленно-журчащие глаза — все это, в полусне ли, в полуяви, навевало уже ей что-то очень далекое, забытое...

Родом Катя была из глубинного алтайского села Рыжухи. Рыжих в том небольшом кержацком селе было не больше, чем в других местах, а прозвание это старинное село получило по имени речки, что рыжей девичьей косой бежала вдоль огородов и бань и вдали, у закатного солнца, расплеталась несколькими вспыхивающими протоками и проточками.

Детей у Алексея и Марии Ипатьевых долго не было. До тридцати пяти лет. И сам Алексей, молчаливый и наполовину уже седой мужик, и жена его Маруся, худенькая, с быстрыми, тоскующими глазами, давно уже не ждали от бога ничего. Были они без детей — как две бездомные собаки на осеннем пронизывающем ветру: и прижимаются те собаки друг к дружке в пугливой, безнадежной тоске — и согреться не могут... И вдруг на тебе! — понесла Маруся. Да в самое смутное время — в девятнадцатый год! Вот тебе и фистулка пустая! — ошарашенно глядели на нее бабы села и тут же, как-то совсем не принимая Алексея в расчет, ехидненько вешали: «Никак ветром революцённым надуло бабу-то, хихих-хи...» Но Маруся знала, каким ее ветром надуло, и, шагая по деревне, гордо выпячивала в баб маленький свой, острый животик. А когда наконец родилась девочка — «гли-ка, и волосья такие ж, как у Алешки, и насупленная такая ж... ну купия отец!» — бабы только руками развели: чудеса-а!

И родители, и мать Алексея, старая Григорьевна, души, что называется, не чаяли в дочери своей и внучке. Бывает любовь к ребенку тщеславная, на людей, показушная, балованная. А бывает — выстрадавшая, самоотверженная, зрячая, и ребенок расцветает в свете и тепле такой любви. И уж года два с половиной — три Катюшке было, а все, бывало, сидели родители зимними вьюжными вечерами и под добрый, уютный потреск печи бесконечно-молча смотрели на дочь свою, играющую за столом какими-нибудь своими тряпочками, пуговицами, палочками. Осторожным счастьем замирал на столе свет трехлинейной лампы. А они будто до сих пор не верили, что эта серьезная, спокойно-сосредоточенная девчужка, что играет вот сейчас прямо у них на глазах, — их девчуж-

ка, их счастье... «Ну опять! — обрывала сладкий их сон Григорьевна, входя в избу и клубясь морозом. — Вы чего, ребенка никогда не видали?...» И, размотав шаль и скинув телогрейку, склонялась к внучке — словно от глаза загораживала. И гладила, гладила рассыпчатые волосики крочкастой рукой. «Не бойся, доча, их, не бойся. Играй, играй...» А сама все гладила и гладила, оторваться не могла. Счастливые родители смеялись, как дети.

Как-то в один из дней поздней осени Маруся шила, горбясь у окошка. Алексей был на конюшне, Григорьевна у соседки судачида, а Катюшка где-то возле избы играла. И вдруг точно толкнул кто в грудь Марусе. Вскочила, заметалась по избе. Вылетела во двор — простоволосая, раздетая, в алешиних здоровенных пимах — дальше, на улку. Туда-сюда — нет Катюшки.

Стала Маруся. Снег косо несет на землю. Внизу Рыжуха вязнет в шуге. На той стороне, как в овчине, запорошенная пашня... И как волчица жмурясь и внюхиваясь в несущийся снег, Маруся пошла, пошла вдоль домов, и побежала...

А Катюшка в это время преспокойно шла себе по окраине Рыжухи в сторону от деревни. Снег круговертью кидало на тонкий, гладкий лед, узко завывало на промокшем, извилистом краю закраины, вышвыривало и завьюживало белыми кострами на открытую вялую воду, где он сразу сгорал. Поджариваемая черным холодом шипела шуга.

Одега Катюша, считай, по-зимнему: в теплую кацавейку, в длинную юбку, платок теплый, варежки вязаные. На ногах вот только — стоптанные и закрытые сапожки, которые, похоже, у нее уже промокли — да что за беда! — зато остальное все по-зимнему. И санки железные везет за собой чин по чину: как же, зима, снег...

Катюшка останавливается и топчет сапожками по льду — во все стороны испуганно разбегаются белые трещинки. Идет дальше. Снова останавливается и топчет — трещинки еще пуще бегут. Смотрит. Думает. Опять топчет... Потом стоит и, словно целиком охватывая сознанием речку, слушает и смотрит ее, наклонив голову набок и покручивая ею. Речка заворачивает, зовет лыстиво, властно тянет. Девчужке хочется подойти поближе и потрогать шипящие, пахнувшие холодом бельё лепехи, но что-то удерживает ее... Она толкнула санки. Храбрыми ледьями полетели санки к воде, но там споткнулись и исчезли, нарисовав спокойный круг, который проехал немного по реке и растаял. Катюшка застыла растерянно... «Санки сплывались!» — радостно «догадывается» трехлетний ребенок и с замирающим сердчишком, удерживая смех, продвигается сапожками, крадется к краю ледка, чтобы заглянуть за этот край, и сразу, радостно крича, побежать назад и застучать эти хитрющие санки. Боязливо-угрожающе затрещал лед. Катюшка останавливается и оборачивает голову назад. По пологому, заснеженному берегу в ее сторону бежит какая-то тетенька. Она почему-то раздетая и как конь высоко вскидывает ноги в здоровенных пимах. Катюшка узнает мать. «Вот смесная!»

Маруся подлетела к берегу — лицо белое, глаза выкатываются, — но в последний миг приостановила себя, заметалась вдоль ледка, руки ломала, икала, изо всех сил стараясь говорить спокойно, простила: «Катюша, дочка, иди сюды, иди... ну скорей!.. я... я... тятя тама... иди... я тебе... я чё-то... доченька!..»

Недоверчиво, исподлобья смотрит Катюшка на мать: чего это с ней? Потом, не торопясь, трещит к берегу.

Маруся не выдержала, кинулась, проваливаясь по пояс, ломая лед, подхватила Катюшку, на берег ринулась, и хлопала, хлопала по тощей заднюшке, и плакала, и целовала. Выбежала наверх, прижала к груди насупившуюся дочурку и помчалась к деревне, скуля и клацая зубами, как волчица...

А вечером опять бесконечно-радостно сидели возле дочурки за столом Алексей и Маруся, и старая Григорьевна, как с ворчливым кадилом поп, ходила с бормотанием своим, оберегала все, свет лампы запрятывала, словно в углы избы...

Но недолго теплилось счастье в оконцах маленькой этой избенки. Через полгода загасли они, зачернели, и мимо мертвого на берегу подворья все так же только бежала, ночами плакала Рыжуха-река...

Через деревню в то пасмурное апрельское утро толокся отряд колчаковцев. Голов в триста. Проходили спешно, походным порядком, не останавливаясь. Комбедчики все разбежались: огородами стелились, кто перемахал Рыжуху на лодке, кто в окрестные лески. Алексей тоже было вскинулся... да стыдно стало. Бегать-то как зайцу. Ладил хмуρο борону на дворе. На дорогу, на проходящую колонну не глядел.

Богатей Атишев шепнул. Ко двору направился офицер. С ним пятеро. Отшвырнутые от плетня жердины ворот убито запрокинулись... Молчком, пинками погнали со двора. Повели. Мотая уже дулами у земли, ладя, шелкая затворами. Верно, хотели за углом...

Маруся кинулась, закричала. Ей пнули. Она снова. Один отпрянул, маханул шашкой — и закинулась головой Маруся, и спало безвольное тело вниз... Алексей бросился к ней, сшиб на пути одного, другого. Напоролся на штык, поставленный маленьким колчаковцем. Подламывался ногами. Руки тянул. Точно пытался ухватить за горло этого недомерка-колчачишку. Колчачишка беспокоился, трясся свислыми щечками, никак не мог освободиться от Алексея... И Григорьевна откуда-то поспешно выковыляла, и с руками и с глазами до неба... Стрельнули ей — сковырнулась старуха, упала себе под ноги...

А на улице, на бугорке остался стоять ребенок. В кацавейке, с взвесившимися в страхе и боли глазами...

Уходила с угора колонна. На повороте теснясь в очередь — как в землю стремилась. Недомерок-колчачишка бежал вслед, бросал, подхватывал с оторванной башкой колотящегося петушка...

Через дорогу перешел соседский мужик. Подхватил ребенка на руки. Прижал, отвернул от всего, что произошло. Понес через дорогу к своему дому.

Полтора месяца прожила Катюшка у этого одинокого, молчаливого мужика по фамилии Зотов. Потом приехала старшая Марусина сестра, Аграфена, поплакала на могилках, поблагодарила Зотова, в Предгорную к себе увезла племянницу.

Около двух лет Катюшка не говорила. Аграфена и муж ее с болью ждали. Жалели, пестовали. (Свои дети у них, двое, выросли. Жили и работали в городе. Взрослые.) Но ребенок молчал.

Аграфена не выдерживала:

— Да что ж ты молчишь-то, Катюшенька! Что ж ты молчишь-то!..

В бессилии кидала руки по ребенку, причитала:

— Ох, да не будет тебе счастья, ох, не будет...

Катюшенька-а ты моя-а...

Муж за столом хмурился:

— Не каркай!.. — Блуждал глазами: — Пройдет...

Аграфена пугалась своих слов, под грудью у себя судорожно гладила напряженную головку:

— Ничо, ничо, наладится, даст бог, наладится...

Глаза ее боялись, стражденько мучались.

— Ничо, ничо... — все запрятывала она в себя ребенка. Чтоб не видел он, забыл...

Но летними догорающими вечерами выходила Катюшка за околицу к одинокому тополю. Сиделась на траву и, уперев в колени подбородок, подолгу смотрела на Иртыш, вдаль. Может, думала она тогда, что в той стороне родное ее село, где остались тятя с маманей. А может, Иртыш вдаль походил на речку Рыжуху, у закатного солнца расплетающую на ночь свою рыжую косу.

10.

Из коридорчика перед тамбуром, держась за поручни под окном, смотрели Катя и Митька на обширный, нескончаемый хоровод больших озер и вертящихся плоско бочажинок. Перемахивая через камышовые островки и кочки, вровень с несущимся поездом бежало, щекоталось в воде закатное солнце... Бескрайняя озерная Барабинская степь...

После большой станции «Барабинск» наугро, едва поезд тронулся — встречу движения, точно требовательно и бдительно пропуская поезд через себя, из дальнего конца вагона сдернулась и медленно пошла песня:

Шысна-ацыйт р-ранений хирург на-ащитал,
Дыве пули-и засе-е-ели-и глубока-а-а,
А о-он все в бреду запева-л, э-напева-л:
«Э-раскинулось э-морья-а широка-а-а!..»

Шаря по проходу вагона железной клюкой, продвигался слепой мужчина, ведомый мальчишкой лет десяти. Проходя закутка три, мальчишка останавливался, поворачивал слепого лицом к людям. Слепой сразу обрывал песню, бабье лицо его искажалось, и он приплатненной слезливой фистулой кричал:

— Бр-ратишки, сестр-ренки! Па-паша и мам-маши! Обращается к вам инвал-лид войны! Пом-можем несчастному кто чем может! — И выталкивал вперед мальчишку с сумой. Люди торопливо и щедро подавали. И едой, и деньгами. Слепой благодарил, клал руку мальчишке на плечо, шарился клюкой дальше.

Возле Катиного закутка тоже остановились, и слепой уже начал было выкрикивать свое обращение, как Катя кинулась к нему, стала совать в руки жареную дикую утку, купленную десять минут назад на станции. Хлеб, пучки редиски. Слепой как-то испуганно отпрянул, стал недовольно отмахивать ее руки. К мальчишке. Но Катя с какой-то щенячьей мольбой, молчком, совала и совала все это ему, ему в руки...

— Чего стоишь? Возьми! — коротко цеданул слепой. Мальчишка выхватил утку, сунул в суму. Принимал хлеб, редиску. А слепой уже быстро, тряско

ошаривал Катины плечи, грудь и, лихорадясь, бормотал: — Спасибо, спасибо, сестренка! Спасибо, спасибо!..

Катя умоляюще пятилась и так же быстро бегала пальцами по рукам слепого, чтобы остановились они, остановились, наконец, и в то же время втягивала, втягивала их за собой... Вскочил Панкрат Никитич:

— Садись, садись, сынок! Сюды, сюды! Отдохни...

Слепой сел. Но будто все еще трясся за Катей. Стащил рукой по лицу — как наваждение снял. Сказал, наконец:

— Ну, ладно, коль люди хорошие... Поедим да отдохнем маленько. Генка, давай суму!

Утку слепой ел жадно. Но видно было — не от голода, а больше — от привычного чревоугодия. Любил, видеть, мужик поесть. Он вгрызался в утку, да мясо, толстые щеки его медно лоснились. Иногда зачем-то подолгу держал утку на выползшем из рубахи животе. Точно пальцами прослушивал. Снова накидывался.

— Ты б малому-то... Чего ж один-то... — с ласковой укоризной попенял его Панкрат Никитич.

— Обождет, — коротко бросил слепой, вонзаясь в утку.

Мальчишка сидел напротив него, безучастно осев во взрослую телогрейку с прогоревшим боком. На голове, как горшок, командирская фуражка с надломленным козырьком, с пятном пустым, где звездочка. Отечное, землистое лицо. Под глазами синева.

Из внутреннего кармана засаленного пиджака слепой достал светленькую четушку без пробки. Чуть взболтнул и приложился, круто запрокинув, вмяв в толстый затылок стриженую голову. Подавшись вперед и брезгливо сдувая водку с красных губ, осторожно ставил четушку на место, в карман. Снова жевал.

— На, пожри сперва... — протянул растерзанную утку в сторону мальчишки. Тот взял и безучастно, без всякого аппетита стал дергать мясо с костей, вяло пережевывал.

Панкрат Никитич поинтересовался, откуда они родом будут: местные ли с Барабы, или с другой какой «местности»...

— Это еще зачем тебе?... — замер с четушкой в руке слепой.

— Да просто... Может, земляки? Может...

— Х-хы! Земляк какой нашелся! — вдруг зло и грубо оборвал Панкрата Никитича слепой. Приложился к бутылке.

От неожиданности Панкрат Никитич растерялся. Хотел сказать слепому, что он ведь по-хорошему, без умысла какого спросил, но слепой, кривясь от водки, уже щедил сквозь зубы:

— Знаю, что дальше спросишь, знаю. Так я те сам скажу: с рожденья, с рожденья я слепой! Понял? — И неожиданно засмеялся — тонко, по-бабьи. Словно видел разинувшегося от изумления Панкрата Никитича. И все смеялся, поясняя: — Подают лучше, подают, когда «кинвал-лид войны!» Уразумел, старик! Хи-их, хих-хих!

Вдруг разом оборвал смех — и точно красная злоба нахлынула на лицо. Торопливо начал шарить рукой возле себя. По Митькиным коленям, дальше лез, к Кате...

— Где? Где? Где она? Куда делась?..

Митька готов был закричать, натужно отталкивал

лапу слепого, не пускал к матери, загораживал. Катя вскочила, схватила Митьку, прижала к себе. Вскрикнула:

— Да что вы делаете-то?!

Панкрат Никитич строго спросил:

— Ты что, мужик, сдурил с водки-то?

Слепой сразу замер. Обмяк.

— Так это я так... ничего... все они стервы — известное дело... так это я... — Вдруг выкинул руку с четушкой вбок: — Держи, Генка!

Мальчишка схватил, с жадностью высосал остатки. Панкрата Никитича как ударили — откинулся на стенку, рот раскрыл.

— Да что ж ты делаешь-то с малым, мужик?

— А чего? Пускай, — равнодушно сказал слепой. — Не уйдет зато. А если и уйдет — наши поймут, все одно не жить. Он знает... — Слепой отвалился к стенке, любовно огладил живот, шумно выдохнул сытостью и теплой водкой.

А мальчишка... мальчишка словно жизни плеснул в себя — взгляд его вспыхнул, оживился, но когда столкнулся с вылезавшими глазами Кати и Митьки, ушел в сторону, с ухмылочкой притушился. Мальчишка сплюнул в проход вагона, грубо дернул слепого:

— Хватит болтать! Вставай! Работать надо!

— Он зна-ает, — подленько смеялся слепой, — не поработаешь — водки не выпьешь, хи-их, хих, хих! Зна-ает. Куда ему без меня? Тут главное — следи, чтоб не напился. Вечером пжалста, я разрешаю... Чего он вытворяет — обхохочешься, хи-хи, хих, хих!

Панкрата Никитича затрясло, тихим, вырывающимся голосом сказал:

— Ну-ка, сволочь, немедленно отсель!.. Слышал?!

— Но! но! ты! ты! — Слепой подымался, пятился. — Я вот крикну счас по вагону — тебя в клочья разорвут!

Панкрат Никитич вскочил.

— Это мы тебя, паразита, разорвем! — Толкнул слепого в проход вагона: — Вон отсель, мразь, пока башка цела!

Торопливо хватаясь за мальчишку, слепой спотыкался по вагону к тамбуру. Зло выбубнивал: «Погодь, кержаккая рожа! Погодь! Счас, кержак, счас! Погодь...»

Из ближайших закутков выглядывали удивленные люди: а где? че? че тако? что случилось?

Сидящий через проход у окна солидный мужчина средних лет, до конца проследив, пока слепой и мальчишка не скрылись в тамбуре, тут же храбро и деятельно поддержал Панкрата Никитича:

— Вы совершенно правильно поступили, гражданин! Совершенно правильно! Таких нужно сдавать в милицию! Только в милицию!

Его жена, полная испуганная дама, стала горячо объяснять всем, чему вот только что они с мужем были свидетелями. «Ужас! Ужас!» — выкатывала она фарфоровыми глазами.

Подивился на таких помощников Панкрат Никитич — и на место увалился, растерянно говоря:

— Вот так приветили убогого. А? Вот змей, так змей!... Ах ты боров невыложенный! Да что ж это он с мальчишкой-то сотворил!

— А ты пошто встрянул? — вдруг накинулась на него старуха. — Пошто убогого обидел?

У Панкрата Никитича челюсть отвалилась книзу.

— Убо-огого? — И заорал: — Да ты... ты... ду-ура!!

— Сам дурак! — без задержки стрельнула старуха и снова зло долбила: — Тебе какое дело? какое? Пошто грех на нас навлек?

— Э-э, грех... — И неожиданно тихо, с тоской, Панкрат Никитич сказал: — Он же... он же парнишку сгубил... Неужто не жалко? Чурка ты бесчувственная! — И покачиваясь, как от боли, колени поглаживая, тоскливо смотрел в потолок слезами. Старуха с презрением отвернулась.

Вся горя, Катя напряженно смотрела в окно. Стегаемая молниями, степь неслась под клубящим черным небом. По стеклу, словно слезы степи, разбивались, сдвигались торопливые струйки дождя. Испуганный, как гвоздок пряменький, Митька удерживал мать за руку.

11.

Он появился внезапно. Как из воздуха. И сел, ногу на ногу кинул, фиксами на все стороны фикстуля.

— Закурить найдется, пап-паша? — Пропитый голос — знойный песок. Сахара.

— Не курю, сынок, — ответил Панкрат Никитич и с готовностью пояснил: — Пчела не позволяет. Пасечник я.

— Ты смотри — не позволяет! — деланно удивлялся, ваньку валял фиксатый. — А с этим как?... — Фиксатый шелкнул ногтем себя под горло. Кате с Митькой подмигнул: — Позволяет?

Панкрат Никитич доверчиво рассмеялся.

— С этим мо-ожно. Позволя-яет... — И выстрелил: — Но не любит! — И захохотал вместе с фиксатым. А тот аж переломился, задергал на колене тощим, жиганским сапогом.

— Профессор, слышал? — подмигнул солидному гражданину через проход вагона, дескать, ну дает старик! «Профессор» запер дыхание и, как только фиксатый отвернулся, деликатно слинял с чемоданами и супругой дальше по проходу. У Кати похолодело в груди. Она хотела встать и выйти из закутка. К людям. Позвать кого-нибудь. На помощь призвать. Закричать, если что... Фиксатый, не сводя улыбочки со старика, как бы между делом, остановил ее рукой. «Не спеши, симпатичная, посиди...» Рука была — как из железа.

А Панкрат Никитич, доверчивая душа, ничего не подозревая, чуть погодя уже рассказывал весело под перестук колес: «...лет десять мне было всего. И вот, мил человек, пошли мы как-то с ребятёшками на Колюжно-озеро. На рыбалку. Версты три от села. Больно уж рыбы в этом озере было. Да. Как вышли за село, один молодец и достаёт горсть махры из кармана, дескать, налетай, братва, закуривай, я не жадный! Ну, все, понятно, сигарки начали крутить. И газетка нашлась. А я-то курить не умею, не обучен еще. Как быть? Да только разве молодцы оставят Панкратку в беде? Да ни в жизнь! Свернули вот такую козью ногу, что трубу паровозную, запалили и в рот Панкратке сунули. Да. И учат, значит, как курить-то надо. Ты, говорят, Панкратка, вдыхани в себя поглыбже — поглыбже, не бойся — и неторопливо так, понемножку и выпускай дым-то, а в это время и говори... мда... «так, мол, твою так, да так, мол, твою эдак!» По-матерному, значит, пушай. Втянул в себя храбро... ну, глаза-то и выпучил, ровно ерш на крючке! Воздуху нету, посинел весь (какой тут по-

матерному пушай). Молодцы, как положено, по горбу постучали. Прокашлялся. Слезы ручьем. Но — живой. Да. Не горюй, говорят, Панкратка, — за первым разом завсегда так. Второй раз легче пойдет. Ладно, утешили. Второй раз заглотив. И впрямь полегче (по-матерному даже успел чуть пустить). Да. И так, помаленьку да полегоньку и наладилось курево-то. Идем дальше, заглатываем и по-матерному выпускаем. Да. Тут, глядь, бричка из-за поворота вылетает. Мать честная! Папаня в бричке родной мой, вожжи натягивает! Молодцы по кустам рассыпались, а я стою как пень при дороге — и труба моя паровозная во рту книзу сверзилась, и дымит вовсю. Выплюнуть даже не догадался. Ну, папаня и приглашают меня, значит, в бричку. Садитесь, мол, разлюбезный сыночек, домой поедем. Сажусь, едем. Ну как, разлюбезный сыночек, спрашивает, накурился аль нет? Ну, я: да, папаня, да боле никогда, да ни в жизнь! Ладно, говорит, дома порешим, как быть. Едем дальше, молчим. А отец-то мой не курил, да и братья старшие. Староверы, у них с этим строго. Ни-ни! Да. Приезжаем в село, к дому, во двор. Тут папаня и говорит, вот что, Панкратушка, я порешил: спытанье тебе исделать. Я сейчас лупить тебя буду, Панкратушка, как сидорову козу, но ежли не пикнешь, вынесешь — кури в свое удовольствие, слова не скажу. Ну а ежли заорешь, то уж не обессудь — лупцевать буду кажен день. Для кредиту. Снял вожжи, разложил меня на бричке — и поехал... Как тут не орать? Орал так, что полседа сбежалось. Да... в кровь избил меня папаня-то... Вот так, мил человек, с тех пор и бросил. И не тянет!» — смеясь, закончил Панкрат Никитич.

Но фиксатый почему-то не смеялся, сказал задумчиво:

— Значит, тоже бит бывал... папаша...

— Еще как, еще как, мил человек! — опять засмеялся Панкрат Никитич, но увидел, что фиксатый подымается, всполошился: — Куда ж ты, сынок? Посиди. Чайку сейчас сообразим. А?... Посиди...

— Спасибо, папаша, да выходить мне скоро... — Фиксатый постоял и добавил странное для старика: — Живи, значит, отец... Не нашел я тебя... — И подмигнул, сверкнув фиксами озорно: — Эх и веселый ты мужик, пап-паша! — И исчез, как появился.

12.

Мало обращая внимания на бесконечно журчащие речи супруга, Меланья Федосеевна без устали перебирала и перебирала бесчисленные свои сидорки и мешочки. Ощупает сидор — и запустится в него по локоть. И замрет испуганно. Как в памяти дырвой.

Мужа это, видно, отвлекало от спокойного развития мыслей, раздражало. Он прерывался. Смотрел на нее. С легоньким, осмелевшим презреньцем...

— Ну, чего потеряла там?..

— Ничё, ничё! Болтай знай! — тут же «вспомнилась» в мешке Меланья Федосеевна. Завязывала его с облегчением, ставила под полку. Как бы к общей памяти своей. Но тут же хватала другой мешок — и опять по локоть в испуге...

— Вот ить, баба! — совсем уж смело смеялся Панкрат Никитич, затем продолжал развивать свою прерванную мысль Кате и Митьке: — ...Так вот, я и говорю: не в табаке там дело, или чтоб посуда у каждого своя. Не в этом дело! Вера, вера кержацкая

самая строгая была! Вот об чем речь!.. Только как сходил я в 14-м на войну, так и перестал верить в бога. Раз ты, сукин сын, допускаешь такое смертоубийство — нет, значит, тебя на свете! А ежли и есть ты, то ты есть самый главный на свете упырь, потому как только кровушкой людской питаешься! И... и не приемлю я тебя такого, и не нужен ты мне! На дух не нужен! — отрубал рукой в сторону старик. — Моя, вон, все еще под иконами валяется, а я разом — отрезал, отрубил!

Меланья Федосеевна сразу услышала, заволновалась.

— От бессовестный! От болтает! От отступник! — Зачем-то платье торопливо оправляла. Точно старик оголил ее неприлично при всех. Или сказал про нее что-то щекотливое, двусмысленное.

— А нынешняя война? — строго посмотрел на нее муж. — А еще говорят: бог е-есть! бог все-е видит! — И старик махнул рукой и на бога старухино, и на ее веру в него. Потом, точно спохватившись, что надолго оставил Катю и Митьку без своего внимания, быстро глянул на них.

После стычки со слепым Панкрат Никитич не столько умом, сколько сердцем уловил резкую перемену в Кате и Митьке. Целый день прошел с того момента, а они слова почти не сказали. Не только ему, а и между собой. Сидят оба красные, точно пылают, не смотря друг на дружку, глаза, как в лихорадке. И хотя слушают вроде речи его, смотрят будто бы, а не видят и не слышат его. И старик, чувствуя себя в чем-то словно виноватым перед ними, цеплялся за эти их рассыпающиеся взгляды, как-то собрав их старался, оживить, и говорил, говорил без остановки. И наверх этого потока слов выныривало беспокойное, пугливое: заболели? Не похоже. Неужто из-за слепого? Может, я что не так?.. Что с ними?

Еще с самого начала, когда познакомились, удивляло старика — как похожи они. Как отзываются на все одинаково. Как чувствуют одинаково. Переживают. И смутно ощущал старик, что это не просто нити, что связывают мать и сына. Что-то еще тут было. Боязливое что-то, напряженное, болезненное. Но что связывало их как близнят, как единоутробных. Однако что-то это... они будто скрывали и от людей, и друг от друга. И походило, даже от самих себя... Удивляло еще его, что вот едут они уже несколько суток, а ни разу не заговорили о том, к кому едут. Об отце, об муже. Едут к нему, и не говорят о нем. Ни жена, ни сын... А когда он сам осторожно пытается расспросить их — оба разом точно кричат глазами, умоляют, заклиняют, только бы он замолчал об этом. Да что ж там такое-то? Станным, непонятным казалось все это простодушному старику.

И сейчас, виновато глянув на них, как извиняясь, что вот ничего с собой поделаться не может, что сами они тревожащим своим поведением понуждают его к этому, вновь заговорил:

— Вот едем мы все — люди, ровно нездешние, словом, пассажиры, а ведь у каждого там, за вагоном-то, своя жизнь осталась... И интересно мне, какая это жизнь... Вот у Мити, к примеру, али у тебя, Катюша. Стар я, жизнь прожил, а все интересуюсь. А люди скрытные больше-то. А чего скрывать? И скрывать-то порой нечего. Или стеснительные которые... Вот ты, Катюша... все таишься, а сама переживаешь. Я вижу. А ты скажи, поделись — и легче

станет. Нельзя одной на душе тяжкий груз таскать, нельзя... — Катя затеребила платок, но старик решил идти до конца: — Раньше все к попу поверяться-то ходили, каялись, а ты человеку расскажи. Что он, человек-то, хуже попа? Аль не поймет?

Катя вдруг закрыла лицо ладонями и заплакала, раскачиваясь.

— Господи, дочка! — испуганно воскликнул старик. — Ну что ж ты убиваешься-то так? Ну раненый, ну тяжелый, так верить надо, дочка, верить! Поправится! Нельзя же так... Приедешь к нему — и будешь все время плакать... ему-то каково будет?

— Не хочет он нас... он...

— Мама! — вскрикнул Митька. — Не надо!

Но Катя продолжала проталкивать сквозь слезы: — Ни разу... ни разу не написал из госпиталя... люди сказали... написали люди... а он... он...

— Да что с ним?! Без рук?! Без ног?!

Катя пригнулась, плакала и только отрицательно раскачивала головой: нет! нет! нет! нет! простите вы меня-я!..

Да что же тогда? Как же он? как же так? разве можно так? как же? — бормотал и бормотал старик, а в мозгу его, как внезапная кровь на снегу, неотвратимо проступала догадка, и он, не в силах остановить леденящее это расплзающееся пятно, беззащитно замер, откинувшись к стенке...

13.

Радостная... и горькая весть об Иване ударила Колосковых 9 мая, в День Победы.

С утра Катя пошла в магазин — по восьмому талону должны были давать пovidло и крупу. Дмитрий Егорович и Митька были дома.

Старательно, с нажимом пера, выписывал Митька заглавную букву В — точно дисциплинированных цыплят в тетрадку высаживал. Из открытого окна ветерком наносило неясные, раздерганные голоса — за два квартала, у здания почты, возбужденно бегали, сустились какие-то тетеньки. Они показывали на крышу, на усохшую глотку громкоговорителя. «Сводку, наверно, передают, а там сроду все заикается...» — с неудовольствием подумал Митька. Сдернул с пера соринку, макнул и выпустил в тетрадку очередного цыпленка. Полюбовался. И еще выпустил рядом.

Вдоль штакетника пробежал какой-то парень — ветром опахнул слова: «Радио! Радио включайте!» Митька кинулся, воткнул — ударил марш. Дмитрий Егорович и Митька с испугом уставились на беснующую черную тарелку на стене. Ни слова не говоря, побежали на улицу.

— Паренек, паренек, что случилось?

— Победа! Победа! Отец! И-иэх! — дал козла вверх парень-паренек и ударился дальше. Дмитрий Егорович качнулся, опал на скамейку.

Вся улица испуганно вытряхнулась из домов, перемешалась радостно и стала. Не знала точно, что дальше теперь будет... Делать-то чего теперь? Принюживалась будто, прислушивалась... Первыми подхватились пожилые женщины, торопливо запыхтели из двора в двор — оповещали, обнимались, плакали и дальше спешили.

Взявшись под руки, коллективно, в ногу, носили победу девушки. Глаза их были полны нетерпеливым, счастливым ожиданием, и в густой майской синеве захлебывались их радостные песни. А по улице из

конца в конец воробьиными стайками мелись, колготились ребятишки: «У-ур-ря-я-я-я! У-ур-ря-я-я-я! Побе-е-еда! У-ур-ря-я-я-я-я-я-я!»

Из горсада маршем грянул духовой оркестр. Все побежали туда. Митька задергал дедушку за рукав.

— Погоди, Митя,— остановил его Дмитрий Егорович.— Маму будем ждать... Пошли в дом.

— Ну, дедушка...— Митька плелся за дедом и все оглядывался, словно зримо видел клубящую из зелени сада, такую же зеленую, радостно-бодрую музыку.

Потом на пороге возникла Катя. Поставила на пол сумку с продуктами. Точно пройдя долгий усталый путь, опустилась на табуретку.

— Мама! — бросился Митька.— Слыхала? Победа! Мама!

— Слыхала, сынок... Не кричи...

— Да ты что?! Мама?! Победа! Мама! — приста-вал, удивлялся Митька. Дмитрий Егорович, останавливая его, положил руки ему на плечи.

Катя молчала. Словно вся лихая година проходи-ла сейчас в остановленных ее, растворенных слезами глазах. День за днем. Час за часом. Тревожные во-енные сводки черными летучими мышами распыта-бьющиеся на телеграфных столбах в осеннем, низко несущемся вечере; и обмершая, заклинающая — толь-ко б не похоронка! — надежда, когда почтальонша сворачивает к твоему дому; и кутающиеся в слезы бесконечно-одинокие ночи, и догоняюще-гонящий дых тыловых кобелей, за версту чующих одиночество жен-щины; и согбенное время, застывшее в сумраке оче-редей; и рвущая душу сивая, голодная шейка твоего ребенка; и ожидание, ожидание, ожидание. Как жизнь взаимы. Взаимы у судьбы...

Катя подняла глаза на Дмитрия Егоровича, и тот, словно виновясь перед ней за что-то, тихо сказал:

— Вот, Катюша, дождались...

И хотя в первый миг, когда узнали о Победе, с новой силой заболела, сжала грудь безнадежная на-дежда, затеплилась вера... сейчас об Иване оба суе-верно молчали, не заговаривали о нем.

Устало, медленно освободилась Катя от платка. Провела гребенкой по волосам. Сказала:

— Вы бы, папа, сходили к Ивану Зиновиевичу. Обрадуйте их с тетей Дашей. Ведь Валентина их теперь скоро приедет... И к нам позовите. А я стовлю пока тут.

Дмитрий Егорович сразу засутился, засобирил-ся — сапоги надевает, схватил пиджак, но вдруг вспомнил непонятное, странное поведение Ивана Зи-новиевича в последние дни — ходит сам не свой, в командировке были; промолчал почти всю дорогу, испуганный какой-то, в баранку вцепился, как в спа-сенье свое единственное будто... и шевельнулось тре-вожное, беспокойное за друга... «Ну... вот и обрадую его!» — тут же «вышагнул» из беспокойного Дмитрий Егорович. И одел пиджак.

— Дедушка, я с тобой!

— По-ошли, сынок!

Пока Дмитрий Егорович прикрывал калитку во двор Ивановых, Митька уже летел к крыльцу, чтобы первым, первым сообщить! В окне, за геранями, как-то испуганно мелькнул Иван Зиновиевич. Потом Даша, жена его... «Не вовремя мы, кто ли?» — уди-вился Дмитрий Егорович, но Митькин голосок уже звенел внутри дома. «От чертёнок!»

Испугом вырастал из-за стола навстречу Дмитрию

Егоровичу Иван Зиновиевич... «Да что это с ним?» — опять мелькнуло у Дмитрия Егоровича. Но подошел, сказал:

— Ну, Зинович, с Победой тебя! — Старики трое-кратно поцеловались. И сели, уперев руки в колени. Не знали, что говорить. Дмитрий Егорович снова встал, шагнул к Даше, поздравил и тоже троекратно поцеловал. Покатые плечи Даши затряслись.

— Ну, ну, радоваться надо, а ты... Скоро уж те-перь... Валентина-то ваша.. скоро... да... гм... — Дми-трий Егорович опять сел. Даша быстро взглянула на мужа — тот сразу опустил голову.

— Да что с вами?.. Случилось чего?..

Супруги смотрели на него как вздернутые за груди.

— Да говорите же! С Валентиной что?!

Иван Зиновиевич отвернулся, потянул из кармана платок.

— Прости ты меня, Егорыч! За ради бога прости! Утаил я от тебя, прости!..

— Что?!

Из того же кармана Иван Зиновиевич достал кон-верт. Протянул:

— Вот, 24-го получил... апреля... и утаил. Прости...

Дмитрий Егорович недоумевающе разглядывал замусоленный лохматый треугольник.

— Ну... так вам же письмо... от Валентины...

— Ты прочти... Там об Иване...

Даша прикусила губу, пошла в кухню. Руки Дми-трий Егоровича затряслись — разворачивали одновре-менно и письмо, и очки, пугались в них — потом гла-за никак не могли поймать прыгающих строк. Кое-как прочел — и замер.

— Егорыч, как же теперь? Кате-то как сказать?

— Молчи! — тонко вскрикнул Дмитрий Егорович и опять замер.

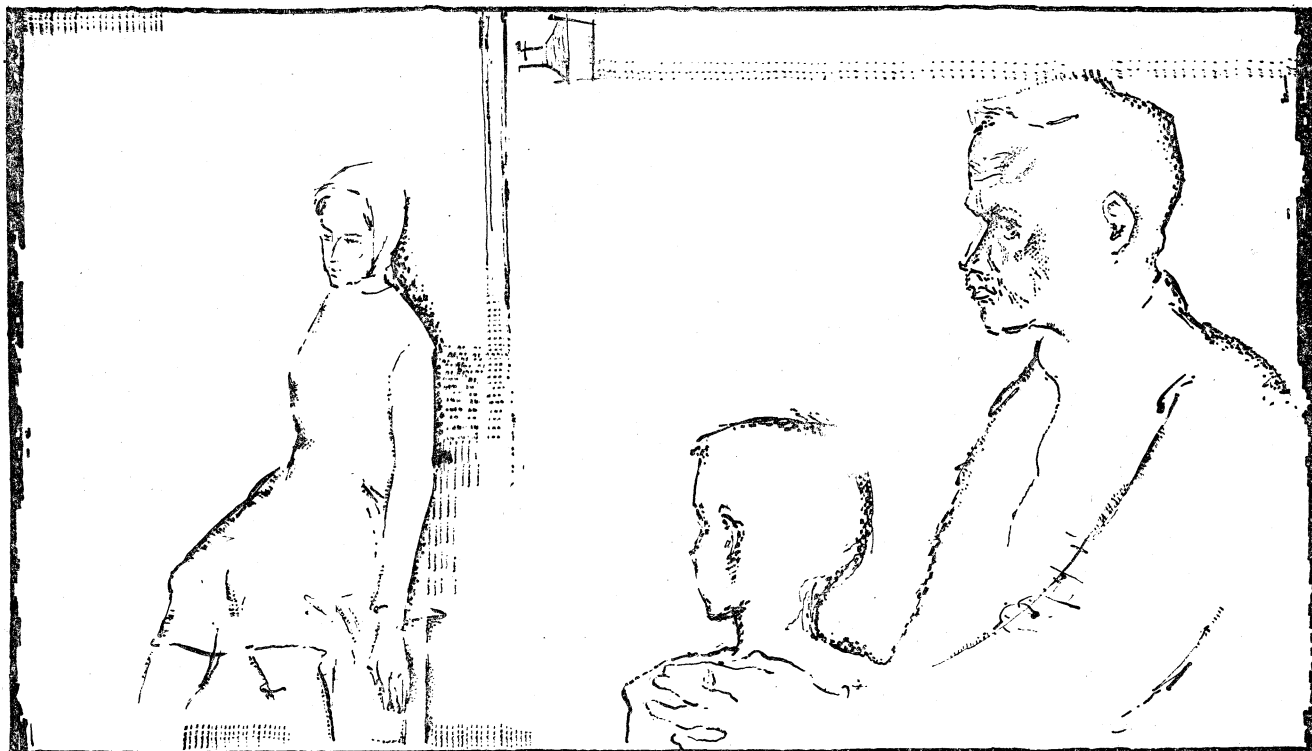
Вдруг старики переглянулись и впились глазами в забытого Митьку. А тот — уже с полными слез гла-зами, неверяще крутя головой, — пятился к двери.

— Митя... сынок... ты это... не надо... — просил Дмитрий Егорович, лихорадочно соображая: что сде-лать, как остановить, не выпустить из этой комнаты страшную весть... — Митя... я сам... ты... Митя!..

С заткнутым криком, как в жутком сне, бежал Митька к своему дому.

Молча стояли все вокруг опавшей на табуретке Кати. А она, непонимающе, дико разглядывала у себя на коленях вновь ожившую, страшную весть.

Дмитрий Егорович взял у нее письмо, хотел чи-тать, но тут же отвернулся. Бычил головой, задавли-вал слезы... Высоким, дрожащим голосом стал чи-тать: «Здравствуйте, родные мои, папа и мама! Не удивляйтесь, что пишу вам подряд второе письмо. Я вам писала, что наш поезд прибыл в Москву. Два дня принимали раненых, и вот через несколько часов отправляемся. Папа, ты мне часто писал о своем друге Дмитрие Егоровиче Колосове и его семье, что у него пропал без вести сын. Так вот — ты только не волнуйся — вчера из Склифосовской (я вам писала об этой больнице) мы приняли 18 человек, и среди них одного раненого и сильно обгоревшего танкиста. Ему сделали несколько операций по пересадке кожи, он будет жить. Ранение плеча неопасное, давно за-жило. Так вот, фамилия его Колосков, а зовут Ива-ном Дмитриевичем! Ты понимаешь?! Он с Алтая, и

район сходится — Зыряновский... Из какой они деревни ты не писал, но сообщаю тебе: он из деревни Предгорной Зыряновского района. Я уверена, это он! Папа, но у него еще одна беда — он полностью ослеп. Страшно подумать, что будет с Дмитрием Егоровичем и Катей. Но тебе, папа, надо как-то сказать им, подготовить. Лучше, наверное, Дмитрию Егоровичу сперва. Эшелон идет до Челябинска, но часть раненых снимут в Уфе. Я сообщу точный адрес, в какой госпиталь его положат. Ну, дорогие мои, на этом заканчиваю. Пишу на вокзале. Скоро отправляемся. Папа, родной, ты только очень не расстраивайся, береги свое сердце, оно у тебя слабенькое. Думаю, что все обойдется. Насчет...» — Дмитрий Егорович запнулся и стал: — Тут это... о другом уже...

— Читайте все,— тихо сказала Катя.

Письмо затрепетало в руках у Дмитрия Егоровича. Голос его начал заклекивать, вырываться:

— «...Насчет Кати... я... я не знаю, но Дмитрий... Егорович, конечно же... не бросит... своего сына...» Катя... ты... ты прости ее.

— Дальше!

— «...Главное... человек... человек будет жить... Целую, родные! Валентина. Адрес прежний: Москва, эвакопоезд №..., лейтенанту медслужбы Ивановой Валентине Ивановне».

Дмитрий Егорович сунул кому-то письмо, сдирая очки, быстро прошел к себе в комнатку.

Как облитая страшной, но очищающей водой осталась сидеть на табуретке Катя. Для нее все ясно, чего тут рассиживаться, ехать к нему надо, и не медля, действовать надо, чего тут... Она встала, хотела шагнуть и вдруг со стоном повалилась на стол и зарыдала. Полетела на пол железная тарелка с разваренной картошкой. К Кате кинулась тетя Даша, гла-

дила, успокаивала, сквозь злые слезы взглядывала на мужа. А тот — испуганный, дикий — поспешно собирал разможенную картошку, точно оплошность свою скорей исправить старался... У порога, с перекошенным, сжавшимся лицом растерялся Митька.

14.

На вокзале в Челябинске стариков встречала дочь, и лицом, и статью очень похожая на мать, с такими же, отгороженными от людей, глазами. При виде своих, однако, она, что называется, распахнула все ворота, пошла, и на весь перрон визгливо запела: «Да милые вы мои-и-и!» Отца и мать целовала как малых детей — пригибаясь к ним и беря их лица в ладоши. А старики и впрямь как уменьшились, топчась, смущались как дети. Тут же стояли Катя и Митька. Митька держал в руках два узелка и один сидорок тети Малаши и во все лицо улыбался. Катя, несмотря на солнце, куталась в теплый платок, глаза ее лихорадочно-устало горели.

Когда разобрались с вещами, старик повернулся к Кате.

— Ну, Катюша... — Голос его задрожал. — Дай тебе бог...

Робкой рукой Катя тронула его белую голову. Потом поцеловала его. Обняла тетю Малашу.

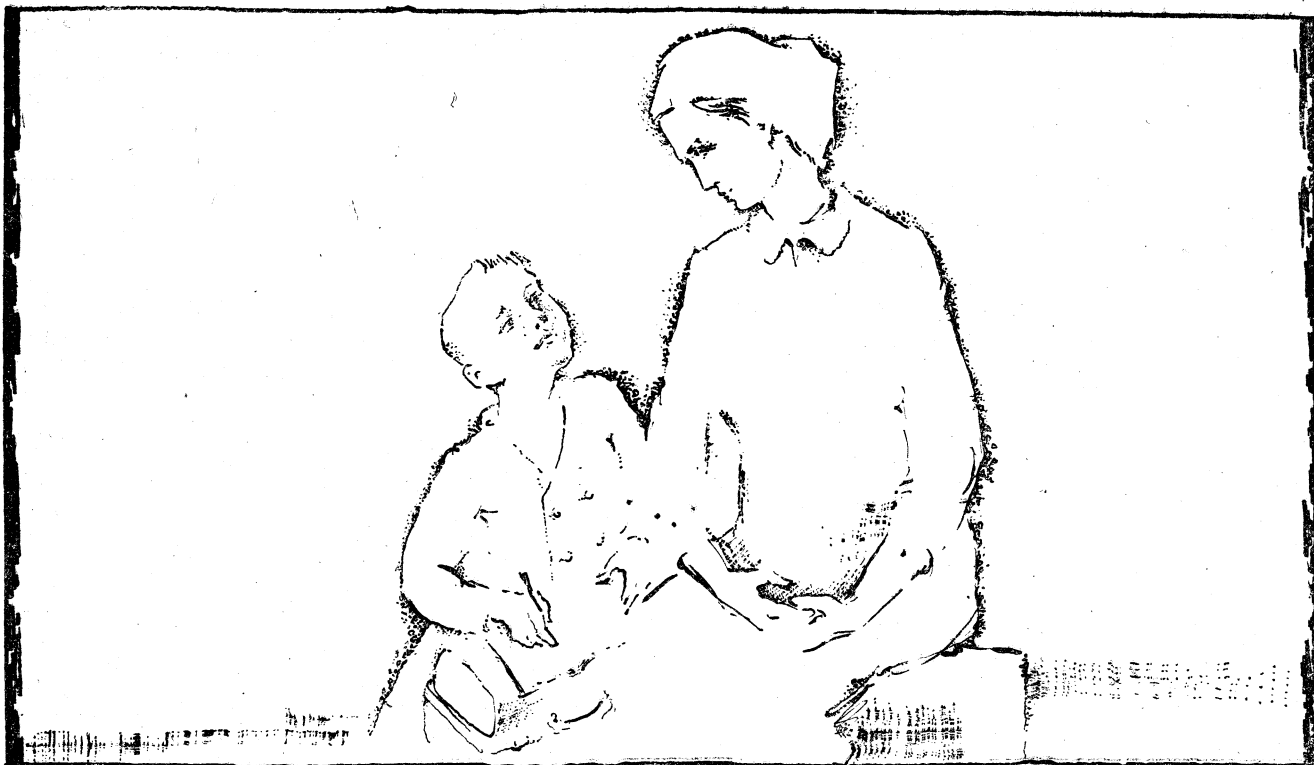
Старик топтался, смахивал слезы.

— Митя, ты это... письма мне пиши. Грамотный я — отвечу. Старуха вон... а я грамотный. Пиши, не забывай...

Старик пошел, подхваченный потоком людей. Вдруг стал оборачиваться, выкрикивать:

— В Покровку прям! Кузовлев я! Митя! Все знают там! Слышишь, Митя? Кузовлев я! В Покровку

пряма! Кузовлеву! Грамотный я! Ми-итя!..— сдерживал слезы, все оборачивался и оборачивался старик.

Дочь пыхла с вещами рядом. Подозрительно оглядывалась на Катю и Митьку. Бубнила:

— Да чё эт ты, отец? Совсем чужие люди... Чё эт ты? Успокойся!

— Эх вы-ы... Чурки бессердечные! Хошь ты, хошь мать! — отвернулся от нее старик.

Дочь нахмурилась, больше не оборачивалась.

Какой-то зловещей, бездарной декорацией остались висеть вдаль у горизонта дымы и трубы заводов, внизу же одышливо припал к земле город.

Вагон резко болтнуло, город исчез, и поезд уже сыпал за собой реденькой листвой начинающегося леса. Митька снова склонился к тетрадке, подумал и, несколько кудреватно и высокопарно, написал: «И где-то там, в этом большом городе двигается сейчас, говорит, смеется открытый всем людям на свете Панкрат Никитич Кузовлев, пасечник с Алтая!» Полюбовался своим творением, как цветовод составленным букетом, не удержался и, улыбочиво потупясь, матери протянул. Катя прочла, посидела и тихо, как-то уже привычно заплакала, покачивая головой и стараясь задавить слезы назад кистью руки.

— Ну, мам, что ты...

— Не увидит теперь никогда... наш папа... таких людей...

— Но он же будет слышать их. Мама! Разговаривать с ними!..

— Да, конечно, конечно, сынок... будет... конечно... да...

И пронзительно вспомнилось вдруг Кате, каким общительным и веселым был Иван парнем. Как больше всех, удало-бесшабашно, отплясывал он на своей

же свадьбе, оставив ей, Кате, за столом всю традиционную деревянность и жениха, и невесты; как изучающе-озорно смеялись его глаза, когда она все с той же непоборимой деревянностью невесты расстилала их первую брачную постель; как захохотал он, наконец, не выдержав, обнял ее и увел из дому за околицу, к ребятам и девчатам, к кипящему в лунном серебре тополю над Иртышом; и как до самого утра по всей высокой и бескрайней залуенности надиртышья смеялся, пел, озорвал его счастливый голос... Катя больно зажмурилась, откинулась к стенке...

Мучаясь, Митька прижался к ней, охватил всю:

— Не надо, мама... не надо...

И колеса под вагоном били: скорей бы! скорей бы! скорей бы! скорей бы!..

15.

И вот за окном уже веселым башкирцем бежит, смеется рыжей бородкой в речке проснувшееся солнце. Речка приблизится к поезду, сузится и, будто стегаемая загикавшим башкирцем, помчится вровень, вперегонки. Поезд нырнет в ущелье, речка за ним, он вправо — она вправо, влево — и она влево. И башкирец хохочет на гулко стучащей копытами речке. А вверх, на скалы, веселым сабантуем раскручивает иссиние-зеленый искристый лес...

В Уфу поезд прибыл поздно вечером, и Митька отговаривал мать, предлагая переждать до утра на вокзале, но Катя быстро сдала вещи в камеру хранения и нетерпеливо вытащила его на привокзальную площадь.

Китайскими фонариками ползли, болтались вдоль горы к спрятавшейся за ней луне трамвайчики. Дер-

вянные дома и домики, словно унимая дрожь и одышку, остановились и отдыхали в сумраке по всему косягу. Меж темных деревьев сквозили летучие мыши.

Успели добежать и влезть в полнехонький трамвай. Трамвай дернулся, все дружно ухватились за судьбу свою под потолок и успокоенно затряслись. За окном летели, мазались о темноту усталые лица.

Кондукторша бойко выкрикивала остановки, и трамвай, вывернув на гору, споро побежал по улице, широко и плоско освещенной фонарями. Назад уходили приземистые в белых занавесках дома, продырявленные в овраг дворы; в сам овраг, точно на митинг, к немому разинутому фонарю понатискались старенькие домишки, и каждый со своим огородишком за плечами, как с расползающимся и кое-как подштопанным сидорком; тут же на бугре бдительно дремала пожарная каланча; справа проплыл освещенный странный парк в сплошь обкорнанных голых тополях, точно в диком стаде слонов, неизвестно как сюда попавшем и сейчас безмолвно и тоскливо трубящем в ночь; дальше улица стала углубляться в тяжелые старинные дома.

Катя и Митька сошли со всеми на конечной остановке, как им сказали, в центре. Расспрашивая, перебираясь по прохожим, через два квартала нашли госпиталь. Это было двухэтажное, в полквартала здание. Только в двух окнах наверху да в вестибюле тускло горел свет. В вестибюле рыхлая женщина в коротком белом халате мыла пол. Катя постучала в окно.

— Шо тэбэ?

Торопливо, сбивчиво Катя стала объяснять, что они вот только что с поезда, что им бы узнать только, что им бы...

— Та ничего з вас нэ убудэ! Та нэ помрэте до утра! — с пожизненной безапелляционностью украинки заключила женщина, захлопнула дверь, скрежетнула засовом.

Второй раз Катя стучать не осмелилась.

Обратно к трамвайному кольцу шли той же дорогой. У перекрестка двух улиц сквозил пустой сквер. Устало присели на скамейку.

Влажно пахли сизые цветочные клумбы. К кронам деревьев латилась лунный свет. Изредка мимо сквера громыхал полуночный пустой трамвай.

Часа через два, продрогнув, догадались зайти в главпочтамт, что был наискосок от сквера, тоже на углу. Сидели в душном светлом тепле переговорного пункта. Под потолком все время выкидывались номерами кабин разные города: Москва — четвертая кабинка! Владивосток — седьмая!... Эти кабинки сразу вспыхивали вдоль стен, и люди торопливо шли и бежали к ним. И казалось, что, попав, наконец, в кабинку, они упорно пытаются удержать в руках свое счастье, но почему-то очень быстро остаются с пустыми трубками. А кабинки все выкидываются и выкидываются: Ленинград — пятая! Караганда — вторая!..

16.

В вестибюле госпиталя, широком и низком, подпертом с боков снопам солнца из окон, а в середине — четырьмя прохладными колоннами, былолюдно и шумно. Возле колонн и везде скромными и счастливыми родословными кусточками стояли раненые и их родные и близкие. Держа в руках забытые узелки с гостинцами, матери, жены, дети жадно смотрели на

своих сыновей, мужей, отцов. И какой-нибудь раненый с перебинтованной головой, пряча за дымом махорки свою безмерную радость, как плохой актер, озабоченно хмурился и журил своих за то, что вот, мол, побросали все и поехали невесть в какую даль. А корова? А хозяйство?.. Родные виновато топтались и... и смотрели, смотрели на него, не сводя глаз... То-то! уводил в сторону полные счастья глаза свои перебинтованный, глубоко затягивался сигаркой и, уже более обстоятельно и спокойно, обсказывал им свои отличные дела.

Замирая сердцем, Катя метнулась к одним, к другим... «Господи, да откуда ему быть здесь?» — опамтывала себя. Схватила Митьку за руку, устремилась по широкому маршу лестницы на второй этаж.

— Эй, гражданка! гражданка!.. Это куда вы разбежались? Ну-ка, назад!

За столом у окна недовольно насупленная старуха в белом халате и колпаке.

Катя и Митька сбежали обратно. Катя комканно стала объяснять, что им бы... отец вот его тут! здесь он! в вашем госпитале! вот письмо! вот тут написан!..

— А я для чего здесь поставлена? — строго перебила старуха. — А она для чего тут лежит?.. Старуха хлопнула по толстой лохматой книге — книга капризно фукнула пылью в солнце.

Извиняясь и торопливо повторяя фамилию мужа, чтобы ее скорей, скорей отыскали в этой толстой книге, Катя опрометчиво называла старуху «бабушкой», чем ввела ту в окончательную насупленность и раздраженность. Старуха водрузила очки, листала книгу и бунчала, передразнивая: бабушка... Колосков... внучка какая нашлась... Вдруг бросила книгу, вскрикнула:

— Иван?!

— Иван! Иван!

— Да что ж ты, голубка, раньше не приехала?

— Что?!

— Живой, живой! Не пугайся! Господи, ведь три дня как отправили-то его! И ты — вот она!

— Куда отправили? Куда?!

— В Алма-Ату, в Алма-Ату, голубка. С Москвы эшелон шел, ну и его туда, к ним, значит...

— Зачем?!

— Не знаю, не знаю, — стала уводить глаза старуха. — Иди-ка на второй этаж поскорей. К главной нашей. Там укажут тебе. Иди, иди, голубка! — Катя и Митька побежали по лестнице. — Господи... — начала вслед головой старуха.

Госпиталь был переполнен. Вдоль всего длинного темноватого коридора, разбавленного больничным запахом и светом из открытых дверей палат, у стен стояли кровати. Из провалившихся сумраков кроватей страданием и тоской смотрели на продвигающихся Катю и Митьку большие глаза раненых. Тут же в застиранных пижамах, места себе не находя, слонялись кто ходячий. И ходили они на грустные и измученные матрасы. Стерильно поыхали белые медсестры — разводили раненых, укладывали, накрывали заботой, как простынями. Пахло гниющими бинтами, мочой и больным, изнуренным потом.

Главврача на месте не оказалось, пришлось сидеть в приемной, ждать. Из коридора в открытую дверь все время заглядывали сестры, санитарки, еще какие-то люди... Вроде бы случайно и безразлично, но вскоре забыв о «безразличии», столпились в дверях и с

безжалостно-сострадательной откровенностью разглядывали Катю и Митьку. Только что головами не качали.

Митька напряженно потупился на стуле. Катя не знала, куда глядеть, мяла руки, лицо ее горело.

Какой-то раненый в костылях, медлительный, как журавель, вплыл в приемную. Незаметно как-то оказался сбоку Митьки. Начал подталкивать его пряником. Светло смущающийся, хкекающий. Митька взял. Прощептал: «Спасибо». Пряник был шершавый, в табачных соринках.

— Это еще что такое?! — В приемную входила пожилая властная женщина. Глянула на санитарок: — Вам делать нечего? — и те пропали; раненый завтыкал за ними костылями. — Вы ко мне?.. — приостановилась властная.

Катя и Митька вскочили.

— Доктор... я... я... здравствуйте!

— Почему без халатов?.. Немедленно в гардеробной оденьте халаты! И зайдите ко мне. Одна. Вы поняли меня?..

— Поняла, доктор... я...

— Идите! — и главврач пронесла себя в свой кабинет за дверь в дутых дерматиновых пузырях.

Катя и Митька кинулись было из приемной, но санитарки тут же обрядили их в свои халаты. «Иди, иди, дочка, не бойся!» — сказала одна из них, пожилая, и вдобавок перекрестила зачем-то Катю.

Через несколько минут дерматиновые пузыри отпахнули красное, злое лицо главврачихи.

— Семкина! Позови Марка Ефимовича!

— Бегу, Домна Викторовна! — сорвалась одна из санитарок.

Проходя через приемную, Марк Ефимович подергивал, ежил правое плечо. Был он лысый, в толстых очках, халат его развеялся на стороны. Скрылся за дверью. Семкина, поглядывая на Митьку, о чем-то шепотом сообщала товаркам. Раненый не расслышал, задержал ее за рукав... Снова водил головкой.

Из кабинета Катю будто вытолкнули. Она кусала платок, давилась, захлебывалась слезами. Не успел Митька вскочить, как выбежал Марк Ефимович. Как не своей поводитил неуверенно перед плачущей Катей рукой, робко взял Катю за локоть. Держал так. Хотел говорить, и не мог. Полнился слезами, уводил голову, дергал плечом. Стаскивал очки...

Опять выпахнула сл главврачиха. Окинула всех взором разгневанно. Ставя будто последнюю, злобно-радостную точку, отчеканила Марку Ефимовичу:

— Где гарантия, что он бы снова не выкинул что-либо подобное? Где, я вас спрашиваю?

Марк Ефимович удушливо стал водить головой. Ему не хватало воздуха. Как в свидетели всех призывая, недоуменно, тихо заговорил:

— Гарантию ей, оказывается, подавай... На живого человека. А?.. — И вдруг закричал: — Ты, ты — гарантия! Сама! Стопроцентная, тупая, раз и навсегда заведенная!.. Настенный механизм с выскакивающей кукушкой!.. Но я... я... я ломаю твою гарантийную кукушку! Я сокрушу... я сворочу ее к чертовой матери, так и знай!.. Покукуешь тогда...

— Да как вы! ты! вы! ты!.. вы забываетесь! — задохнулась властная. — Вы!.. Немедленно в мой кабинет! Немедленно! Слышите?!

Но Марк Ефимович уже не слышал, Марк Ефимович быстро вел Катю по коридору. «Гарантию!» А? Я покажу тебе гарантию! Чинуша! Проходимка!

Сплавил, сбавил человека! Занимайтесь им, лечите, а я в стороне. Мерзавка! — врач вдруг бросил Катю и застучал кулаком по своей ноге, придавленно крича на весь коридор: — Это же коновал! Бревно! Туп-пица! Нуль в хирургии! — Раненые испуганно расступались перед ним. — Сказать такое! Жене героя! Родной жене! Но вы, милая, не обращайтесь, не обращайтесь, на каждую скотину обращать внимания — крови не хватит. Меня не было четыре дня — и вот результат. Воспользовалась! Сбавила! Но она... она ответит за это! Поверьте мне, ответит! А вы, милая, не обращайтесь, забудьте! И поверьте мне, как врачу поверьте, второй раз муж огорчать вас не станет. Поверьте! Второй раз на такое не идут. Как врач вам говорю. Ведь одинаково у них все, одинаково. Банально до слез, до боли... Не хочет возвращаться к родным, не пишет, не отвечает на письма, скрывает все от врачей, прячется в себя... Но сколько их по нашим госпиталям. Сколько! Это другой парад победы. Совсем другой. Без генералов он, без барабанов, без фанфар. Это награды наши идут. Награды. Живые вывернутые медали идут, обугленные до кости штандарты, до жути оплавленные ордена... Через души наши идут, через души, сквозь наши сердца... И эта мерзавка... и эта... эта... На колени, гадина, на колени! — в бессилии стучал по колену Марк Ефимович. Со слезами шептал: — На колени!.. — Сзади накатились санитарки с Митькой и раненым, но Марк Ефимович уже снова спешил, ведя Катю. Сдергивал очки, отмахивал платком слезы, снова накидывал очки, говорил, говорил без передышки: — Простите меня, милая! Простите! Не удержался. Простите. Сейчас мы найдем ко мне. Сейчас. Обсудим все спокойно. Обсудим, — Марк Ефимович остановился перед застекленной, занавешенной изнутри белым дверью. — Сейчас, сейчас, — искал по карманам ключи. — Сейчас... И теперь, милая, только от вас, только от вас все зависит... Сейчас... Мы обсудим все, обсудим, чем ему заняться. Поверьте, тысяча дел для него найдется, тысяча! Сейчас... — Стал близоруко шарить в замке. Открыл: — Проходите, милая!.. А ты, ты, сынок... ты постой, — остановил он Митьку. Беспомощно оглянулся. Искал. К нему сразу придвинулись санитарки и сестры. — Ага! Вот и займитесь мальчиком, чем рты попусту разевать! — Он ласково подтолкнул к ним Митьку. Скрылся за дверью.

Санитарки окружили Митьку, заглядывали к нему, раненый в костылях стеснительно трогал его голову.

17.

Через трое суток на узловой станции Арьсь перед посадкой в товарные вагоны люди проходили санпропускник. От станции на отшибе к плоскому зданию бани вилась нескончаемая очередь. Высокая железная труба, взятая в скрипучие проволочные растяжки, полоскала черным дымом прямо в полупустыню. Там вдаль у горизонта в белом мареве знойными сухарями проплывали верблюды. И все вокруг: и сама баня, и очередь к ней, и станция справа, и дальше глинобитные дувалы и дома, точно густо павшие в молитве мусульмане с проостренной ими в небо мечтью-мольбой — все зыбко пошевеливалось, словно приглушенно бормотало в этом белесом зное полупустыни. Ни деревца вокруг, ни тенька...

Пока мылись, солнце перекачилось на самый край полупустыни и там остывало. У его подножья молит-

Автопортрет

Обыкновенный художник воспроизводит — более удачно или менее — существующую реальность.

Талантливый, выдающийся художник создает новую реальность.

И его изображения существуют не как копии уже имеющегося в жизни, а как новые создания самой жизни, — словно материализовавшийся в образах субстрат, вытяжка из ее невидимых пор.

«Странные картины!» — сказал кто-то о выставке.

А разве не странна сама жизнь?

«Какие деформированные образы!»

А разве не деформированы мы с вами?.. Наши мысли... поступки... искаженные наши души?..

Перед вами репродукции картин с выставки М. Брусиловского, выполненные Олегом Капорейко. Когда слайды засылались в набор, картины ехали в Париж. Когда читатель получит номер журнала, эти картины, возможно, уже обретут своих новых владельцев. Увы, не из числа земляков. Распродажа во Франции сделает это художественное богатство достоянием не нашей республики...

Вернисажу в Париже предшествовал успех выставки М. Брусиловского в Свердловске — и в среде любителей живописи и — что радостно было наблюдать — у многих коллег художника.

Что же до зрителя, то шумные залы в картинной галерее на улице Вайнера еще раз подтвердили старую истину: признание к талантам на земле предков приходит, увы, нередко после признания их за рубежом.

**Лед и лебедь
Футбол
Портрет Метелевых**

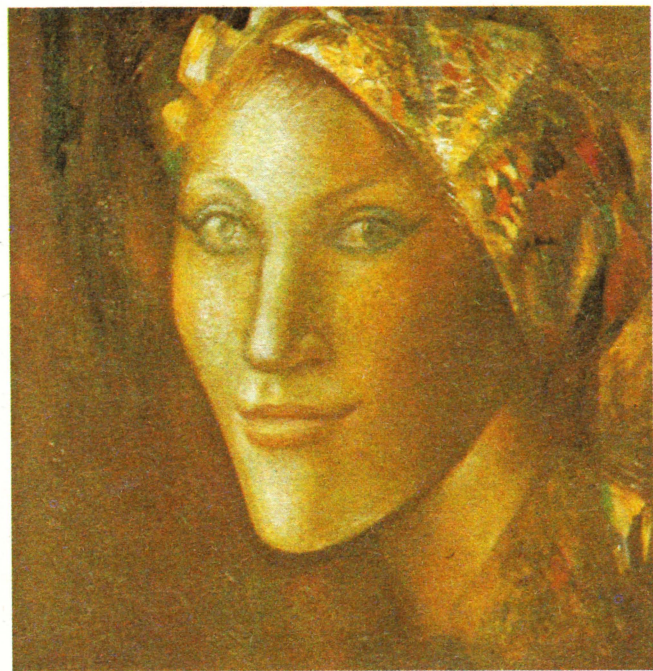

Гомо сапиенс (фрагмент)
Портрет Марка Рыжкова
Портрет Татьяны

Ходишь по вернисажу кругами, возвращаясь к полюбившимся картинам: «Похищение Европы УП», «Несение креста», «Агрессия», «В мастерской», «Футболисты»... И все время ощущаешь на себе чей-то сдержанный, чуть отстраненный взгляд. Оглянешься — и глаза в глаза уткнешься в «Автопортрет». Помнится давнее — первое — почти шоковое впечатление: большая голова, литая шея, широкий торс и... маленькие, почти крохотные, ручки. Поразила мысль: редко так художник пренебрегает невыгодным для себя впечатлением, рискует зрительской симпатией... Но что-то необходимо ведь было ему выразить более важное!.. Что?.. Позже, из своенравного мира ассоциаций почему-то выплыла поговорка: глаза боятся, руки делают... Но что же можно сделать, когда рукам дают укорот (а портрет писан в трудные для художника времена)... Трудно творить с повязанными, укороченными руками... Но путь художника, его творчество сказали нам: и глаза не боялись, и руки делали...

Стала знаменитой картина Мосина и Брусиловского «1918 год». Она у многих на памяти, как на памяти и дружный хор хулы и обвинений в искажении истории и формализма, когда картина только появилась... Но не об этом хочется сейчас...

Когда-то Петров-Водкин, работая над портретом-картиной «Девушка у окна», заметил своей модели: «Что, не похожа? Вот когда будет тебе лег эдак тридцать, увидишь, что похожа...» Прошло более тридцати лет со времен первых картин Мосина и Брусиловского, и мы видим, как все больше людей приближается к их пониманию, как все больше они, картины, стали «похожи» и на ту жизнь, что запечатлели, и на нашу, нынешнюю, — со всеми страстями и поражающими откровениями. И снова убеждаемся — всякое настоящее искусство сопредельно трем измерениям времени — прошлому, настоящему и будущему.

Одни считают М. Брусиловского мучеником, другие — счастливчиком. Нам представляется этот расклад праздным занятием. Художник живет предопределенностью судьбы, и все слагаемые его жизни — и муки творчества, и непонимание современников, и безденежье, вынуждающее отвлекаться на приработки, — все краски жизни — черные и звонкие, холодные и теплые — все его. Из всего этого рождается искусство, «и дышит почва и судьба».

А впрочем, М. Брусиловским выстрадан успех, хотя он — просто работал. Он любим друзьями-художниками, мастерами, он уважаем знатоками и ценителями живописи. Он дождался признания при жизни.

Повезло искусству.

Но не очень повезло нам. Картины ушли в другую жизнь, и если суждено кому-то из нас их увидеть снова, то уже в репродукциях.

вой падал мусульманин, обугленный, как муравей. На мечети бился горлиный голосок муллы.

Потом товарняк «пятьсот-веселок» стучал и стучал за убегающими лучами солнца, а в вагонах впопалку спали помытые, намажавшиеся пассажиры.

Наутро навстречу поезду, как зеленый прохладный кораблик, выплыл из голой степи городок Джамбул. Но не успел состав вползти в станцию, еще лязгали буфера, шипели тормозные шланги, еще плыл, никак не мог остановиться деревянный обшарпанный вокзал, а вровень с вагонами уже бодро побежали какие-то люди в полувоенных картузах, но с винтовками настоящими. «Выгружайсь! Выгружайсь! Вагоны освобождай! Приехали!»

Вот тебе и городок зеленый Джамбул! Думали, остановятся на полчаса — паровозик попьет водички, отдышится — да и дальше постучат, и к вечеру, глядишь, и Алма-Ата, а тут — на тебе! — новая пересадка. Скоро так, глядишь, и в голой степи пересадки начнут устраивать...

А эшелон минут через пять — точно вымолоченный на пути людьми и вещами, полностью вышелушенный, пустой — погнал назад, и полувоенные, всея на подножках, целеустремленно и строго смотрели вдаль. Люди побрели через пути к вокзалу, к поднятому деревянному перрону, закидывали наверх детей, вещи, сами лезли. Перрон на глазах превращался все в тот же вялый, измученный, бесколесный табор.

На знойном и пустом, как степь, базаре неподдающему от станции Катя и Митька долго спорили под вывеской «Ремонт часов». В конце концов Катя решительно дернула дверь хибарки — и Митьке ничего не оставалось, как проследовать за ней.

Маленькие Катини часики толстый недовольный человек долго разглядывал увеличенным жутко глазом. Точно пойманную блоху. Ковырял внутренности отверткой, пинцетиком — проверял на всяческий ход. Наконец скинул «глаз» в руку, не глядя на Катю назвал цену. «Да вы что?!» — возмутилась Катя. «Ладно, ладно! — сразу остановил ее злым, безоговорочным взмахом пухлой руки. — Ладно... — и будто голодной собаке кинул: — Еще три сотни...»

Необычного, странного вида пирожки жарились в бараньем жиру на прокопченном противне. Походили они на длинные африканские пироги, севшие на мели. И мели эти вдруг ожили, закипели. Прокопченный узбек в тубетейке лопаточкой снимал, скидывал готовые, золотистые в большую чашку, тут же ловко зашипывал в тесто новой требухи, новые кидал «пироги» на мели. Его прокопченный сынишка ползал на карачках, совал под противень в ржавую прогоревшую печку кизяк. Отворачиваясь от жара, железным прутом вышуровывал в густой долгий дым короткие горстки искорок.

Не слушая предупреждений матери, Митька выхватил из чашки, начал перекидывать с руки на руку длинную огненную эту пирогу, не удержался, откусил ароматной золотистости, катал, перекачивал во рту, обдувал, студил, капля слюнями на землю, но снова не удержался — раньше времени проглотил. Прослушал — и сломался от боли...

Потом прокопченный узбек держал на вытянутой руке прокопченный чайник и со всепонимающей грустью смотрел, как веснушчатый русский парнишка,

точно жадный птенец вытягиваясь и закатывая глаза, пил, заглатывал из носика чайника тепловатую воду, ухватив себя за тощие ляжки...

А полдень набивал и набивал степной жары в городок. За вокзалом было полно деревьев, полно отдохновенной тени, но люди маялись на голом знойном перроне — уходить с него было нельзя: поезд могли дать на следующий день, а могли вот, в следующую минуту.

Чуть касаясь матери спиной, Митька сидел на чемодане, а баульчик — у него на коленях. Осоловелый, но упорный Митькин карандаш торчал над раскрытой тетрадкой. Ждал словно. Ждал из этой стоялой жары хоть какой-нибудь мысли, дуновения ветерка...

— Мам, как ты думаешь, если папе показать... если прочтешь ему мои «Дорожные наблюдения» — они ему понравятся?

— Понравятся, Митя... Он очень любил читать. И тебе всегда читал. Сказки... Ты это не помнишь, конечно... Маленький был...

— Помню... — не совсем уверенно сказал Митька. И тут же хотел рассказать про трактор. Только где это было? Ну конечно в деревне! Осенью. Перед правлением колхоза. Трактор стоял большой, маслянистый, жаркий, бил черными чубами из трубки вверх. А наверху, как на небе, вцепившись в железные, гладко-белые палки, сидел тракторист-дяденька (отец сидел?), и такой же черный, маслянистый, чубатый белозубо улыбался. Кто-то подхватил Митьку сзади под мышки (дедушка подхватил?) и кинул на верх этого высокого, горячего чудища. Прямо в руки дяденьке. И трактор как обезумел — и понесся по выгону, и побежал. Выкатил из деревни — и открытый всему миру проселок быстро забултыхался Митьке навстречу, бил в лицо, то горячим, моторовым, то холодным, с осенней, вывороченной стерни, а когда Митька вертелся головой назад, к деревне, проселок сыто швырялся масляной землей. И дяденька что-то пел, кричал и дергал, дергал вместе с Митькой эти гладко-железные палки...

Так было это или не было?.. Себе в подтверждение Митька хотел спросить... и осекся; согбенная спина матери опять вздрагивала, голова приклонялась за платком то к одному плечу, то к другому...

«Папа... что сделать... чтобы мама... не плакала?..» — впервые написал в тетрадке карандаш... и глядя на эти медленные, трудные слова, словно не им, Митькой, написанные... слова, закрывшие все в «Дорожных наблюдениях»... Митька не выдержал и заплакал... Открытый всем во внезапной безысходности, беззащитный.

— Ну что ты, сыночек! Что ты!..

— Ма-ма-а-а... — некрасиво и больно наморщивалось, кривилось в плаче веснушчатое мальчишечье лицо...

И опять измученно смотрели они на дикоусые, остановившиеся часы в конце перрона, на змеевые белые рельсы, мучительно уползающие к горизонту...

18.

Товарняк на Алма-Ату заорал, ударил станцию вечером, почти на закате дня. Целый день, подлец, выжидал чего-то на запаснике. И сотни людей посыпались с перрона, бежали к нему, падали, рассыпаясь по рельсам детьми и вещами...

Катя и Митька бежали вдоль состава, пропуская и пропуская вагоны с насмерть бьющимися людьми. Все так же взревывая, стегал паникой паровоз. И вдруг: «Сюда, сюда, мамаша!» В начетверть сдвинутой двери вагона присел на корточки парень — фиксой улыбается, пальцами манит: «Ну!..» Катя кинула наверх Митьку с баульником, чемодан, сумку, сама взлетела, вздернутая парнем. Смотри-ка, вагон-то пустой почти! Справа вон только люди какие-то. В карты вроде бы играют. Под нарами.

С левой половины вагона быстро натаскали соломы, накидали ее к стенке, уселись прямо напротив двери: как повезло!

В широко расставленных ногах парня, внизу, появилась голова старика в малахае и молчком начала пихать в вагон мешок. «Куда?! Спецвагон!» — выпнул мешок парень. Но старик опять карабкался и мешок за собой тащил. «Спецвагон, морда!» — заорал парень, пихнул сапогом старика в плечо. Старик и мешок исчезли. Снова появились. «Сгинешь ты, гад, или нет!» Парень отдирает руки старика от двери. «Да что вы делаете-то?! — вскочила Катя. — Ведь свободно!» — «Заткнись!» — процедил в ее сторону парень. Вдруг ударил старика кулаком в лицо. Старик оторвался от двери, упал вниз. «Да как ты смеешь, подлец! — закричала Катя. — Ну-ка пусти!» Она хотела спрыгнуть к старику. «Сядь на место, сука, пока по рогам не смазал!» Парень толкнул Катю от двери... Да что же это!..

По путям к поезду быстро шел кривоногий низенький казах в форменной железнодорожной фуражке. За ним катилось полаула казахов: женщины, детей, стариков. Старик у вагона поднялся, отирая с лица кровь, зашпешил навстречу своим. Показывал казаху в фуражке на вагон, на парня. Весь аул повернул к вагону.

— В чем дело? Что за спецвагон? Я начальник станции. А вы кто такие? Предъявите документы! — сразу потребовал казах в фуражке.

В дверях уже стояло несколько человек. «Товарищ! Товарищ!» — кинулась было к двери Катя, но ее загородили, отеснили назад.

— Да что вы, гражданин начальник! Какой спецвагон! — фальшиво рассмеялся глыбастый, в майке, в сплошной татуировке мужик. — Парень пошутит, а вы уж и поверили. Строители мы. Бригада. Ждем остальных — вот и заняли. Должны подойти. Строители мы.

— Но вы не имеете права занимать целый вагон! Сколько вас? Откуда? Какая организация? Документы! — не отставал в фуражке.

— Да ладно тебе, товарищ! Грузитесь! Места всем хватит! Загуляли где-то наши — видать, не дойдут. Грузитесь! — И глыбастый одной рукой, как штору, сдвинул дверь вправо до упора. Проходя мимо Кати, выдохнул злой водкой: — Шуточки любши шутить, красotka!..

Казах в фуражке колебался. Но тут опять взревел паровоз, и он махнул рукой своим: грузитесь! В вагон полетели мешки, тюки с шерстью, кашащатки в тубетейках, лукавые девчонки с многокосичками завзвизгивали, полезли женщины, удойно взбалтывая тяжелыми монистами, в малахах закряхтели аскакалы-старики.

Потом, в эту последнюю ночь перед Алма-Атой, было пятеро оскалившихся финками бандитов в полусвещенном громыхающем товарном вагоне и ов-

цами сбившиеся на солому к стенке женщины, дети, старики...

На станции Алма-Ата в зное привокзальной площади, меж тележек с ишачками ходила полураздетая, босая женщина. Она останавливалась перед возчиками в ватных халатах, о чем-то умоляюще их просила. С ней ходил мальчишка с баульником, лет семи, тоже босой и полураздетый. Старики-возчики подозрительно слушали, потом зло отмахивали их руками, отворачивались к своим ишачкам, деловито поправляли упряжь. Женщина и мальчик шли дальше.

Их догнал старик-казах, тронул женщину за плечо. Ласковые, вековыми степными ветрами задутые щелочки глаз. Улыбаясь, показал на своего ишачка с тележкой. Идя к тележке, женщина, чуть не рыдая, благодарила и благодарила старика. Тот смеялся, хлопывал ее по плечу. Втроем уселись на тележку. Старик прикрыл женщину какой-то мешковиной, протянул обоим по большой лепешке. Затем накиннул веревочным кнутиком ишачка по боку. Ишачок постриг ушками, подумал и с места побежал — частоколушки загородил на мостовой.

— А-айда, Джайран, а-айда! — оборачивался, подмигивал, смеялся старик. — А-айда-а!

Ишачок бежал. Старик смеялся. Не замечая освободенных слез своих смеялись с лепешками в руках женщина и мальчишка. Смеялось в листве над головой бегущее солнце.

— А-айда, Джайран! А-айда-а-а!..

Ни в одном из четырех госпиталей Алма-Аты Колосков Иван Дмитриевич в списках раненых, находящихся на излечении, значиться не будет...

Спустя год, 23 июня 46-го года, в городе П-ске, по улице Грибоедова, во дворе пимокатной артели слепых стоял высокий мужчина в прорезиненном длинном фартуке. К его груди застывшие прильнула женщина. Платок с головы у нее съехал, рассыпав на лицо, на закрытые мокрые глаза, с сильной проседью короткие волосы. На обгоревшем, как оплавленном лице мужчины жуткой медалью вывернулась пустая, точно кровью сочащаяся глазница. Другой глаз — как выпуклый застрявший кусок свинца. Одной рукой мужчина прижимал к себе женщину, другой — слепо тыкался, цепко хватал длинными пальцами парнишку лет восьми: по плечам его, по лицу, сбив с него кепку. Парнишка удерживал баульчик у груди, и, будто от цепких этих лихорадочных тычков, из глаз его проливались слезы.

— Катя!.. Митя!.. Сынок!.. — откуда-то из-за маленького, стянутого рта, как из жизни другой, отрывались прерывистые слова.

Вокруг трех этих людей суетилась какая-то пожилая женщина в черном халате. Все сгребала в одно чемодан, сумку, узелок. Но все это разваливалось у нее, падало, и она, словно боясь остановиться, все сгребала и сгребала, плача и бормоча:

— Да что же вы стоите-то? Да что же вы стоите-то? Что же вы стоите-то?..

В низких открытых окнах полуподвала, как слепая, настороженная рожица перед грозой, застыли обнаженными глазами инвалиды.

СВЕРДЛОВСК: «АЭЛИТА»-89

Виталий БУГРОВ

Ну вот, осталась позади и «Аэлиты»-89...

Сколько помню, редакция «Следопыта» всегда провожала вздохом облегчения свой «праздник фантастики» — так когда-то, в 1981 году, назвала газета «Правда» первую из «Аэлит».

Собственно, странного в этом ничего нет. Да, праздник в празднике, от него и организатор должен получать свой хотя бы минимальный заряд бодрости — иначе плох и никчем придуманный вами праздник, нужен лишь для «галочки» в плане. Но и самое скромное мероприятие приходится готовить: само-то по себе оно попросту не состоится! Азбучная истина...

Нынешняя «Аэлита» далась нам тяжелее, чем любая из предыдущих.

Не только потому, что обещал стать — и действительно стал — рекордным наплыв иногородних участников торжества. Вот какие цифры сообщил нам Игорь Георгиевич Халымбаджа — главный наш помощник в подготовке и проведении «Аэлиты»-89: участие в ней приняли представители 127 клубов из 97 (считая и Свердловск) городов — 447 приезжих плюс 112 местных любителей фантастики.

Даже в немаленьком городе не просто разместить разом такое количество пришельцев: всегда «мешают» какие-то иные совещания, конференции, встречи, слеты... Для нас сложность вопроса усугублялась тем, что ряд гостиниц отдан был под размещение сотен семей, пострадавших от прошлогоднего взрыва в районе Сортировки (о грустном этом происшествии и его масштабах достаточно широко писалось в центральной прессе), и теперь, после расселения постояльцев по новым квартирам, в гостиницах потребовался ремонт. Оказались бессильны помочь нам оба обкома; кончилось тем, что «настоящей» гостиницей нам на этот раз удалось обеспечить в полуторамиллионном Свердловске... лишь двух (!) человек — гостя из Болгарии А. Караланчева и летчика-космонавта Г. М. Гречко. Все остальные, включая и самых именитых писателей, жили в ведомственных домах для приезжих, в учрежденческих общежитиях, главным же образом — в помещении школы-интерната на Уралмаше, на день раньше обычного отпущившей по домам своих воспитанников...

Были и иные проблемы, неведомые нам в прежние годы. К при-

меру, я вовсе не случайно не обмолвился до сих пор о сроках проведения «Аэлиты»-89.

Тщательно все взвесив, мы наметили, как и в прошлом году, середину мая: почти летнее тепло, буйная зелень вокруг... Заблаговременно оповестили всех предполагаемых участников. Но... Вы еще не забыли минувший апрель? Да нет, едва ли: выборы народных депутатов сделали его заметной вехой на пути к реальному, не на словах, пробуждению нашего общества от затянувшейся бездуховной спячки.

Памятен беспокойный апрель-89 и свердловчанам, вдвойне памятен и нам, поскольку заставил не на шутку встревожиться и очень скоро подтвердил основательность наших тревог: повторные выборы по национально-территориальному округу пришлось ровнехонько на 14 мая, естественным образом закрыв для «Аэлиты»-89 все залы всех городских ДК. И даже сдвинув ее на неделю и тем серьезно ущемив интересы студентов и школьников (льготные тарифы на транспорте действительны для них, увы, лишь до 15 мая), мы избавились от своей неуходящей тревоги — только когда выяснилось, что второй тур перевыборов назначен у нас не на воскресенье 21-го, как в других местах, а на вторник 23-го! Наконец-то хоть в чем-то повезло: в полтора дня нам бы никак не уложиться, программа «Аэлиты» предполагалась весьма насыщенной — едва ли даже, казалось нам порой, не чрезмерно; но тут уж не все зависело только от нас...

Спокойных минут, вообще говоря, у редакции уже не было: переносились ведь и многие иные мероприятия. Оттого оказался отчасти отчужден от «Аэлиты» сроднившийся с нею за все эти годы ДК автомобилистов, оттого же возникла разом целая масса частных проблем, от перечисления которых благоразумно воздержусь. Замечу лишь напоследок, что, в довершение ко всему, будущий лауреат «Аэлиты»-89 в марте сломал ногу, слишком лихо для своих семидесяти лет гоняя на мотоцикле (!), что будущий лауреат другого приза — имени И. А. Ефремова — находился в командировке в Америке, откуда мог вернуться в Москву лишь 19 мая...

Надеюсь, вам понятно теперь, каким было психологическое состояние работников «Следопыта» накануне открытия восьмой нашей «Аэлиты». Понятен, наверное, и вздох об-

легчения, когда из стен редакции, вроде бы получив то, за чем ехали к нам в Свердловск, постепенно схлынули волна за волною пугающе многолюдные толпы, для которых все-таки смехотворно тесным было наше прежнее помещение. Да, прежде, — подчеркиваем это специально для любителей фантастики (дабы, попав снова в Свердловск, не пытались искать нас на старом месте): в июне редакция переехала на улицу Декабристов, в дом № 67. В массивный особняк из красного кирпича, кажущийся покамест самим нам — непривычно просторным...

А теперь — некоторые подробности того, что происходило в Свердловске 19—21 мая.

Центральным событием праздника было, естественно, открывавшее его торжественное вручение призов. В этом году оно проходило во Дворце культуры «Урал». Зал здесь поменьше, чем в прошлогоднем Дворце молодежи, однако ж вмещает 800 человек.

19 мая нам, сидевшим на сцене, этот зал не показался чрезмерно просторным для публики, привлеченной нашим мероприятием: по-видимому, были задействованы все пригласительные билеты, которых в этот раз нам изготовили без ощутимого запаса.

Север Феликсович Гансовский отсутствовал в зале по причине, которую уже знаете вы и догадаться о которой могли те из собравшихся, кто обратил внимание на галерею шарж-портретов в фойе Дворца: Евгений Пинаев, наш художник, ежегодно пополняющий серию этих работ шаржированным изображением очередного лауреата «Аэлиты», Севера Феликсовича изобразил досрочно — и в полный рост (чуть смущаясь при этом возможным, в силу неполноты информации, нарушением жизненной правды: а в той ли руке костыль у лауреата-89?). Георгий Михайлович Гречко отсутствовал тоже: он прилетел из Москвы «на перекладных» ранним утром 20-го... Провал?! Нет, отчего же: любители фантастики к превратностям судьбы приучены относиться спокойно и не без иронии, они с пониманием выслушали разъяснения главного редактора «Следопыта». И потом, один-то лауреат в зале все-таки был — Борис Штерн, писатель из Киева, давно и хорошо известный любителям НФ своими рассказами — живопис-

ными, остроумными, запоминающимися.

Борис Штерн стал первым обладателем нового приза «Старт», учрежденного в этом году нашим журналом совместно с экспериментальным НПО при Свердловском обкоме комсомола. Как и оба прежних наших приза, «Старт» выполнен из камня поистине неистощимым на выдумку искусником-камнерезом Виктором Саргиным... Вообще-то лауреат «Старта»-89 самую малость, но все же перешагнул оговоренные положением о призе 40 лет. Но — не бывает правил без исключений, и в данном случае исключение тем оправданнее, что книга рассказов Штерна «Чья планета?» вполне могла бы появиться не в 1987 году, а лет на десять раньше, когда и была написана. Могла бы... Выразим надежду, вслед за самим Штерном, что отношение к фантастике меняется всерьез и надолго и что в судьбах нынешних молодых фантастов необъяснимых превратностей будет поменьше...

(С удовольствием и очень к месту информируем наших читателей, что в прошлом году появилась первая НФ премия на Украине. Называется она «Чумацкий шлях», кандидатов для нее отбирают сообща читатели республиканского еженедельника «Друг читача», и первым ее лауреатом стал Борис Штерн!)

Что же касается «Аэлиты»-89, доставить ее законному уже теперь хозяину согласился едва ли не самый именитый гость нашего праздника — Кир Булычев. Принимая ее, пошутил: не стоило бы запечатлеть этот момент на фотопленку — может возникнуть повод для шантажа! Предупреждение не помогло, писателя все-таки вволю наснимали и с «Аэлитой» в руках: в одной из газетных вырезок мне уже встретилось подобное фото...

А говорил о Севере Гансовском, о непростой жизни его, его творчестве и, в частности, о прошлогодней книге его повестей «Инстинкт?» свердловчанин Сергей Другаль. Говорил с неподдельной теплотой, с уважительной нежностью к старшему другу; он-то и открыл восторженно замершему залу поистине потрясающую тайну сломанной ноги лауреата...

Никакого концерта на этот раз мы не планировали: зачем? На сцене, кроме уже названных, сидели и другие писатели, пользующиеся заслуженным признанием среди самых взыскательных любителей НФ: Владимир Михайлов, Олег Корабельников, Виталий Бабенко, сидел первый на наших «Аэлитах» гость из-за рубежа Александр Карапанчев — редактор болгарского журнала «ФЭП», что расширяется как «Фантастика». Эвристика. Прогностика — спрашивайте, когда-то еще доведет-

ся вам встретиться с такой командой?!

И — спрашивали, спрашивали о многом, и многое услышали... но очень скоро общий разговор превратился в диалог зала с обязательнейшим Кириком Булычевым. Исключительная выдержка, доброжелательность, эрудированность, остроумие, прямота ответов буквально заворожали аудиторию. Не случайно именно Киру Булычеву представители хозрасчетного одесского клуба вручили приз читательских симпатий — привезенное с собою панно «Ожидание контакта»...

Предложение одесситов: сделать приз читательских симпатий ежегодным и вручать его на «Аэлитах».

Прижудать его за лучшее произведение прошедших двух лет по свободному опросу читателей.

Каждый желающий участвовать в опросе любитель фантастики сообщает в одесский клуб названия трех наиболее понравившихся НФ произведений с указанием автора, года издания и издательства.

Одесситы подсчитывают голоса, сообщают в Свердловск имя обладателя приза, и «Следопыт» приглашает его на очередную «Аэлиту».

Устраивает вас это предложение, товарищи читатели!

Голосовать, утверждая, не будем — сразу присутствуя к делу.

К тем, кто — «за», просьба: до 1 февраля будущего года отослать одесситам свои кандидатуры на приз-90.

Запишите адрес:

270001, Одесса, а/я 131, ТХОЛФ «Земляне».

Вручение приза имени И. А. Ефремова и пресс-конференция с лауреатом-89 Георгием Михайловичем Гречко состоялись на следующий день в зале обкома комсомола.

Более двух часов терзали прославленного космонавта любители фантастики, среди которых нашлись, конечно же, и чрезвычайно эрудированные по части космической техники. Много интересного да, по-видимому, и нового рассказал он... но о том умолчу, не будучи в технических этих делах даже дилетантом. Оставлю при себе и личные свои впечатления, поделюсь лишь субъективным и потому не бесспорным.

Космонавтов постепенно становится все больше и больше, профессия перестает быть «штучной», уже иные и среди них пишут фантастику — едва ли не в профессионалы-фантасты выходят, чуть ли не через год по книге издаются... И пусть себе издают, — смиряю в себе редакторскую, видимо, заваску, — пусть! Хотя, ей-же-ей, для пропаганды НФ в нашем обществе, для ненавязчивого утверждения насущнейшей потребности в НФ — делают

больше все-таки не они, которые сами пишут, а те, кто, как Георгий Михайлович, не пытаясь диктовать своих вкусов, не стремясь прослыть эрудитом в этой области, просто получает удовольствие от чтения фантастики — и этих читательских пристрастий своих не скрывает, говорит о них раскованно и охотно, без оглядки на пуристов любого толка...

Приз имени И. А. Ефремова присужден Георгию Михайловичу Гречко — ведущему цикла телепередач «Этот фантастический мир» — именно за пропаганду фантастики.

«Аэлита» скоротечна: она не из тех мероприятий, куда массово едут по командировкам. Многие из гостей просто используют таким образом выходные — субботу и воскресенье. В эти два дня (а точнее, в полтора; в воскресенье уже разъезжаются: впереди понедельник) приходится вбивать невероятно разрозненную по сравнению с первыми «Аэлитами» программу.

Работают секции — фантастиковедение и обмен опытом, библиографическая, работа с детьми, новая для «Аэлиты» секция фэн-прессы. Едва ли не круглосуточно мерцают экраны видео. В отдалении от бурлящего ДК автомобилистов в самом просторном помещении прежних владений «Следопыта» — кабинете главного редактора — бурлит сам по себе семинар молодых авторов.

Внове для «Аэлиты» — книжный аукцион, лотерея. Кому-то понравилось, а кому — не очень: одним — в принципе, другим — из-за накладок в проведении... Попробовали в этом году выкроить время-пространство и для книгообмена — и почти что зареклись на будущее: поняли, что впускать абсолютно неуправляемую, азартно-неукротимую эту стихию в полтора рабочих дня «Аэлиты» — великий риск сорвать все параллельные мероприятия.

Книжного киоска нынче не было... Впервые его функции попытались взять на себя сами фэны — по инициативе Всесоюзного совета КЛФ, нещадно (вопрос: всегда ли заслуженно?) критикуемого. Москвичи привезли целое купе (1200 экземпляров!) «Глубокоуважаемого микроба» — новой книги К. Булычева, вышедшей в издательстве «Юридическая литература» при участии кооператива «Текст». Два первых выпуска своих «книжек-минуток» — 16-страничных мини-сборничков НФ — привезли предприимчивые молодые фантасты из Алма-Аты. Ленинградцы доставили партию (тоже несколько сотен) «Отягощенных Злом» А. и Б. Стругацких — этой книгой, дорогой, мягко говоря, но и впрямь непривычно эффективной для отечественной НФ, издательство МГПИ «Прометей» открывает заманчивую

серию «Новая фантастика». Кое-какую литературу привезли с собою ростовчане. Продавался также не всеми — а напрасно! — оцененный журнал «Советская библиография», второй год охотно привлекающий на своих страницах и фантастику. В номере, попавшем на «Аэлиту», вы обнаружили бы беседу с К. Булычевым, новый его рассказ, библиографию творчества писателя...

Столь подробно говорю об этом — оттого что питаю надежду увидеть подобное и на следующих «Аэлитах». А еще — потому, главным образом, что в появлении перечисленных и других — не попавших на прилавок «Аэлиты»-89 — изданий, о выходе которых еженедельно оповещает нас «Книжное обозрение», усматриваю долгожданное возрождение того разнообразия издательских подходов к фантастике, какого у нас не бывало с самых-самых, пожалуй, двадцатых годов. С середины 60-х начал скапливаться у нас «отложенный спрос» на фантастику — в силу резко сократившегося ее издания; в 70-х к этому добавилась тенденциозность в формировании издательских планов; в результате мы и имеем чудовищную диспропорцию между спросом и предложением — не только количественную, но и качественную. В этом, кстати, и основная причина снижения уровня отечественной НФ и одновременного падения интереса к ней, а равно и широкого распространения самиздата: читающим массам поистине обрыдла безвкусная жвачка времен застоя, выдаваемая за единственно возможную и к тому же образцовую духовную пищу.

Лично у меня нет, пожалуй, поводов для претензий к издательству «Молодая гвардия», долгие годы выпускающему почти сплошь удивительно серую фантастику, — и не потому, что в одном из его сборников среди малосимпатичных мне статей появилась и моя собственная (похоже, безгонорарная). Претензии у нас, недовольных этой серостью, должны быть обращены к руководству издательским делом в стране, взрастившему монопольное право флагмана смехотворной нашей НФ «индустрии» олицетворять своей продукцией всю советскую фантастику. Теперь-то мы, и не будучи экономистами, прекрасно знаем, чем чреват монополизм в любой области: монополии в высшей степени плавать на потребителя, она с неизбежностью закона природы преследует лишь свои собственные, чаще всего узкокорыстные интересы, давая в зародыше любое — даже мнимое — сопротивление...

«Молодая гвардия», теперь уже и с помощью отпечкованного ею с благословения Госкомиздата и ЦК ВЛКСМ, стремительно разрастающегося новообразования — ВТО МПФ

(к которому претензий у меня тоже нет: и оно ведь живет и действует так, как должно, умеет и может!), и сегодня продолжает, не может не продолжать свою агрессивно-монополистскую политику в области НФ. Это и будет продолжаться... до тех пор, пока не окрепнут альтернативные структуры. А таковые появились, и во множестве, и они непременно выстоят и окрепнут. Ведь они вовсе не обязательно должны прямо противостоять нынешним монополистам. Издатели книг М. Булгакова и А. Платонова, Е. Замятина, О. Хаксли и Д. Оруэлл, В. Набокова, Ф. Искандера, В. Тендрякова и многих иных едва ли помышляют о каком-либо противостоянии позициям и интересам ИПО «МГ» и ВТО МПФ — и о самом их существовании они, скорее всего, даже не подозревают; а между тем, и появление этих книг (да еще лавинообразно нарастающими тиражами) — одна из серьезнейших альтернатив деятельности ИПО и дочерней его фирмы. Читатель-то, узнавший книги перечисленных авторов, будет потерян для «Румбов фантастики», выступай в роли их составителя хоть сам директор «МГ», если только... Если только не изменятся качественно сами эти «Румбы»! Трудно, разумеется, поверить в такое, однако ж — законы рынка, конкуренции жестоки столь же непредставимо, как и законы природы: нам известно уже и это. Но ведь эти новые «Румбы», пожалуй, и мы с вами, читатель, с удовольствием возьмем в руки, а?.. Господи, о чем только не расфантажируешься, размышляя о плюсах плюрализма!

...Вернувшись на грешную землю, лишь упомяну о карнавале в ДК автомобилистов. По отзывам, как водится, одним — понравилось, другим — не очень, третьим — не все... Это вторая попытка свердловского КЛФ «МИФ» организовать на «Аэлите» общее веселье.

В преддверии третьей, будущего года, публикуем открытое письмо наших верных друзей и помощников, на которое они «категорически умоляют откликнуться».

Всем фэнам СССР!

На проводимых в Свердловске фестивалах фантастики родилась и крепнет новая и хорошая, на наш взгляд, традиция проводить фэн-карнавал. Как известно, смех — дело серьезное. А поэтому КЛФ «МИФ» просит вас способствовать организации веселья. По мере сил и желания.

1. Не важно, как ты выглядишь, лишь бы человек был хороший.

Карнавал без костюмов — это не карнавал! Смелее везите ваши маски-костюмы на наш карнавал! Человек без маски на карнавале — все равно, что человек в маске на похоронах. Больше масок и костюмов —

тогда никто не уйдет обиженным!

2. Боливар выдержит и десятилетия, но сканать он будет в 10 раз медленнее!

Очень осложняет работу то, что веселье шестисот должно обеспечить пятнадцать, располагая только энтузиазмом и личными сбережениями. Больше инициативы снизу! На карнавале-89 родилась идея фэн-КВНа. Перейдем от экспромта к планомерному веселью! Всем клубам, желающим участвовать в фэн-КВНе-90, предлагается подавать заявки до 1.01.90.

Ваш юмор в общий котел — и тогда никто не уйдет обиженным!

3. Не красна изба углами, а красна управделами.

Организаторы карнавала готовы учесть все пожелания, высказанные на «Аэлите», все пожелания, которые вы захотите внести (срок до 1.01.90). Для подготовки и проведения карнавала при КЛФ «МИФ» будет создана постоянно действующая инициативная группа, которая примет на себя всю ответственность.

Счастливым гостем — радостью для хозяина. Приложим все усилия — и тогда никто не уйдет обиженным!

Практика показала, что карнавал — дело нужное, если он хорошо организован. Так давайте делать его все вместе!

А если у вас есть другие предложения, если вы найдете какую-то альтернативу карнавалу, другую форму веселого вечера — не держите это в секрете, поделитесь.

Ваше счастье в наших руках, наше счастье — в ваших! Давайте меняться — и пусть никто не уйдет обиженным!

Все заявки и предложения направлять по адресу: 620067, Свердловск, пер. Асбестовский, 5, кв. 65, Вадиму Некрашевичу.

Не останавливаясь на работе каждой из секций «Аэлиты»-89, расскажем чуть подробнее о некоторых из них.

Для начала дадим слово Владимиру Борисову (Абакан).

— Любители фантастики, вероятно, помнят повесть В. Генкина и А. Кацуры «Лекарство для Люс», главный герой которой, оказавшись в будущем, обнаружил, что вся планета Земля отдана для игр детям. Участники детской секции «Аэлиты»-89 основное время своих встреч также отвели игровым моментам в работе с детьми.

В. Соломоденко (Барнаул) подготовила методические рекомендации по работе детских КЛФ, щедро поделилась богатым опытом организации КВН, литературных судов над персонажами фантастических произведений, пресс-конференций, диспутов...

Несбыточной, поистине фантастической оказалась программа «Звездный поиск», которую предложил Д. Пинский (Уфа). Это программа четырехгодичной подготовки школьников (с 4-го по 7-й классы), в которой обучение предстает сплошной чередой увлекательных игр, ненавязчиво и занимательно позволяющих передавать учащимся знания школьной программы. Интересно, что Д. Пинским подготовлены также тест-программы, с помощью которых он намерен передать свой опыт и методику преподавателям.

Г. Кузьминов, корреспондент «Книжного обозрения», обратил внимание участников секции на то, что у детей катастрофически падает интерес к чтению вообще. Фантастика может оказать здесь неоценимую услугу, приобщая детей к книге...

Об использовании ролевых игр для воспитания подростков, для выработки у них подлинных ценностей, характера, мировоззрения рассказали Б. Батыршин и Д. Нежданов (Москва). Работа в коммунарских отрядах (во многом перекликающаяся с деятельностью знаменитой «Кара-веллы» В. Крапивина) приносит не сиюминутные выгоды, она рассчитана на будущее и тем особенно ценна. Москвичи предложили свои услуги для разработки сценариев литературных игр.

Участники секции договорились о продолжении совместных работ, намечено проведение обучающего семинара осенью. При Абаканском КЛФ «Центавр» создан Фонд методических материалов по работе с детьми и развитию творческого воображения. Всякий, кто хочет подробнее узнать о деятельности детской секции, принять участие в ее работе, может обратиться по адресу: 662616, Абакан-16, а/я 855, В. И. Борису.

В работе секции библиографии участвовало свыше 20 человек.

Уже год, как самостоятельные библиографы из КЛФ страны создали дружный коллектив, ведущий ныне поиск и систематизацию сочинений фантастического характера. На «Аэлиты»-89 были подведены первые итоги коллективной работы по составлению полного библиографического свода фантастики на русском языке — с 1769 года по наши дни. Были продемонстрированы результаты поиска по отдельным регионам: Сибирь — Г. Кузнецов (Новосибирск), Южный Урал — Ю. Зубакин (Челябинск), Средний Урал — И. Халымбаджа, осуществляющий, к слову сказать, общее руководство всей этой неподъемной (как нам с ним поначалу казалось) работой. Обмен опытом показал, что для изучения НФ в периодике региона, особенно довоенной и дореволюционной,

можно использовать не только областные публичные библиотеки, чьи сокровищницы в силу разнообразных причин весьма скромны порою, но, к примеру, и фонды научных библиотек краеведческих и литературных музеев, их архивы, а также архивы государственных и партийные...

Далекая от завершения, работа клубных библиографов тем не менее уже и сейчас позволяет совершенно по-новому взглянуть на историю развития отечественной фантастики. Десятки авторов, как выясняется, активно трудились в этой области литературы уже и в дореволюционные времена: в конце прошлого века, в начале нынешнего...

О работе семинара молодых авторов рассказывает его руководитель — Сергей Казанцев, ответственный секретарь «Следопыта»:

— Коснулся ли закон перехода количества в качество нашего семинара? А это — как посмотреть... В прошлом году в работе семинара участвовал 21 человек. В этом году свои рукописи прислали 44 автора!

Мы бы справились с этим объемом. Наш бедный староста А. Больных добросовестно прочитал все, что поступило заранее, но... Приехали почти, как правило, не те, кто прислал рукописи. Руководители семинара вынуждены были перейти на казарменное положение. Ночуя в редакции, роняя чугунные головы на горы свежих текстов, мы все-таки ухитрились прочитать большинство их. Сразу замечу: всем, кто прислал рукописи на семинар заранее или привез с собой, — отвечено или будет отвечено.

Из 29 приехавших молодых авторов мы успели обсудить 22. Было много организационных неурядиц, кроме того, два дня на 29 человек — это слишком мало. И даже в эти два дня мы отвлекались на события, не относящиеся к семинару. Но обойти их мы не могли! Это, в частности, посещение семинара К. Булычевым: два часа отдали мы на неформальное общение с любимым писателем — упрекнул ли нас в этом участники семинара?

Как и прежде, мы учитывали, что в семинаре принимают участие именно начинающие авторы, которым пока не «светит» пробиться на официальные литературные семинары типа областных или Малеевки. Такое условие мы ставили с самого начала. У нас не было конкурса работ, мы принимали всех, кто хотел услышать хоть слово о своих литературных мучениях.

Слов было услышано немало. Рукописи своих товарищей по несчастью рецензировали свердловские фэны и начинающие литераторы Т. Суворова, И. Кузовлев, Л. Лежнин.

По итогам обсуждения предполагалось подготовить подборку рассказов для журнала. Трудно было выбрать достойных: масса натужного юмора в стиле студенческих капустников... Но тем интереснее оказались на общем фоне произведения С. Лукьяненко (Алма-Ата), И. Федорова (Винница), Т. Титовой (Н. Тагил), В. Васильева (Николаев), Э. Нуршина (Алма-Ата), В. Вольфа (Винница), С. Стрельченко (Волгоград), братьев Ореховых (Барнаул). Их работы, а также повесть А. Иванова (Свердловск) «Охота на «Большую Медведицу» — рекомендованы к публикации.

...Несмотря на измотавшую нас обстановку семинара-89, мы не сдаемся и объявляем о семинаре-90. Условия немного изменены. Простите нас, но мы не сможем квалифицированно обозреть рукописи, привезенные с собой! Предлагаем будущим участникам твердо решить заранее, приедут ли они в Свердловск, и тогда прислать свои рукописи хотя бы за месяц до «Аэлиты»-90. Вот тогда мы обещаем лечь костями, но обеспечить им квалифицированный разбор. Помочь нам в этом, как и в нынешнем году, обещали свердловские писатели Сергей Другаль и Владислав Крапивин.

К рассказанному Сергеем Ивановичем добавлю, что в подборке рассказов данного номера печатаются названные им Владимир Васильев и Татьяна Титова, участница обоих наших семинаров Наталья Резанова (Горький), а также выступающие с первыми своими публикациями Лариса Смирнова (Челябинск), Николай Леонов (Винница) и Юрий Блохин (Свердловск). Ряд рукописей из рекомендованных семинаром отобраны нами для дальнейшей работы с авторами. Повесть Алексея Иванова будет опубликована в одном из номеров будущего года. Он и Сергей Лукьяненко станут, мы надеемся, участниками нынешнего семинара в Дубултах...

Разумеется, о многом интересном не упомянуто в этих заметках. О выставке живописи и графики — оба диплома «Аэлиты» увезены в Ленинград, поскольку присуждены Андрею Карапетяну и Яне Ашмаринной. О том, что, тесня собственные мероприятия «Аэлиты»-89, в ее рамках состоялась две конференции КЛФ. На одной из них представители 36 клубов страны обсудили и доработав, утвердили предложенный им проект «Положения о КЛФ — коллективном члене Всесоюзного творческого объединения молодых писателей-фантастов (ВТО МПФ)». Другая конференция была шире по своему замыслу, поскольку так или иначе затрагивала судьбы всех КЛФ страны. Но об этой конференции — в следующем, по-видимому, номере...

рассказы

САДОВАЯ, 7

Владимир ВАСИЛЬЕВ

— Следующая — Садовая, — как-то недовольно объявил водитель, и Саня стал неторопливо пробираться к выходу. Автобус, утробно урча, катил по шершавому асфальту. За окном мелькали дома и деревья.

Он вышел на остановке и свернул за угол.

— Садовая, 11, — шевеля губами, прочел он.

Ему нужна была Садовая, 5. Сообразив, в какую сторону идти, Саня, посвистывая, зашагал по тротуару. Улица была широкая, с двусторонним движением. Впрочем, движения почти не было, да и людей на улице тоже было мало. Саня брел мимо длинного невысокого забора. За забором был, кажется, старый стадион. Потом, без какого-либо намека на щель или проход, сразу начался дом. На дальнем углу виднелась белая табличка: «Садовая, 7», рядом распахнулись зеленые ворота — тут, очевидно, был вход во двор.

Саня лениво скользнул по номеру дома взглядом и почти сразу увидел на асфальте под ногами ключи. Их было три, на блестящем серебряном кольце; ни цепочки, ни брелка не было, хотя обычно все стремятся повесить с ключами что-нибудь эдакое.

Саня остановился. Прохожих вблизи не было. Он подобрал ключи и огляделся. Обычно в таких случаях находку кладут на какое-нибудь видное место.

— Ага! — нашелся Саня. На уровне груди вдоль стены дома тянулся узенький, в ладонь, карниз. Здесь, прямо под табличкой «Садовая, 7», ключи наверняка заметят — если будут искать, конечно.

Саня шагнул к дому, уже поднимая руку с ключами. И тут столкнулся нос к носу с невесть откуда вынырнувшим парнем лет двадцати.

— Гм, — удивился Саня, невольно попятившись. Парень, увидев Саню, притормозил тоже и теперь стоял между ним и стеной дома.

До ворот во двор было метров семь, не меньше. Так быстро пройти от них сюда было невозможно. Он либо выпрыгнул из окна, либо — возник из ничего прямо на месте!

Чудеса продолжались — рядом с парнем появилась девушка. Появилась в движении, словно прошла сквозь стену дома. При виде Сани она недовольно поморщилась и взяла своего компаньона за руку. Тот мельком глянул на нее и опять уставился на Саню.

Саня молчал. Он как-то не привык, чтобы перед глазами неведомо откуда выскакивали люди. Потом сама собой вырвалась фраза:

— Вы что-то ищете?

Незнакомец обрадовался.

— Да! Я, кажется, потерял ключи.

Саня несколько смутился, он не ожидал такого буквального понимания вопроса — ведь они могли искать какое-нибудь учреждение или просто дом по адресу. Но потом сообразил, что ключи у него в правой руке.

— Эти?

— Эти! — еще больше обрадовался незнакомец. —

Вот спасибо!

Он аккуратно взял ключи у Сани с ладони и проворчал:

(172)

— До свидания! Извините за беспокойство...

Пара развернулась и шагнула к стене дома. На втором шаге они исчезли, при этом девушка, обернувшись, помахала Сане рукой. Вновь возникло впечатление, будто они прошли сквозь стену...

Приблизившись к табличке «Садовая, 7», Саня осторожно протянул руку к стене.

Стены не было! Рука свободно прошла сквозь ее видимость, не встретив никакого сопротивления. Саня дернулся назад, с сомнением оглядел руку. Рука как рука, никаких следов пребывания в стене.

Он решился и шагнул вперед. Рефлексы сработали безотказно: локоть поднялся, готовый встретить препятствие, но ничего не встретил. Вместо того чтобы плашмя прикиннуться к стене дома, Саня прошел сквозь нее — она осталась теперь у него за спиной. Он был готов поклониться, что шагнул прямо!

Перед ним была все та же Садовая улица. Саня хмыкнул и обернулся к стене. Опять протянул руку и вновь не встретил преграды. Тогда он слегка наклонился вперед. В момент, когда он уже был готов упереться лбом в шероховатый камень, настала темнота, на короткий неуловимый миг, а потом перед глазами распланулась Садовая улица. Саня машинально остановился. Со стороны зрелище должно было глядеться на редкость забавно — Санина голова торчала прямо из стены!

Значит, за этой псевдостеной тоже Садовая улица... Подмигнув красному «Москвичу», припаркованному на противоположной стороне, Саня подался назад и оглянулся. Все здесь было так же, только «Москвича» не оказалось.

Некоторое время Саня в нерешительности поглядывал по сторонам. Невнятные мысли о параллельных мирах навязчиво крутились в голове... Поскольку он пришел с той стороны, было донельзя интересно поглядеть, что же с этой. И в то же время страшновато — вдруг ход закроется и назад уже не попадешь?

Протянув руку и убедившись, что ход и сейчас на месте, Саня наконец решился. Стараясь ступать твердо и дышать не так часто, он направился вдоль по тротуару. Эта улица была совершенно такая же, как и та, откуда он пришел. Сколько ни искал Саня различий, ничего не обнаружил. Так потихоньку он дошел до угла и вот тут ошарашенно остановился.

За углом должна была быть улица Скороходова. Ничего похожего на нее здесь не наблюдалось: открывшуюся глазу поперечную улицу Саня не знал совершенно. Машинально свернув на нее, он прошел несколько шагов и, задрвав голову, прочитал на указателе: «Садовая, 24».

— Вот те на! — растерялся Саня. — Еще одна Садовая?

Он огляделся и увидел рядом аккуратную надпись мелом: «В Москву туда».

Нарисованная стрелка указывала — куда.

Саня заинтригованно посмотрел в ту сторону — улица пересекалась еще двумя и в конце концов упиралась в дом.

Саня быстро зашагал вперед и вскоре достиг следующего перекрестка. Новая улица тоже была совершенно чужой. И как ни странно, это тоже была Садовая. Более того. То же название носила и улица, параллельная той, на которой было написано «В Москву туда». Саня прошел еще квартал и вышел, как и ожидал, на «свою» Садовую, хорошо знакомую, только еще перед стадионом. Дом № 7 теперь был в нескольких минутах ходьбы.

Подумав, Саня двинулся по своей Садовой в противоположную сторону, удаляясь от хода. Улица ничем не отличалась от той, к которой привик Саня, только все пересекающие ее были совсем неизвестными и назывались одинаково — Садовыми...

Так Саня дошел до конца своей Садовой — до бывшего адмиралтейства, стоящего чуть наискосок. Отсю-

да начиналась еще одна Садовая — и эта что-то напомнила Сане. Пройдя по ней метров сто и читая многочисленные вывески «Сделай сам», Саня узнал эту улицу.

Точно такая же была в Одессе — и называлась она действительно Садовой. Только здесь вместо Дерibasовской она стыковалась с Садовой улицей города Николаева.

Саня начал кое-что понимать. Похоже, этот город состоял только из Садовых улиц, собранных из разных городов и каким-то непостижимым образом скомпонованных в одно целое.

Он остановился. Было отчего почесать голову.

До сих пор Саня не встретил здесь ни единого прохожего, и тут из дома чуть впереди кто-то вышел. Саня окликнул человека и бегом кинулся к нему. Приблизившись, отметил две детали: там, где тот появился, никакой двери не было, а на стене висела табличка «Садовая, 7».

Саня поздоровался с незнакомцем — мужчиной лет пятидесяти. Тот с прищуром оглядел Саню, оценивающе как-то оглядел, а вместо приветствия задал вопрос: — Первый раз здесь?

Саня кивнул. Мужчина вдруг сразу подобрел и улыбнулся — совсем по-детски, лукаво и беззащитно. — Ну, здравствуй! Можешь звать меня дядей Васей. А ты кто?

— Я? Саня, — ответил Саня нерешительно.

— И сколько же тебе лет? И откуда ты, из какого города?

— Четырнадцать. Из Николаева...

— Ясно, — вздохнул дядя Вася. — Ну что, понял уже, где оказался?

— Не совсем, — замотал головой Саня. — Тут все улицы почему-то Садовые!

— Правильно, — кивнул дядя Вася. — Это Город Садовых Улиц. Он есть и в то же время его как бы нет. Не спрашивай, почему, это трудно понять. Это даже и не нужно понимать, надо просто принять и запомнить. В каждом городе — или почти в каждом — есть улица Садовая. Или переулок Садовый. Или Садовый спуск, или Садовый проезд, или еще что-нибудь с этим названием. Так вот, все эти улицы, проезды и спуски как-то связаны между собой. Как — я не знаю. Но связаны. Результат этой связи — вот этот самый Город. В каждом обычном городе есть выход сюда, единственный, запомни хорошенько, это — Садовая, 7. Это вход и выход одновременно. В любом городе, точно под табличкой «Садовая, 7» можешь смело идти — и попадешь в этот Город. И наоборот, на любой улице Города шагай опять же под табличку «Садовая, 7» — и попадешь в настоящий город, которому принадлежит эта улица. Только под табличкой «Садовая, 7» и нигде больше. Запомнил?

Саня кивнул.

— И еще одно. Любому новичку, всем, кто здесь впервые, ты должен рассказывать все это. Как я тебе. Запомнил? Ну, до свидания, — дядя Вася повернулся, чтобы идти.

— Постойте! — окликнул его Саня. — Я не понял одного — что со всем этим делать?

— Как что? Путешествуй! Из города в город. Без затрат времени. Это же здорово — из города в город! — Мужчина остановился, внимательно глядя на Саню. — Мы все здесь бродяги, другие сюда просто не попадают. И тебя это захватит. Целиком. И навечно.

И ушел... Саня потоптался еще немного и тоже двинулся дальше. Свернув на очередную Садовую, он недоуменно отпрянул: на одесской улице сияло солнце в голубом небе, а здесь, за невидимой границей, низко нависли темные свинцовые тучи и всюю лил дождь.

Саня покачал головой. Наверное, в том городе, откуда эта улица, тоже идет дождь...

173

Побродив по Городу с пояса, Саня без всякой задней мысли наткнулся на указатель «Садовая, 7». До сих пор он как-то не задумался всерьез о возможности попасть в любой город, где есть Садовая. Но теперь вспомнил, что седьмой номер — это вход. И выход. Точно под табличкой.

Сунув для храбрости руки в карманы, он, не без внутреннего опасения наткнуться на стену, шагнул под белую табличку.

И оказался на точно такой же улице, только спиной к дому. По улице изредка проезжали машины, проходили люди. Его появления, похоже, никто не заметил.

«Что это за город? — подумал Саня. — Спрашивать неудобно, за сумасшедшего примут...»

Он огляделся, запасиная место, и двинулся в путь.

По натуре Саня и впрямь был натуральным бродягой. На месте ему, как правило, не сиделось, каникулы он проводил вдали от дома, путешествуя иногда с отцом, таким же непоседой, иногда с братом, иной раз — с друзьями. Родители привыкли к частым поездкам сына, и Саня колесил по городам, особенно предпочитая пешие походы по улицам. Горожанин до мозга костей, он искренне считал, что даже в незнакомом городе заблудиться невозможно, и действительно всегда находил дорогу, ведомый каким-то непонятным инстинктом. В свои четырнадцать лет видел он еще не особенно много, но десятка полтора-два городов успел объехать и более-менее освоиться в них. Поэтому теперь, когда он на деле проверил чудесные свойства Города, Саня понял, как несказанно ему повезло. Теперь он сможет бродить по любым городам, в любое время, а не только в каникулы — и для этого совершенно не нужно куда-то ездить. Город развязывал ему руки и давал неслыханную свободу.

Все это Саня осознал в ближайшие два часа, хотя до конца поверить долго не мог. Его первый город, место пробного путешествия, оказался Новой Каховкой. Побродив по незнакомым улицам, Саня получил огромное удовольствие — так уж он был устроен.

А потом он вернулся на Садовую и проник в Город Садовых Улиц. Пора было возвращаться домой, в Николаев.

На следующий день, едва досидев до конца шестого урока, Саня кинулся на Садовую. Вчерашнее казалось либо сном, либо бредом, но ход под указателем «Садовая, 7» послушно пропустил его в Город. И вновь он выбрал незнакомую улицу, и вновь почти весь день бродил, на этот раз по Киеву, и вернулся только под вечер. На третий день он взял с собой брата, и вдвоем они побывали в Волгограде. Там была не улица Садовая, а станция. Почему станция, они не стали разбираться: ход на автобусной остановке под цифрой 7 работал не хуже, чем другие.

На восьмой день Саня встретил пару, из-за которой все началось. Обычно Город был пуст и люди не попадались навстречу, это было что-то вроде пересадочной станции — из города в город. Реальными здесь были только улицы: дороги и тротуары, а дома — одной лишь видимостью, попасть в них было невозможно. Встречи на улицах Города были редкостью, и Саня обрадовался возможности пополнить запас знаний и впечатлений.

Парень с девушкой Саню узнали и заулыбались.

— Значит, пошел-таки за нами? — сказал парень. — Я так и думал. Ну, давай знакомиться. Меня зовут Олег, а это Вика. Мы из Ленинграда.

— А я из Николаева. Саней зовут...

— Тебе уже рассказали обо всем?

— Да, только я не все понял. А вы давно знаете о Городе?

Олег с Викой переглянулись.

— Года четыре, а что?

— У меня уйма вопросов возникла... Например, сколько здесь улиц?

«Аэлиты»-89

— Не знаю,— пожал плечами Олег.— Но Город большой, очень большой.

— А что находится за городом?

— По-моему, ничего. Понимаешь, как все хитро устроено — Город почти круглый по форме. И окружает его московское Садовое кольцо. Выйти за него уже нельзя: все, что за ним,— такая же нереальная штука, как, например, дома. Видеть видишь, а внутрь не попадешь. Как на стену натыкаешься.

Говорили они на ходу, с одной Садовой переходя на другие. Саня поперхнулся на очередном вопросе, увидев над магазином вывеску, написанную латинским шрифтом. Улица, по которой они шли в этот момент, называлась «Ogródowa».

Видя недоумение спутника, Олег объяснил:

— Не то чехи, не то поляки. У них ведь тоже есть Садовые. И не только у них! В той стороне,— он махнул рукой на одну из поперечных улиц,— я на Гайдн-стрит наткнулся.

— Занятно тут у вас...— вздохнул Саня.

Потом ленинградцы ушли, а Саня поспешил домой: день уже клонился к вечеру.

Постепенно он привык к Городу, хотя предутренняя темень на улицах дальневосточных городов и одновременный закат на европейских еще долго рождали в нем какой-то смутный восторг. И еще он часто вспоминал слова пожилого одессита — первого человека, встреченного им в Городе: «Это захватит тебя целиком. Навечно».

Это и правда захватило Саню целиком. Но не навечно.

В один из дней, освободившись, Саня, как всегда, поспешил на Садовую. Людей сегодня было почему-то больше обычного, и он с неудовольствием подумал, что придется выжидать у входа, пока никого не окажется вблизи и в Город можно будет проникнуть незаметно.

Еще издали он увидел, что прямо у входа в Город двое мужчин в спецовках возятся на приставной лестнице, что-то делая с вывеской.

Саня подошел ближе.

Они прилаживали к номеру дома табличку со словами «ул. Агве Котоко».

Саня остолбенел.

— Что это? — недоуменно спросил он.— Какой еще Котоко? Это же Садовая!

Один из рабочих ухмыльнулся:

— Была Садовая! Переименовали, значит! Теперь этого самого Котоко улица.

— Зачем переименовали? — разозлился Саня.— Кто он, этот Котоко? Нельзя же так! Это Садовая! Рабочий назидательно поднял палец:

— Раз переименовали — значит, надо! Ишь ты — зачем! А зачем Набережные Челны переименовывали? Положено, значит!

Рабочие спустились и, взвалив лестницу на плечи, двинулись к следующему дому.

Саня тупо смотрел на новенькую табличку. Улица Агве Котоко, 7...

«Все,— горько подумал он.— Конец всему. Станет в Городе на улицу меньше...»

Он повернулся, чтобы уйти.

«А может, не станет? Может, не в названии дело, а в улице?»

Пытаясь убедить себя, что это по-прежнему Садовая, он торопливо шагнул под табличку.

Его встретил холодный камень стены...

(174)

БАГРОВЫЕ ПЯТНА

Лариса СМЕРНОВА

— Ивин, почему ты уходишь из института? Ты молод и уже известен, а ваш институт — солидная фирма. Что случилось?

— Ничего особенного. Просто повздорил с шефом. Расхождения во взглядах на изучаемый предмет.

— Чем же ты намерен заняться дальше? Если, конечно, не секрет?

— Тем, чего не захотел понять мой шеф.

— Ну, и в каком учреждении?

— Ни в каком.

— Что же, дома?.. Один? Не смешно ли?

— Не смешно. У меня есть единомышленник — Владимир Крошечкин.

— Понятно. Выходит, ты — против коллективизма в науке.

— Нисколько. Но не надо забывать, что всякий коллектив несет в своей природе как совместные, так и междоусобные действия. Это своеобразное «бруновское» движение внутри коллектива может стать и единственным видом движения в нем.

— Ну, и все-таки: какие же это идеи тебя замутили, коль ты бросаешь Институт Синтеза Материалов Электроники? Может, объяснишь?

— Попытаюсь. Электроника развивается по пути уменьшения размеров элементной базы. При этом ее элементы должны обладать высокой информативной емкостью, регистрировать большую по объему информацию на малом объеме вещества. Мы, материаловеды, как раз и пытаемся создавать такие материалы. Вероятно, ты знаешь, что сначала в электронике элементной базой была электронная лампа. Потом — неорганический кристалл, затем — кристаллический твердый раствор, далее пошли органические кристаллы. Как видно, сама смена материалов подсказывает: если хочешь получить высокую удельную информационную емкость, — усложни структуру вещества. По-моему, ясно, куда я клоню.

— Ясно,— приятель иронично поглядел на Ивина,— но не очень. Ну, пока.

— Пока. А я думал, ты всерьез интересуешься моей судьбой,— и Ивин не менее иронично поглядел вслед приятелю.

Багровые пятна ярко цвели на белом песке. Крови было много. Труп зиял ранами, и зрелище было мерзким, потому что с головы вместе с длинными светлыми волосами свешивался кровавый мешочек скальпа. На открытых вытаращенных глазах мертвой застыли потоки крови, отчего глаза казались муляжными. Рядом, на огромном валуне, трепыхался на ветру белый в горошек платочек. День угасал. Речонка торопилась, бежала, подпрыгивала и булькала звонким голосом. Дальше, дальше мимо этого места, в тайгу.

Ночью над речонкой и над лугом взошла луна. Она была зеленоватой, и от этого высокие сочные тра-

вы на другом берегу казались голубыми. Платочек белел. И только валун был серым. Совсем серым и тупым.

Труп лежал все так же на спине, и, если б взглянуть ему в лицо, покойница во все глаза уставилась бы вам в зрачки. И кто-то в самом деле ночью подходил и взглядывал в ее муляжные глаза, а потом, много позже, стремглав мчался по тайге, и корявые ветки драли на нем одежду, хлестали по лицу и хватили за ворот. Впотьмах никто не видел его глаз, и это было кстати. Кстати и то, что косоворотка на нем была шелковая, праздничная. Красная она.

Утром вокруг погибшей собирался народ: с хуторка, что на том берегу, и из ближней деревеньки, охотничьей. И пристав приехал. Он потребовал к себе тех, кто что-нибудь знал про случившееся. И оказалось, что все, кто тут мог поблизости находиться, видели всю сцену убийства от начала до конца.

Первой давала показания хозяйка хуторка.

— Да медведь ее задрал, барин... Я сама все видала! Дом ихний — рядом с нашим. Никовы им фамилия. Оно и не впервой у нас такое: бывало, лето убогое выдастся, вот медведь и лютует. Три лета назад, эвон, Прова как убил!.. Эдак же, досмерти. И дочиста всего издрал.

— Ты, свидетельница, не отвлекайся, а говори мне, что видала.

— Ну, значит, так: слышу, орет бабий голос. От Никовых вроде. Я — на крыльцо. Гляжу, бегают вокруг их дома Виринея. А за нею медведь... Огромный! Я обомлела и дыхнуть не могу. Ну, это, Виринея забежала в избу, а медведь за нею. Тем же ходом. Гляжу, Виринея вылезает в окно, торопко эдак. И опять же медведь за нею. Обезумела тут баба и ну бежать к речке. А речонка у нас мелконька! Перебежала она ее, тут он и настиг молодку, да сзади лапой-то хват! Так все и сгреб с головы! Да-а, барин, медведь как начнет озоровать, тогда уж индо косточки трещат, вон как коровушек наших наладится трепать — так и клочки в стороны...

— Ты все сказала? Больше ничего не видала?

— Истинный крест, барин, все. А чего же еще? Померла она тут, и все.

— Что же ты к ней не подошла?

— Да я, барин, пужливая, всего боюсь. А мужиков на хуторе не было, одни бабы да ребятишки.

— Куда же медведь делся?

— Куды ж ему деться? В лес ушел.

Костлявый мужик сказал следующее:

— Точно так все, барин, было, как Пелагея сказывала. Все правда. Начала не видал, врать не стану, а конец — все так, барин. Я и ружжо сдернуть не успел, да и что мое ружжо? Все одно — дробью было заряжено. А на медведя пулю надо отливать. Да, скрутил он несчастную бабу, жалко... Красивая была баба. Высокая... Гожая, одним словом.

— Что ж ты к покойной не подошел?

— Я, барин, подходил, да мертвая она уже была. А что трогать ее не стал, так знал — заругаете. Нельзя до вас трогать-то.

Пристав заважничал и ус закрутил:

— Хм! Известно, нельзя. Потому — наша наука тонкая.

Расследование на том и закончилось. Мужики и бабы загудели, кто-то запричитал. Пристав что-то писал, слюнявая карандаш, потом уехал. Все разошлись. Труп унесли. Только речонка и осталась да багровые пятна на ее чистом песке.

Этот майский вечер выдался на редкость ласковым. Темень пахла лопнувшими тополевыми почками, а промытый дождем асфальт светился бликами неона.

Вовчик Быконя шел после парной разомлевший и исхлестанный венником. Вовчик не просто шел, он ду-

(175) мал. Впервые в жизни думал, а все, что делаешь впервые, — тяжело.

Восемнадцать лет его прошли без тревог, без ерунды. Все было понятно: Вовчик был первым пациентом во дворе, потом — первым борцом в секции. Ведь в сущности, он — олимпийская надежда, а вот случилась же с ним такая гадость, да еще как закошмаривает! Как будто он из этих хлюпиков, которые встречается один на десять дворов. Уроды, зачем только на свет родятся! Правда, все они поступают в клевые институты и здорово «шарят» во всяких там формулах, но для Вовчика-то не секрет: ценность всех формул на свете сомнительна. Вон и Леха-штурман говорил, что самолеты строят не по формулам, а выеззут, бывало, Туполева на летное поле, он посмотрит и сразу скажет: какая машина полетит, а какая — нет. Да, тут талант надо иметь. Вот как у него, Вовчика, в спорте. Уж он знает без расчета: пройдет в схватке «мельница» или нет. За долю секунды до броска знает, он в дзюдо — гений! Он и в юкке-то ни разу не был.

Вовчик поднял тяжелое одутловатое лицо к чебу, втянул толстым квадратным носом воздух. В темноте никто не видел его глаз. Впрочем, и днем они были неприметны. Примечался лишь вечно открытый слюнявый рот. А сейчас было кстати, что никто не смотрел ему в глаза: там была тоска, парню было плохо. Ему давно уже было плохо. До такой степени, что даже ребята стали замечать.

В последнее время Быконю терзали странные ощущения. Какие-то непонятные видения. Временами он вроде бы слышал какой-то текст, совсем чужой, он и слов-то таких не знает, которые там звучат. Он это хорошо понимал, и от этого делалось страшно.

Рассказать про это парням? Засмеют... А этого он боялся больше всего на свете.

— Хаджимэ! — и бой начался.

Тренерская команда хлестнула, как кнут. Вовчик сделал захват. Глаза противника глядят исподлобья сурово, подбородок прижат к груди. Соперники закружили по татами. Коротенькие кривые ноги Вовчика ступают мягко, цепко. Не по росту уродливо широкие и мясистые плечи угрожающе зашевелились под грязно-белым кимоно. Да, у Вовчика такие плечи и руки, о которых мечтает каждый, любой на свете. Так думал Вовчик и в этом был уверен.

Противник уперся в его плечи, далеко отставив ноги. Подсечь нельзя. Быконя самодовольно расслаблял губы, вздернул брови и сильно, со скручиванием рванул на себя. В рывке он прогнулся назад, спина сработала, как пружина, и противник, описав в воздухе эластичную дугу, упал на ковер.

В этот самый момент Быконя почувствовал, как слабеют мышцы и начинают тревожно дрожать, а спортивный зал и белые фигуры — быстро таять. Противная муть заволакивает глаза, и странная сосущая жуть разрастается в груди. Только он не знал, что это чувство называется тоской. А она была такой сильной, что в груди вот-вот должно что-то соскочить со своего места и потоком хлынуть из глаз, и тогда уж все равно: увидят это грязно-белые кимоно или нет. А главное — ощущение живости развертывающегося наваждения, его правдоподобности, хотя Быконя знал, что ничего этого нет и не было никогда. И что он, Вовчик, не способен ни к какой тоске.

— Что с тобой? Ты пьян, что ли?! А ну, дохни! — это был голос тренера. — Всем работать! Нечего здесь смотреть! Я вижу одни броски, и ничего больше! Понятно?.. Распустились!

Тренер ушел к себе на скамейку.

— Быконя, подойди ко мне. Ты не пьян, ты комедию тут ломаешь. А ну, повернись спиной!

Он снял кед и дважды крепенько шлепнул им Быконю по мягкому месту. Эта процедура называлась у

них поркой. Дзюдо — суровая школа: никаких поблажек и безволия. Пришел в зал — есть только дзюдо, и ничего больше!

После тренировки расходились быстро. Переговаривались.

— Сегодня фильм по телику четкий, — бросил кто-то.

Быконя было не до кино. Он теперь жил в страхе ожидания. Его мучил вопрос: почему странное состояние начинается именно на дзюдо? Может, это аллергия? Он где-то читал. От ковра, например. Ему бы к врачу, но как стыдно! Сказать тренеру? А вдруг выгонит... Что же делать? Что делать?!

На следующей тренировке Вовчик был на высоте.

— Вот это парень! Это другое дело, а то раскис, размяк... Так! На сегодня тренировка закончена! Разойдемся пораньше: у меня сегодня занятия в университете марксизма-ленинизма. Все свободны. Ну, смотри, Быконя, не подведи меня. Ты должен выиграть — можешь ведь. Ну, давай... — тренер похлопал Быконю по плечу и улыбнулся синими умными глазами.

Может, сказать? Вот прямо сейчас... Нет, перед ним особенно стыдно. И Быконя промолчал.

Медицинский осмотр перед соревнованиями — дело обычное. Заходить к врачу подошла очередь Быкони. Вовчик волновался. Впервые в жизни: вдруг обнаружат какую-нибудь болезнь?

— Ну, богатырь! Как себя чувствуешь?

Пациент молчал и сопел, и врач заключил:

— Ну, и правильно. В твои годы именно так и надо себя чувствовать.

И тут неожиданно для себя Быконя быстро буркнул:

— Дурак я.

— Что-что?

— Ну, псих, повернутый. С приветом, значит.

— У тебя, юноша, острый юмор. Ну, давай проверим рефлексы.

— Да не-е... Я серьезно, — отстранился Быконя.

И вдруг быстро и страстно, путано и косноязычно изложил старому человеку свою беду. Рассказал про рыжие видения, от которых несет несусветной жутью, от чего ему, борцу дзюдо, стыдно так, что зубы ломит. А самое главное, не дай бог, ребята об этом узнают! Ведь для него, Вовчика, непризнание сверстников равносильно смерти. И Вовчик закончил свой рассказ совсем не так, как подобало бы борцу. Он бросился на пол со словами:

— Гадом буду, доктор! Но вылечите меня от этого!

— Да-а-а... — протянул старик, — прямо Гамлет. Интересный случай!.. Придется тебя от соревнований отстранить.

— Нет!! Нет... Это не надо!

— Ну, хорошо, — помедлил врач. — Хорошо. Но уговор: после соревнований — сразу ко мне.

Виринею уже давно похоронили. И багровые пятна возле прозрачной речонки давно отцвели. Но высокий костлявый мужик из охотничьей деревеньки, когда приходит на хутор, нет-нет да и скажет, отпивая со всхлипом горячий чай:

— А все же не то тут чай-то было... С Виринеей-то. Не то!

— Да чо не то-то? — возражает обычно хозяин хуторка, маленький никудышный мужичонка. — Вон и Прова три лета назад этак же... Все то.

— А все ж не то, — не унимается костлявый.

— Ну, чаво, Сильвестр, не то? — вставляет жена хозяина. — Я ить сама видала!

— Цыть, баба, не встройвай! Не бабье это дело промеж мужиками встройвай да еще про убийство раз-

(176) бирать. Не бабье!.. — тонким голосом вскрикивал на этом месте никудышный мужичонка.

Сильвестр затем степенно отодвигал от себя недопитую чашку и, вставая с лавки, оглаживая клочковатую бороду, заключал:

— Не то. Нет, не то! Медведь какой-то не такой был. Сам ведь я видал, как додирал он ее. Вот что не то, не пойму, а не то.

— Чаво же ты пристаю об этом не сказал? — не унималась баба.

— А я тогда не понимал, что не то. Таперь понимать стал.

— А ну ты, жердень. Завсегда ты сумлеваешься, небось и в детях своих — тоже: твои ли.

— Ты, Демид, не охальничай. Да еще при бабе. Веры нашей не срами, — и с этими или какими другими словами Сильвестр полезал на печь. Гасили лампу, и скоро в теплой просторной комнате, где пахло сосновым деревом и кислым тестом, раздавалось мирное похрапывание.

А за окном выл ветер, да еще снег в стекло плескался пригоршнями.

Уже долго понурый Быконя ходил по разным врачам. В основном это были психиатры. Некоторые признавали у него маниакальное состояние, другие — нет. Но однажды был созван уважаемый консилиум и он заключил, что Вовчик — обыкновенный симулянт, что нервные реакции у него нормальные, сон нормальный, аппетит и сила — как у молодого зверя. И интеллект, хоть и низковатый, но вполне нормальный. И никаких объективных показаний к болезни! Да, в сущности, так оно и было. Если б... не видения.

Вовчик вышел от медиков обрадованный. Ведь давно у него странного состояния не было и ему подумалось: может, и вовсе не было ничего с ним такого?

В этот же самый момент пожилой психиатр шел со своими коллегами по хорошо промытому коридору клинки и говорил так:

— Тоже мне!.. Привели. Нашли «мучающуюся» душу. Какие видения?! Это же гладиатор, такие в Древней Спарте младенцев со скалы сбрасывали. А мне говорят: видения...

Целый месяц после того Вовчик был веселым настоящим парнем.

Но однажды все повторилось снова. Мутные режжи потоки застилали ему глаза, крючковатые пьяные пальцы хватили за ворот и какое-то хвойное дерево бешено размахивало ветвями...

И все это было столь живо, что Быконя физически ощущал малейшие детали, как будто это происходило на самом деле. В голове пронеслись слова, каких он сам никогда не говорил и не слышал...

Так прошел еще один месяц, за ним другой. Видения являлись регулярно. Но теперь и врачам Быконя не мог ничего рассказать: для них он же симулянт. И парень жил один на один со своей бедой. Впрочем, с самой тяжелой бедой человек всегда бывает один на один.

А между тем тайна Быкони перестала быть тайной. Мало-помалу о ней узнали все его знакомые девчонки и парни и, узнав, они окружили Быконю плотной стеной молчания. Не потому, что сговорились, а из-за одинаковости реакции на все необычное.

Быконя заметил, что многие теперь брезгуют им, презирают его, и от всего страдал. Не сама беда заставила его страдать, а люди. Его посетило чувство огромное, сильное, какого он ранее не знал. Сила незнакомого чувства была такой, что с ней не могло сравниться ни одно из его прежних ликующих ощущений. Парень еще не подозревал, что в нем проснулся человеческий дух во всем его величии, и этот дух страдал. Но, удивительная вещь, чем больше охру-

жающие заставляли Быконю мучиться, тем меньше становилась его боль. Терзаясь изгнанием из своего общества, он впервые начал думать. Непрерывно, нескончаемо. Стал много читать, а читая, сопоставлять вычитанное с жизненным, и осуждение парней, их тупое пренебрежение, насмешки, наконец их мнение становились Быконе безразличными, лишеными какого-либо смысла. А еще позже он понял, что мнения, как такового, у этих людей и вовсе нет, что все это у них чужое, заимствованное и ставшее привычкой.

Быконя стал лучше говорить, его речь сделалась плавной, а фраза — стройной. Он теперь меньше ругался. И наконец пришел день, когда Быконя вдруг удивился: до чего же тупы, примитивны и нелепы именно те парни, мнением которых он дорожил больше всего на свете. И, наоборот, те, кого он раньше откровенно презирал, попросту не видел, теперь выдвинулись для него на первый план.

Все переменилось в Быконе. Изменилось и его лицо: уже не одутловатость и не толстый нос обращали на себя внимание, а глаза. И сам Быконя, как бы впервые, увидел свои глаза: они оказались маленькими, неопределенного цвета, некрасивыми, но взгляд их был острым, думающим. На этот взгляд можно было натолкнуться, удариться о него, но он не был ни колющим, ни злым.

Осмысливая все эти превращения, Быконя сделал для себя открытие: «Неужели страдания сделали меня человеком? Неужели только такой ценой и можно стать человеком? Но разве не эту именно плату заплатили первобытные, чтобы стать разумными!» Одновременно с этим Быконя понял и другое: для чего известный в большом спорте Большаков, дзюдоистский гроссмейстер, их тренер, пожертвовал славой ради них, трудных мальчишек.

Однажды они всей командой ехали с соревнований, и их автобус остановился возле какого-то здания, дремавшего за скучным бетонным забором. На заборе блестела вывеска с таким же нудным названием: «НИПРИСНИ». Парни заулюлюкали, загалдели: они никогда этого не видели — значит, это не имеет права на существование, значит, это надо высмеять. И тут вмешался тренер:

— А ну, кончай базар! Что ж, исследовательских институтов не видели?.. Думать надо, хотя бы иногда!

А Быконя тем временем глядел на здание и чувствовал, как неведомая сила тянет его туда. Он подошел к двери автобуса:

— Ну-ка, уйди с дороги, — попросил он кого-то из своих и прыгнул на землю.

Вдогонку понеслось:

— Эй ты, повернутый, куда прешь?! Это же институт, не с твоим умом!..

Тренер многообещающе посмотрел на орущих, и те осеклись.

Быконя добежал до входа. В вестибюле дорогу ему преградил вахтер. Быконя отодвинул его и безошибочно подошел к нужной двери. А когда открыл ее, то ступевался и замер на пороге. В комнате он увидел только одного человека, а за его спиной — черные шкафы с рядами маленьких красных огоньков. Душу Быкони вновь терзал все тот же кошмар, и все ярче проступала несуществующая действительность. Наконец человек заметил у себя постороннего и оторвался от дел. Он ждал, что скажет Быконя, но с парня вдруг спало наваждение, и он молча ушел.

Скоро в жизни Быкони снова появился психиатр, тот самый, который определил в нем симулянта. В эту пору Быконя сидел в следственном изоляторе из-за случая с вахтером.

— Ну, здравствуй, гладиатор! Как же это ты так? Так толкнул, что старикан руку сломал! А знаешь, я, пожалуй, тебя заберу отсюда. Подумал я, подумал на досуге и решил, что личность твоего склада притворяться психически нездоровой не может, ибо отрица-

тельное мнение окружающих для таких, как ты — разрез. А? Правильно я тебя вычислил?

— Простите, не знаю вашего имени-отчества, я не притворялся, и теперь я могу представить тому некоторые доказательства. Правда, косвенные, но зато существенные.

Услышав такую речь от тупого парня, врач опешил:

— Слушай, загадочный юноша, куда подевалось твое косноязычие? Может, ты и его нам разыгрывал?

— Ничего и чикогда я перед вами не разыгрывал. Я действительно был туп! Я перестал быть таким благодаря своей загадочной болезни. Точнее... Впрочем, это всего лишь мое предположение.

— Ладно. Ну, а каким же образом ты можешь доказать мне, что тебя действительно посещают видения?

— Я попросил бы вас пойти со мной в одно укромное место. Это недалеко отсюда.

Случай с трагической гибелью Виринеи уже бы забылся, если б не волостная газетенка. Приехал вдруг какой-то человек, вынохал все, выпросил и ускакал назад в город. А потом появилась статейка под названием: «Мистическая речушка». В статейке, безбожно перевранная, была рассказана история Виринеи.

Охальник Прокл привез газету из города и, хоть читать не умел, довольный, сказал:

— Вот, про нас пропечатали.

А строгая Синклитикия, оправив свой извечно черный платок, сурово изрекла:

— Не тревожь убиенную! — и, вырвав газетенку, тут же изодрала ее в клочки. — Не было у нас в глухомани таких прохиндеев, как ты, Прокл!

И пошла, вся черная и прямая, как божий посох.

Когда Быконя закончил свой рассказ и показал доказательство, которое обещал, психиатр оторопело стянул с себя очки, протер их, снова надел и воззрился на парня:

— Да-а... час от часу не легче. Но ведь я поверил бы, если б все это мне рассказывал прежний тупой парень, а теперь... С твоей фантазией ты ведь мог все это и выдумать, а?

Быконя очень долго массировал глаза, потом тихо сказал:

— Вы не правы. Вы совсем не правы. Настоящий интеллект не связан с ложью, как и вообще — с любой нистью.

— Да-да... — не вникая в смысл сказанного, бормотал врач. Потом, вытаращив глаза, заключил более осмысленно: — Да-да!

Продолжались тренировки, бои. А время от времени Быконя приходил в институт и пытался постичь, что же его туда тянет. И всякий раз видел там одного и того же человека, а тот — его. Они ни о чем не разговаривали. Во-первых, потому что Быконе нечего было сказать незнакомцу, а во-вторых, по причине своих наваждений парень и не мог говорить.

Однажды он решил прийти в институт, когда внутренней тяги к тому не было. В очередной раз он упрямился вахтера пустить его, подошел к хорошо знакомой двери и увидел комнату пустой. Того человека не было. Может быть, он ушел? Может быть...

— ...Сора мадэ! — и все стали меняться партнерами.

Быконя выбрал коренастого чернявого парня с мощными ногами. Делали подсечки, «бедро», «спину», и вот, когда уже пот заливал глаза, спортивный зал начал расплываться. Сквозь грязно-белые кимоно начали проступать огненные цвета заката. И, наконец, наступил для Быкони момент, когда одна действительность заменилась другой. Не стало зала. Багровый закат горел на фоне какого-то мрачного неба — или Быконе оно казалось мрачным. Но только при виде этого неба ему всегда делалось жутко, чувство опасности и

злости душили его. И маячило рядом хвойное дерево, крупное, сочное. И размахивало бешено ветвями... Как будто гигантская Раффлезия Арнольди хотела его съест.

Быконя сделал огромное усилие воли, чтобы продолжать борьбу, и упал. Упал в борьбе, от броска — так выглядело со стороны, так думали другие, — ведь все глядели на то, как падал непобедимый Вовчик. Парни больше не уважали его, потому что не боялись. И его падение вызвало у них уничтожающие улыбки...

Быконя стоял на пороге комнаты.

— Ну, входите. Что же вы, постоите-постоите и уходите? Раз так сильно интересуетесь — заходите.

Человек говорил и расставлял точки на светящемся диске тонким длинным стержнем. Быконя с усилием подошел и отвел руку с «карандашом» от диска. И тотчас с него спало наваждение. Да, его догадка подтвердилась... Горящими глазами он поглядел на молодого ученого и положил его руку на диск:

— Делайте свое дело, а я потом вам кое-что расскажу. Делайте.

Ученый повиновался.

Чужие руки рисовали какие-то неодушевленные ничтожные точки, а его, Быконя, ум мучился в тисках бреда. Разгорался проклятый закат. Он пылал теперь так ярко, как никогда. Багровые пятна цвели на небе, подпертом зубцами черной тайги. Они горели резко, болезненно, как щеки туберкулезника. И зловеще. На что, на что похожи эти пятна? Они на что-то похожи! Быконя опускает взгляд с неба на землю и видит песок и багровые пятна на нем. Обильные, страшные. И тут он понимает, что это за пятна. Но тотчас рыжие струи заливают ему глаза...

— Я не могу! Больше не могу... а-а-а! — захрипел Быконя, и все оборвалось разом, как сорванный со стены страшный плакат.

— Что с тобой? Скажи мне, что с тобой? — ученый тряс Быконю за плечи. — Ты не эпилептик?

— Нет, — с трудом выговорил Быконя.

...Позже они сидели за столом, и Быконя рассказывал. Он говорил долго, пристрастно, и в конце своего рассказа устал.

— Ну и ну, — удивился ученый. — Послушайте, молодой человек, а не попробовать ли нам еще? Вы сможете выдержать еще один сеанс?

— Да я и сам хотел просить об этом, потому что я не увидел того, что заметил в прошлый раз и что уже показал своему врачу. А я должен это увидеть. Я хочу размотать эту «пленку» до конца. Я понял: все эти картинки одного сюжета. Давайте! Не жалейте меня... Хаджимэ!

И все повторилось снова. Закат. Багровые пятна на небе и на песке. И вот он!.. Вот камень! Валун у речонки! И белый платочек на нем. В горошек. Как живой, хоть рукой дотронься. А валун тот самый, который у ручья лежит, и ручей этот течет через их город. Быконя трогает камень и платок. Он теребит платок, но тот почему-то не шевелится. Как призрачный. Да он и есть призрачный. Ведь нет его, платка-то... И, может быть, никогда не было. А есть двадцатый век, тяжелый промышленный дым над огромным городом. И — дзюдо, превращенное в спорт.

Ученый в это время смотрит на шевелящиеся, живущие своей отдельной жизнью руки Быконя, на его остекленевшие, отсутствующие глаза, и ему жутко.

А Быконя всматривается в багровые пятна на песке и ищет их причину. Он там ищет владелицу платка. Но вместо этого видит какие-то бледно-розовые жгуты, размотанные по песку. Он еще не понимает, что это такое. Но вот встречается взглядом с разверстыми муляжными глазами, и его подхватывает бурный вихрь. Рыжие потоки уже текут по его глазам. Так же, как по этим, мертвым...

(178)

Быконя не выдержал и закричал.
— Vse! — резко сказал ученый. — На сегодня хватит.

Удивительно, но никто из них за весь вечер не вспомнил про диск, который производил такое действие. Никто не стал копаться и доискиваться причин этого явления — таково было эмоциональное напряжение этого вечера. Прощались молча. Уже в спину Быконя спохватившийся ученый сказал:

— Я вас прошу пока про меня не рассказывать. Мое открытие еще никому не известно. К тому же у меня есть соавтор — Владимир Павлович Крошечкин. И давайте познакомимся: я — Евгений Иванович Изин.

Они сидели на берегу той самой прозрачной, как грусть, речонки. Быконя и врач. Только речонки не было. А было ее русло, и сочился по этому руслу убогий зловонный ручей. И само слово «ручей» сюда не подходило. Потому что «ручей» звучит чисто, легко, счастливо. А это русло было горестным, безобразным, как всякое страдание.

— Похоже, обстановка та же, что и в твоих рассказках. И валун этот. Но знаешь что? Если здесь действительно когда-то кого-то убили, то это могло быть зафиксировано в прессе. Давай-ка сходим в музей города и покопаемся там. Если найдем хоть что-то похожее, я тебе поверю. Идет?

Быконя молча грыз травинку. Он был согласен.

Изин не утерпел. Он тоже пришел в музей. К моменту его прихода уже была перерыта куча разных подшивок. Наконец служительница музея сказала:

— А может быть, вот эта газета вас заинтересует, товарищи? Правда, это мелкая пустяковая газетенка, в ней всегда печатались всякие курьезы и небывицы. Так что особенно ей не верьте.

И как только они стали смотреть эту подшивку, Быконя сразу же нашел в разделе «Происшествия» заметку под заголовком «Мистическая речушка». Статья была написана выспренным слогом. Рассчитанная на сенсацию, она сразу же ставила под сомнение участие медведя в трагических событиях и заканчивалась вопросом: «Кто убил Виринею?»

— Так ее Виринеей звали... И платочек в горошек... Красивая была, наверно.

— Ты смотри, не влюбись. А то был слишком тупым, а стал чересчур чувствительным.

— Напрасно вы, очень даже напрасно так на парня, — сказал подошедший Изин.

— А вы, собственно, кто такой? Почему вы вместе с нами смотрите эту газету?

— Я тоже интересуюсь историей города. А что? Возбраняется?

— Да нет. Впрочем, простите. Я сегодня совсем выбит из колеи. Подумать только: все чистая правда! По-разительное!

— Ладно, давайте знакомиться. Не хотел я, но ведь все равно придется. Я — доктор Изин, электроник-материаловед.

— А почему знакомиться «при-дет-ся»? Вы — доктор. И я — доктор, ну и что?..

Валун был в самом деле большим. На нем свободно уместились все трое. Быконя грыз травинку и молча слушал. Психиатр, видимо, от волнения, все протирал свои очки, а Изин рассказывал.

— В ранней молодости я и мой коллега Крошечкин поставили перед собой цель, в которую никто из других наших коллег не верил. Тогда мы оставили официальную науку и устроились в разные мелкие институты, лишь бы там было подходящее для нашей цели оборудование. В рабочее время мы теперь занимаемся вещами, далекими от основных наших интересов. Но после официального рабочего дня у нас с Крошеч-

«Азиза»-89

киным начинается главное. Мы хотели найти материал, удельная информационная емкость которого была бы на несколько порядков выше, чем у известных элементов. Мы пошли по пути органических веществ... и недавно нашли то, что хотели. Это биологический кристалл. Его элементарная ячейка очень сложна, и именно поэтому он может нести большое число бит. Он может консервировать информацию и хранить ее, а в активном состоянии передает ее и преобразует. Размеры кристалла малы. Это длинные нити, скрученные в спирали протяженностью в несколько тысяч ангстрем, и существовать они могут только в биорасторе. Синтезировал кристалл Крошечкин. Используя такой кристалл в электронной схеме, мы воздействуем на него через биорастор электропотенциалами. Кристалл при этом то перестраивается, то меняет пространственную ориентацию. Мы выяснили, что это — непревзойденный носитель, преобразователь и излучатель информации. В последнее время мы опробовали его и как систему приемник-излучатель: нить его делилась надвое, после чего одна половина использовалась как излучатель, другая — как приемник. Каждый из приборов представляет собой микрокаплю. Готовим мы ее под микроскопом, она так мала, что ее можно укрепить на волосе, причем видно ее не будет. Вот она, эта штука...

Ивин показал фотографию устройства.

— Как я уже сказал, передавая информацию, мы раздражаем кристалл микроимпульсами. Излученная информация принимается другой половиной кристалла. Но оказалось, что кроме рабочих импульсов, которые передаю я, кристалл под воздействием раздражающего сигнала самопроизвольно посылает еще какие-то импульсы с очень сложным периодом. Можно предположить, что в кристалле активизируется его собственная информация, она излучается в пространство и принимается другим кристаллом. Расшифровать эту информацию нам пока не удалось.

— Насколько я вас понял, — сказал психиатр, — у вас была спираль-передатчик, вы передавали из института по вечерам, а Крошечкин где-то принимал вашу передачу. Так?

— Именно так.

— Где находился Крошечкин? — быстро спросил Быконя.

— А где расположен ваш зал дзюдо? — понял его мысль Ивин.

Быконя назвал адрес.

— Это как раз рядом с домом Владимира Павловича! Крошечкин принимал дома.

— Вот теперь я понимаю, почему в институте мои картинки стали намного ярче.

— Хм, очень любопытно, что же он такое передает, этот ваш кристалл? Вы сказали, он биологический, но тогда ведь это может оказаться по медицинской части. Вы не возражали бы, если б я пригласил одного своего знакомого, он — молекулярный биолог?

— Я как раз хотел просить вас об этом, — согласно ответил Ивин.

Быконя возбужденно, чисто по-юношески заерзал на валуне. Разворачивались бурные события.

Их было уже пятеро. К троице присоединились еще Крошечкин и молекулярный биолог Евл. Говорил Крошечкин. Он заканчивал свой рассказ, обращенный в основном к Евлу:

— В общем, дорогие товарищи, если на таких кристаллах собрать ЭВМ, то она будет мыслить точно так же, как человек. Она будет чувствовать, переживать и сопереживать, словом, это и будет тот самый искусственный разум, который люди так долго и тщетно пытались собрать из разного радиотехнического хлама: всех этих ламп, транзисторов, интегралок — то есть из неживых объектов. Наш искусственный разум будет

(179) обладать всеми видами общения. Заметьте: всеми, а не только формально логическим, каким располагает современная ЭВМ. Новый разум, как и мозг человека, сможет мыслить ассоциативно и противоречиво, что как раз и отличает нас и от животных, и от всяких подделок. Кстати, по предварительным подсчетам размеры этого разума без источника питания — меньше человеческого мозга.

— А человека с большой головой как будто считают за более умного? — недоуменно сказал Быконя.

Молекулярный биолог Евл с начала до конца слушал с глубочайшим вниманием, хотя вид у него был такой, будто он вовсе ничего не слышит. Но когда последний из участников этой истории рассказал ему свою часть, он тихим рокошущим басом и очень спокойно сказал:

— Теперь позвольте мне взглянуть на ваш кристалл. — Вот, пожалуйста, электронномикроскопические снимки. Этот — с увеличением в двести двадцать пять тысяч раз.

Биолог молчал долго. Очень долго. Он был высоким грузным человеком, неизмеримо спокойным, медлительным. Такую длинную паузу огненный Крошечкин пережить никак не мог:

— Ну, что вы так многозначительно молчите! Ведь не явление же Христа вы сейчас объявите, я прямо не знаю!

Евл, не обращая на эти слова никакого внимания, вынул откуда-то изнутри себя огромный платок, протер им лоб и виски.

— Это, — Евл кнул пухлым пальцем в снимок, — часть ДНК. Ради боги, скажите, как вы вели синтез, ведь вы нас обскакали.

— ДНК?! — Ивин озадаченно посмотрел на Евла. — Но этого не может быть, я знаком с ДНК.

— Ах, не может быть!.. Тогда зовите себе другого биолога! — неожиданно вспыхнул Евл, и вслед за этим начался жаркий спор между ним и Крошечкиным, превратившийся скоро в длинную беседу, которая втянула всех, кроме Быконя. Оставшись в полном одиночестве, он совсем не слушал ожесточенной полемики — настолько поразил его вывод биолога. Быконя ходил по лаборатории и время от времени отрешенно проводил пальцем по какому-нибудь предмету.

У спорщиков мало-помалу инициативу захватил психиатр, а позднее, когда речь зашла о передающих волнах, все с интересом слушали Ивина. Их спор прекратился внезапно, как и вспыхнул, когда в какую-то крохотную паузу Быконя вставил:

— Так ведь это все означает, что никакого искусственного разума и нет! И не может быть!..

В комнате сразу стало тихо.

— То есть как не может быть? — наконец спросил Ивин.

— Он принципиально невозможен. Во всяком случае, на Земле, — настойчиво повторил Быконя, — потому что если на этих кристаллах разум, то это и будет обыкновенный человеческий мозг, но выращенный искусственно. И, следовательно, путь, по которому шли Ивин и Крошечкин, — тот же самый, каким шла Природа, создавая человека. Вполне может стать: энергетические условия нашей Галактики таковы, что разум может быть создан только на биологической основе. На биологической элементной базе, выражаясь языком электроники. Я не ошибся, Евгений Александрович?

— В терминологии — нет. А в остальном... юности свойственна категоричность.

— А вот я не согласен с вами, — пробасил биолог. — Очень справедливо замечено: из этих множеств искусственной ДНК будет сделан не искусственный мозг, не машина, которой можно помыкать, а будет рожден человек искусственным путем, притом человек без естественного облика. Передачи, которые вели вы, с таким же успехом можно осуществлять на ДНК, взятой из человеческой ткани.

— Ну уж нет,— возразил психиатр,— для такой работы, да и для продолжения этой потребуются решить комплекс нравственных, этических и даже правовых задач.

— По-видимому, так,— согласился Ивин.

— Но как же быть со мной?— спросил Быконя.

— А здесь, я думаю, просто,— отозвался биолог.— По всей вероятности,— он обратился к Крошечкину,— вы синтезировали ДНК со структурой, идентичной активной части ДНК нервных клеток Быкони. Впрочем, это легко проверить. Молодой человек, не жертвуете ли для науки микрососкопом вашей кожи?

— Какой разговор!

— Все это так. Но как же увязать раздражение биокристалла и явления, происходящие в психике Быкони?— спросил психиатр.

— Не может ли быть так, что тот комплекс электропотенциалов, которыми Ивин воздействовал на кристалл, является механизмом создания образов кошмарного типа?— в свою очередь спросил Евл психиатра.

— У Быкони возникает не просто кошмар. Вы забываете, что история, постоянно воспроизводимая в мозгу Володи, действительно имела место в прошлом. Она произошла сто лет назад, и, по-видимому, на кого-то из очевидцев произвела сильное, а точнее, потрясающее впечатление, так что навсегда зафиксировалась на генном уровне. Если теперь предположить, что этот человек был предком Володи, то становится ясно, что раздражители заставляют воспроизводиться в памяти картины, которые хранились в неактивной части ДНК,— психиатр закончил, и Евл повернулся к Быконе:

— Вот так, молодой человек, вы задали работу, по существу, нескольким институтам.

— Институты институтами, а я все же хотел бы узнать начало и конец своей истории. Поэтому предлагаю повторить мои картинки еще раз. Только пусть со мной в комнате будет один Евгений Александрович. Все заметно оживилось, а психиатр сказал:

— Да-да, история в самом деле чертовски интересная.

Быконю и Ивина оставили наедине, и спустя несколько минут юноша снова «стоял» перед телом несчастной женщины, багровые пятна жгли ему сердце, и беспомощно трепетал на ветру белый в горошек платочек.

Ивин видел, как двигалось и жило тело Быкони, как он потом сорвался с места и побежал по комнате. Крик Володи врзался в сознание Ивина:

— Это я! Это я убил Виринею! Я!.. Я!..— бедный парень был не в себе, он охватил голову и в ужасе выкрикивал страшное обвинение.

Ивин остановил сеанс. Прибежали из коридора остальные.

— Евгений!.. Перестаньте! Навсегда перестаньте издеваться над мальчиком!— по-петушиному требовал возбужденный Крошечник.

Понемногу Быконю привели в нормальное состояние, и наступила мертвая тишина. Быконя начал рассказывать. Он говорил устало, тихо.

Ночью Виринея осталась одна: муж и братья надолго ушли в тайгу. Младенец давно спал в колыбели, и сама Виринея, светловолосая, румяная красавица, высокая и статная, уже расчесывала на ночь свои длинные волосы, собираясь отправиться на высокие пуховики. В окно резко постучали, Виринея вздрогнула: не должен был никто прийти. Спросила, кто. Не ответили. Виринея не открывала, но видела, как в потайную щель, известную ей да мужу, просунулось полотно охотничьего ножа и отбросило щеколду.

— Господи, муж, что ли, шутит... Да вроде нож не его!

Человек вошел резко, широко распахнув дверь.

— Это ты?!— отпрянула Виринея в ужасе.— Откуда ты?

— Я, я. Вот откуда бы ни был, а я.

— Зачем пришел?— совладав с собой и выпрямив спину в струну, спросила Виринея.

— В последний раз спросить тебя пришел.

— Нечего спрашивать, я все тогда сказала. Полюбила я его, да и муж он мне теперь. Повенчаны мы. Уходи!

— Да ведь ребенок-то мой! Вон же она!

— Не твоя она. Его!

— Врешь! Не выходит!

— Выходит, все выходит. А ты к Пистимее сходи, у нее, должно быть, точно твой младенец.

Мужчина сверкнул глазами и круто вышел в дверь.

На другой день ближе к закату Виринея ходила в тайгу кликать корову. Медведь вышел из-за буреломо уже обозленный, стоя на задних лапах. Дом был близко, и Виринея помчалась со всего духу. Вбежала в комнату, рухнула на кровать отдышаться,— глядь, а медведь за спиной стоит... И глядит на нее пустыми провалами глазниц. И видит Виринея, ясно видит, что нету глаз у медведя. Вот тут ее забрал ужас, и она что есть мочи скакнула в окно. И понеслась к речонке. Перелетела ее и упала от удара по голове. В горячке вскочила. Закружилась красавица Виринея, обливаясь кровью, и перед тем, как рухнуть снова, увидела: беснуло что-то и распороло ей живот снизу доверху. И отчетливо услышал Быконя, как сереющими губами, бесконечно дорогими губами, прошептала:

— Не губи свою душу, люблю я тебя и всегда любила. А пуще тебя — твоего ребенка.

С тем и умерла. От этих слов помутилось в голове у Быкони, и он понесся в тайгу, не разбирая дороги. Ветки хлестали его по лицу, багровые потоки заливали глаза и бешено размахивали тяжелыми лапами ели. И рвали на нем шелковую рубаху. Красную, праздничную. И не видно было на ней крови.

Вот и всё, что рассказал Быконя своим товарищам. Помолчали.

— Ну, и кто убил Виринею? Ничего мы не узнали. Еще, что ли, повторять?— иронично спросил Евл.

— Никаких повторений!— возразил психиатр.

— Да, но, возможно, Виринея была прабабкой Володи!— воскликнул Ивин, и все, даже Крошечкин, с надеждой посмотрели на психиатра.

— Странные вы люди. Вполне возможно. Ну, и что из этого?

— Прапрабабкой его она никак быть не могла,— пророкотал Евл.— Она вообще не может являться никакой родственницей Быкони. Она умерла и все унесла с собой, и даже если записалось в ее ДНК это потрясение, оно уже никому не могло быть передано. И, второе, заметьте: Володя, попадая в эти события, всегда видит Виринею со стороны, он всегда на месте кого-то другого.

— Да! На месте убийцы!— крикнул Быконя.

— Хватит обсуждений! Довольно!— попытался снова пресечь психиатр, но его уже никто не слушал.

— Да, но медведь?.. При чем здесь медведь?

— Похоже, была инсценировка. Преступник заметал следы. Вспомните, в газетке упоминалось, что охотник постоянно сомневался: медведь ему показался каким-то странным. А уж охотники-то хорошо знают повадки зверя. Следовательно, в движениях медведя было что-то неестественное.

— А возможно ли следующее... Преступник надевает медвежью шкуру, точнее — влезает в медвежье чучело. Глаз у «медведя», таким образом, не будет видно, будут пустые глазницы, что заметно только вблизи. Поэтому все, кто видел бегущего «медведя» издали, не могли распознать его. Поэтому же «медведь» постоянно находился на задних лапах. Ну, а дальше все ясно: он упорно преследует, вбегает в дом, а настигнув на речке, убивает. А так как раны обильны, кровь брызжет и на преступника. Вот почему Володе всегда заливают глаза рыжие потоки. Очевидно, преступника более всего потрясла именно кровь, она

брызнула ему в лицо, в глаза. И именно в этот момент он осознал, что убил, убил самого дорогого человека. Ее кровь явилась самым ярким впечатлением для убийцы, и именно она чаще всего и прежде оживает в памяти Быкони. Вспомните, дальше он понесся в тайгу, куда глаза глядят. Ветки цепляли его за ворот, стащили медвежью шкуру, и он бежал дальше в красной рубашке, на которой кровь малозаметна. Ну, как вы оцениваете такую версию?

— Ну, Крошечкин! Да ты у меня еще и детективщик по совместительству!

— Вещь вполне возможная, — задумчиво сказал Евл. — Меня, конечно, очень интересует сама история, но еще больше — научная сторона дела. Ведь если бы удалось исторически подтвердить все те события, значит, мы имели бы доказательство записи сильных впечатлений в ДНК. Так оно и должно быть, а иначе как же идет эволюция инстинктов?.. Предлагаю найти предка Быкони.

— Убийцу!.. — завершил Быконя с брезгливым презрением.

— Володя, — пророкотал Евл, — ты, быть может, именно потому так сильно отрицаешь убийство, что тот далекий твой предок убил — и ужаснулся...

БЫЛО МОРЕ ЗВЕЗДА

Татьяна ТИТОВА

Ее вели долго, и она устала идти в холодной темноте. На просьбы и вопросы не отвечали. Лишь когда с глаз сняли повязку, и она смогла увидеть тяжелые низкие своды подземного коридора, бронзовые и непроницаемые лица факельщиков, сопровождающих ее, — только тогда, словно остальные чувства вернулись вместе со зрением, она смогла ощутить тянущую пронзительную глубину запутанных переходов и лестничных маршей. Треск факелов и запах дыма окончательно пробудили сознание. Это был Лабиринт Критского быка.

Девушка лихорадочно вспоминала все, что раньше слышала о Быке. Когда при ней говорили: «Тавр пожирает людей», она успокаивала себя, представляя лениво пасущиеся стада на лугах, солнце, золотящее шкуры длиннорогих животных... Но — Тавр пожирает людей, бык царя Миноса питается исключительно людьми, если его не умилостивить жертвами, будет беда: война, мор, голод, саранча, — все, что только могут ниспослать разгневанные боги.

Он ненасытен, — приходили мысли. Он страшен. Он противен. Наполовину бык, наполовину человек, облеченный властью, обладающий двойной силой...

Она двигалась, словно во сне. Впереди покачивались в такт шагам ломаные темные тени.

Коридор повернул, не делая ответвлений. Налево, направо и снова налево. К узкой двери поднималась лестница. Факельщики встали внизу. Дверь распахнулась перед девушкой и сразу захлопнулась позади.

...Светлый мозаичный пол круглого зала без колонн был голубым. В темноте он искрился. Он блестел

далеко внизу, прохладный, сияющий; вниз вели не ступени, а каменная улитка, раскрученная по диаметру зала. Девушка начала спускаться.

Правая рука ее была свободна и вытянута в сторону для равновесия, в то время как левая касалась стены. Привычно оценив положение, она поняла, что с оружием сюда легче войти, чем выйти, и, значит, Минотавр, к счастью для многих, не сможет вырваться наверх, если подъем охранять. Странно... нет, не нужно обманывать себя, это жертвы Быка никогда не выйдут; нужно думать об этом, привыкнуть к этой мысли, иначе страх нападет, когда я увижу Тавра, и страх упадет раньше Тавра.

Внизу было теплее, чем в коридоре, несмотря на размеры помещения и отсутствие очага. Три скамьи с простыми изголовьями стояли возле низкого столика. Пустого.

Она села на край скамьи, обняла колени. Страх пронизывал ее волнами, вслед за одной шла другая, волны нарастали...

С легким шорохом раскрылась дверь в стене. Девушка замерла, напрягшись, чувствуя, как мертвеет лицо. В дверном проеме с чадающих факелов сорвался свет, красно-желтый, лизнувший черноту узкого коридора, из которого в зал, легко беседа, вошли человек и бык.

Все внимание девушки приковалось к человеку: Тавра она не хотела замечать как можно дольше. Человек был рыжий, без шлема, но в наколенниках. Меч на поясе его белой туники отбросил на пол длинную острую тень. Факелы остались в коридоре, тень исчезла, снова заискрился пол, и ноги идущих попали в отблески, а торсы потемнели. Человек говорил, вероятно, продолжая недавно начатый диалог:

— Пойми, бык царя Миноса, я не могу сказать тебе все, что ты желал бы услышать... Да, положение на Крите опасное. Да, подошла армия Тезея... Я и так говорю тебе больше, чем необходимо для твоего спокойствия...

Они подошли ближе и остановились, продолжая беседу. Правда, говорил пока только Ремез, — девушка узнала одного из советников царя. Она не могла понять, отчего он здесь, в Лабиринте, и отчего говорит с Быком. С Быком можно говорить?

Девушка впиалась глазами в Быка. Как и рассказывали, Тавр был получеловек, почти совсем человек, надевший священную маску двурогого животного. Он слушал Ремеза выпрямившись, чуть склонив влево тяжелую лобастую голову. Глаза скрывались во впадинах, ноздри он раздувал, как все быки. Короткошерстная бурая шкура не мешала ему в движениях. Бык едва слушал советника, нервно размахивая коротким хвостом, не замечая этих взмахов, как их не замечают животные. Он жестом заставил Ремеза умолкнуть, и девушка увидела его ладонь, обращенную к советнику, совершенно человеческую, гладкую и властную. Осторожно вздохнув, она переменяла позу.

— Послушай, Ремез, — сказал Тавр, дернув ноздрями, — мерзость твоего положения как раз в том, что ты не можешь ответить откровенностью на откровенность. Ты пытаешься сохранить свое влияние на царя и на Тезея с моей помощью. И лжешь на три стороны.

Ремез угодливо рассмеялся и погладил бороду, крашенную хной, как у всех персов.

— А твое положение, бык царя Миноса? Мы устали ждать, когда ты начнешь делать то, чего от тебя хотят...

— Для этого мне нужно знать, чего именно от меня хотят. Я об этом тебя и спрашиваю, Ремез, а ты отвечаешь, что это вредно для моего покоя.

— Круг... — рассмеялся Ремез, скрестив на груди руки. — Разве можно обо всем спрашивать? Посмотри на нее, Бык, посмотри, как она боится! Как она ненавидит! Тебя, Бык, — резко выдохнул Ремез, — не меня и не царя Крита, а тебя — Минотавра, уroda, зверя!

Конечная причина зла и несчастий на Крите — Тавр, которому еще не надоело спрашивать, почему так получилось... Да и о чем спрашивать: все ясно уже сейчас. Тезей примут, как освободителя Крита от Быка. Он получит в жены дочь Миноса. Но Тезей не осмелится встретиться с тобой, если царевна будет убита. Он своекорыстен, этот герой. Решайся, бык царя Миноса. Либо кровь жертвы наконец-то свяжет тебя, либо тебя убьет Тезей. Я выдам ему план Лабиринта... — усмешка зазмеилась на губах Ремеза. — Можно предположить, что и эту жертву ты не тронешь. Но ведь в Лабиринте... мы все в Лабиринте... Репутация Тавра есть и будет репутацией Тавра, что бы он ни делал. Из Лабиринта нет выхода. Но, быть может, есть память о входе?..

Девушка понимала и не понимала Ремеза. Неужели Тавр сегодня не голоден и его приходится уговаривать? Нет... память о входе... с повязкой на глазах... Тавр? Тавр?! Пленник Ремеза?

— Не пугай девушку, Ремез, — вмешался Тавр. — Я бы смог успокоить ее, если бы знал, зачем ты устраиваешь такое низкопробное представление... — Бык насмешливо раздул ноздри. — Кто она?

— Ариадна, дочь критского царя. Занимает немалое место в моей игре с царем и Тезеем, но едва ли может понимать всю тонкость этой игры, которую ты совершенно напрасно назвал низкопробной.

— Я понимаю, — сказала вдруг девушка. — Тебе, Ремез, угодно, чтобы Тавр был чудовищем...

— Нет, — обернулся к ней Ремез, — ты ошибаешься, божественная. Тавр есть чудовище, верно, бык царя Миноса? Хочешь, я позволю ей выслушать твою историю, это ведь немалая возможность... ты не ухватишься за нее зубами?..

— Расскажи, — ответил Тавр, сжимаясь в плечах. Он стригнул ушами, как теленок. — Только не забудь упомянуть Тезея, осадившего Лабиринт, хорошо?

Ремез покосился на девушку, улыбнулся:

— Тезей решил воспользоваться положением героя. Станет или нет он героем — зависит только от меня. От нас, — поправился Ремез.

Тавр опустил на сиденье.

— Ужинать, — сказал он. — Ты заговариваешься, Ремез, когда голоден...

Снова отворилась дверь, через которую вошли бык и человек, пахнуло горящим маслом. Бык поморщился. Теперь он сидел настолько близко от девушки, что она могла видеть малейшее изменение в его лице. Девушке, должно быть, показалось, что шкура на щеках его стала серой.

Между тем вошедшие рабы сервировали столик, буднично и лениво расставляя посуду. Ремез отстегнул меч, улегся и начал есть, чему-то улыбаясь время от времени. Тавр по-прежнему сидел, на прикасаясь к блюдам.

— Так вот, — нарушил вдруг тишину Ремез. — Я мог бы рассказать ей, что мне известно о тебе, бык царя Миноса. Но то, что известно всем, немногим отличается от истины, очень немногим, уверяю тебя... Может быть, чтобы ты не впал в заблуждение относительно себя и своего положения на Крите, бык царя Миноса, ты выслушаешь сначала то, что известно всем?

— Да, Ремез, с радостью, удивляешься? Просто я очень давно слушаю одного тебя, и, кроме того, мне нравится ее голос.

Ремез снова улыбнулся.

Девушка заговорила. Теперь она боялась не Тавра, а Ремеза, которого никогда не видела таким свободным и наглым, и потому говорила о Тавре дерзко.

— Минотавр — страшное чудовище, которого боится сам Минос. Тавр заперт в Лабиринте, но его ночной рев тревожит критян по всему острову. Он питается людьми и другой дани не признает. Если не давать ему человечины, он уничтожит весь Крит...

Тавр тяжело смотрел на голубой пол, но даже не шевельнулся, чтобы остановить речь.

(182)
— Найдется герой, который освободит Крит от гнета страшного быка. Он будет знать, как можно войти в Лабиринт и выйти из него. В этом ему помогут боги.

— Богов нет, — резко мотнул головой Тавр. — Если кто ему и поможет, так только Ремез. План Лабиринта, построенного Дедалом, находится у него. Дедала нет на Крите. Рабов-строителей тоже нет...

— Дедал улетел, — насмешливо сказал Ремез.

— Возможно, — ответил Тавр.

Ремез от души расхохотался.

— Ну, — сказал он, — теперь настало время выслушать меня. И правду. Минотавр, бык Миноса, рожденный быком и царицей, ужас критских жителей, — это все ложь. Он не бык, он не человек; он не был рожден на Крите. Он приплыл сюда на металлической лодке с круглым парусом. Лодку вытащили из моря, хотя парус тянул ее вниз, огромный, круглый... Все, кто видел лодку, были убиты, рано убиты, раньше, чем я смог узнать от них, зачем такой лодке парус...

— Чтобы она не разбилась, — сказал Тавр, прикрыв свои огромные глаза.

— Рассказывай, — ухватился за слова Ремез. — Ты не представляешь, как я хочу узнать, можешь ли и ты говорить откровенно.

— Было море звезд, — сказал Тавр, не открывая глаз. — Мы плыли по нему, плыли к другому морю звезд. Но моря не сошлись краями... — Он помолчал, подбирая ясные слова. — Навигационная ошибка. Нас выбросило сюда, мы покинули поврежденный корабль, но только я смог достичь места, где раскрылся парус. Только моя лодка достигла Крита...

— Может ли она снова отплыть в море звезд? — жадно спросил Ремез.

Тавр покачал головой.

— Жаль, — цокнул языком Ремез. — Теперь — о Тезее?

— Да, — сказал Тавр, — но прежде объясни, что ни один из погибших на Крите не был убит Быком. Теперь это легко объяснить.

— Ошибаешься, — вздохнул и потянулся Ремез. Он слегка опьянел от сказанного. — Этого нельзя объяснить. Поздно объяснять. Есть хорошая возможность оставить все, как есть, более того, полностью овладеть Критом. И вдруг ты не согласен. Ты даже готов встретиться с Тезеем. Не понимаю, что мешает тебе продолжать, бык царя Миноса? Насколько все стало бы проще, если бы ты был согласен... А ведь ты был согласен, когда тебя вытащили из лодки!

— Я понимал меньше, чем мне следовало бы понимать. И согласился я далеко не сразу, хотя ошибся — сразу, как только согласился.

— Сог-гласился! — язвительно заметил Ремез. — Когда перестал мычать на своем быьем языке, когда сошел в Лабиринт, сопровождаемый лучшими воинами, — ты решился без оговорок, бык царя Миноса!

— Ложь, Ремез! — воскликнула девушка. — Разве я тоже решила прийти сюда? И разве Дедал решил построить Лабиринт?!

— Решают боги, — сказал Ремез. — Бык пожелал жить, и он живет.

— Ты противоречишь себе, — заметил Тавр.

— В мелочах, только в мелочах. Значит, твое решение было угодно богам. Угодно и сейчас. В моей власти закрыть Лабиринт для Тезея, и он будет закрыт. Только прими жертву, Бык!

— Если бы это значило: пожертвуй собой!

— Нет, смысл прямой. Прими жертву, бык царя Миноса!

Ленивым пьяным движением он протянул свой меч Тавру.

— Тезей — игрушка, дешевая афинская игрушка, но при определенных обстоятельствах, зависимых от нас, он сможет превратиться... хм... в освободителя Крита... Разумеется, мы не желаем этого, но...

— Хватит,— сказал Тавр.— Обстоятельства сейчас не зависят от нас, а твое положение настолько шатко, что ты сознательно не отдаешь себе в этом отчета, подстегивая события. Никакая легенда о Быке не оправдывает Ремеза, а также Тезея, который займет положение Ремеза не позднее, чем сегодня... а также Тавра, который уйдет сегодня.

— Тебе не уйти,— значительно сказал Ремез.— Ты слишком полезен мне, чтобы я дал тебе уйти так просто. Никто не тронет тебя, Бык. Это мой приказ.

Тавр фыркнул и покрутил мечом перед носом Ремеза. Тот отпрянул, побледнев.

Тавр направился к двери, брезгливо передернув плечами.

— Постой! — как бы очнувшись, жалобно крикнула девушка.— Скажи, быки еще приплывут?

Тавр резко обернулся и провел ладонью по лицу, будто снимая темную и тесную маску животного. Пристально посмотрел на девушку.

Ей показалось на миг, что голова Тавра — совершенно человеческая голова — окуталась поблескивающим прозрачным шаром и легкая белая материя обтянула его шкуру, а сам он стоит под парусами, умело управляя громадной лодкой, которая мчится по морю звезд, подгоняемая почему-то не ветром, а огнем, бьющим в паруса. Она видела это отчетливо и ясно, пока Бык смотрел на нее. И ей хотелось верить Быку.

Тавр отвел глаза.

— Да! Они приплывут! — твердо сказал Тавр и распахнул дверь. Далекий ляг клинков ворвался в тихий голубой зал.

Ремез вскочил, опрокинув столик.

— Стой! Остановись, бык царя Миноса! Я не приму жертвы! Вернись, Тавр!

Он беспомощно простер руки вслед уходящему. Шум сражения приближался. Ремез, опомнившись, подскочил к двери, захлопнул ее и заозирался, как птица в ловушке. Девушка встала и выпрямилась.

— Там Тезей,— полувопросительно сказала она. Ремез промолчал.

— Тезей здесь! — раздался сверху веселый голос.

В блестящих доспехах и плюмаже Тезей быстро бежал вниз, следуя виткам улитки. Подойдя к девушке, он поклонился.

— Я пришел за тобой, богоравная Ариадна, да будут благословенны твои спутники, оправдавшие мое доверие. Я и за тобой пришел тоже,— грубо пошутил он.— Но мои воины шли открыто. Их никто не упрекает в хитрости. Я хотел бы видеть здесь Миносского быка. Где он? — спросил Тезей.

Девушка молча показала на выход, который машинально загоразивал Ремез. Взмах меча — и тот повалился на пол. Тезей бросился бежать по коридору.

Ариадна осталась в зале одна. Ни о ком, кроме Быка, она не могла думать.

Когда Тезей возвратился, тяжело дыша, она узнала узнать, но Тезей удержал ее за покрывало.

— Не ходи,— сказал он,— тебе будет неприятно. Он действительно живуч, как бык... Но, клянусь высокими олимпийцами, его погубил Ремез!

Девушка покачала головой.

— Ремез отдал страже приказ не убивать Тавра. Я слышала, он сказал Тавру об этом.

— Да, но там были мои солдаты. Все перепуталось... Если б ты знала, как мне необходим Бык!

— Я знаю о быке. Я знаю о нем мало, но этого знания вполне хватит, чтобы сделать несчастливый наш союз, которого ты добился так неумело.

— О чем ты говоришь, Ариадна? Что за печаль? Тавр, бычье отродье, зверь, опора власти, кто он тебе?!

Ариадна беспомощно отвернулась. Голос упал до шепота.

— Никто... Никто...

ВИД С ГОРЫ

Наталья РЕЗАНОВА

Способность к полету я почувствовала, ступив с моста на берег. Вначале подумала, что это ветер. Ветер с утра был сильный, я даже надела куртку, когда решила прогуляться в Заречье, и на мосту меня так ударило, что я едва устояла на ногах, ухватившись за перила. Но это все-таки был ветер, не ураган какой-нибудь, а во мне — шестьдесят кг живого веса, не считая одежды, и оторвать меня от земли не так-то легко. Только я успела это подумать, как мои ступни и в самом деле оторвались от земли. Я попыталась установить равновесие и без особого труда удержалась в стоячем положении.

Летела я на небольшой высоте — метра два, не больше — и с малой скоростью. Из неоднократно описанных в литературе прецедентов я знала, что подо мною должна бы собраться толпа, крича и тыча пальцами. Но народу на улице вообще было немного, и все, видимо, чрезвычайно заняты. Только когда я перелетала через дорогу, человек пять обратило на меня внимание. Поскольку я была в брюках, а не в юбке, меня это не очень стеснило.

Один мужчина средних лет сказал другому:

— Физмат. Или радиофак. Их штучки!

— Тетя, как вы это делаете? — крикнул маленький мальчик.

— Об этом на улице не спрашивают! — одернула его мама.

— Ради такого случая туфли могла бы надеть и попримечнее,— проворчал гражданин пенсионного возраста.

Я оскорбилась — кроссовки как кроссовки, но тут раздался свисток и подошел милиционер.

— Что здесь происходит? — он задрал голову.— Чего это вы здесь разлетались, гражданка?

Не успела я раскрыть рта, как снизу за меня уже ответили:

— Испытания проводит!

— Так. А разрешение на полеты над проезжей частью имеется?

— Нет,— честно призналась я.

— Тогда незамедлительно покиньте жилой район. А то летают тут, движению мешают, хорошо еще, что жертв не было...

— А куда мне его покинуть?

— Да хоть в горы. Там машин нет, чистый воздух, и летайте себе сколько угодно.

Тут я почувствовала, что и ветер ощутимо подталкивал меня — в горы, в горы...

— Так точно, товарищ лейтенант,— отрапортовала я и полетела в указанном мне направлении.

Горы у нас в Нижневолжске — не какие-нибудь дикие скалы и утесы, просто высокие берега. На Волге и Оке такое можно увидеть на каждом шагу. Дятловы горы, Жигули и так далее. А наши никак не называются. Горы, и все. Начинаются они за старым меловым карьером — он же и граница города. По пути я сообразила, почему прохожие сказали про испытание. Когда человек дажится куда-то по делам, у него обычно в руках сумка или авоська, а у меня ничего такого

не имелось, ключ и все мои наличные деньги в количестве полутора рублей мелочью лежали в кармане куртки. И вид у меня получался до некоторой степени энергично-спортивный.

Размышляя таким образом, я подымалась все выше и выше. Как ни странно, лететь вверх было легче, чем по прямой. Я испытала примерно то же, что при плавании, но усилий тратила гораздо меньше. Двигалась я теперь заметно быстрее, чем в городе.

На вершине ближайшей горы стоял маленький домик из розового кирпича, который не был виден снизу. Я подлетела поближе. Ни разу не слыхала, что за карьером кто-то живет. Со стороны заросшей проезжей дороги дом был огорожен прочным забором с воротами, а со стороны склона, к самому краю которого прилепился, — невысоким палисадом. Во дворе молодая женщина сосредоточенно стирала. Бегали дети. Девочка лет четырех переползла через дыру в палисаднике и по всей видимости намеревалась съехать по склону на попку. Я быстро приземлилась рядом, схватила ее и с нею под мышкой перешагнула во двор. Девочка тут же завопила басом. Хозяйка обернулась ко мне.

— Что же это вы, гражданка, — сказала я милицейским голосом, — ребенка без присмотра оставляете? Разбилась бы — и никаких!

— Ой, Леночка! — она всплеснула мокрыми руками. — Марш в дом! — И, оглядев меня, теперь уже она строго спросила: — А вы как, собственно, сюда попали? Ворота не открывались.

— Да я, собственно, прилетела.

— Прилетела? — она не выразила никакого удивления. — А вы кто будете?

Я решила начать с самого начала.

— Меня зовут Наташа...

— Наташа! — она схватила меня за руку. — Да ну-жто! Господи! Дождались!.. Уж, пожалуйста... Не обесудьте... Витя! Катя! Чайник несите! Варенье!

Не успела я оглянуться, как таз с бельем исчез, на столе появилась белая скатерть, а на ней чайник, чашки, блюдечко с вишневым вареньем.

— Прошу к столу!

— Извините, а вас как...

— Маша.

— Мария, значит. А по отчеству? — все-таки она была старше меня на несколько лет. Или просто так выглядела.

— Зовите просто Машей. Вы никуда не торопитесь?

— Нет. Я в отпуске.

— Замечательно как! И давно вы... это? Летаете?

— Как сказать... Не очень. С полчаса.

Она изумленно раскрыла глаза. Я рассказала, как на мосту меня ударило ветром. Она вздохнула.

— Стало быть, Секстильонич все-таки помер. Мир праху...

— Кто-кто?!

— Да волшебник он. На дне себе дом построил. Как раз под старым мостом. Не слышно там, говорит, шума городского. Лучше, говорит, в загрязненной воде буду жить, чем в гроботе. Давно болел уже, старый очень был, один из самых старых здесь, разве что Старик-из-Горы старше...

— Ну, и помер он, значит. А при чем тут я?

— А волшебник — или колдун, или ведьма — не может умереть своей смертью, пока не передаст свою волшебную силу человеку. Подходящему.

— Ага, значит, я теперь... Простите, а вы сами не...

— Нет. — Она снова вздохнула. — Муж мой, покойник, это правда — был. А дети... По наследству это не передается.

— Значит, если я вас правильно поняла, ведьмы, колдуны и волшебники существуют в действительности?

— Существуют. И полудницы. И навьи. Ты поди и не слыхала названий таких?

— Слыхала. У меня по фольклору в университете пятерка была.

— ...И русалки, и домовые, и феи, и гномы. Каждый в своей стране.

— Тогда, может, и черти есть?

— Чертей не видала. И ангелов тоже. А ты что, в бога веришь? — она окончательно перешла на «ты».

— Нет, а это плохо, что не верю?

— Наоборот.

— И много у нас здесь всего... этого?

— Достаточно. Поистребили, конечно, многих, но пока хватает — приспосаблиются. Кикиморы вон все в городе перебрались, а за ними и русалки тянутся... Да ведь не веришь ты мне, а?

— Трудно...

— Но ты же не удивилась, что летаешь!

— Ну, это можно объяснить. Левитация... Гравитация... Нарушение тяготения... Наука давно пытается... Ладно. Тебе легче. Образование высшее, небось? — Я кивнула. — А у меня семь классов. Так что ты мне пригодишься ой как! Что еще можешь, кроме как летать?

— Не знаю, пока ничего не чувствую.

— Может, проявится еще...

— Вы мне лучше скажите... Если ваш муж умер, что ж он вам свою волшебную силу не передал?

Маша наклонила голову.

— Так ведь он не своей смертью умер, — тихо проговорила она. — Его убили. Ой, и зачем мы сюда из Тирасполя переехали!

— Убили?.. Кошмар какой!.. А милиция что же?

— Милиция тут ни при чем... Успокоившись, она подвела меня к палисаднику, откуда был виден город. — Сейчас покажу. Смотри.

— Что ж я увижу-то?

Она протянула руку. Я с сомнением уставилась в этом направлении, но вдруг почувствовала, что зрение обострилось невероятно — начинала, видно, действовать моя волшебная сила. Дома и улицы проплывали перед глазами, словно снятые крупным планом. Не то, не то... Наконец словно ружейная мушка зачернела передо мной. Я увидела высокий дом с башней, опоясанный полукруглым балконом. На балконе среди множества оранжевых цветов стояла красавица в атласном халате с надменным бледным лицом и уложенными в высокую прическу белокурыми волосами.

— Видишь?

— Вижу.

— А теперь ты увидишь все на самом деле!

Маша протянула мне короткую подзорную трубу. Я глянула в нее. Не было ни красавицы, ни балкона. Упершись сплюсненным носом в грязное чердачное окно, на улицу выглядывала сморщенная старуха.

— От нее все наши беды, — сказала Маша.

— Прямо как у Гоголя, — заметила я, отворачиваясь.

— Какой еще Гоголь! — вскипела Маша. — Злодейка проклятая, всю жизнь мою она погубила! Хорошо, вокруг дома заклатье наложено, так ведь за ворота выйти нельзя, Витька в школу не ходит!

— Давайте подробнее, Мария. Эта особа — ведьма?

— Ведьма — мало сказать! Ведьмы разные бывают. Не обязательно злые. Ведьма — от слова «ведать», понимаешь? Все в том, как она свое веданье повернет. А эта Аделаида — самая настоящая злая колдунья и есть.

— Аделаида?

— Аделаида Ивановна Коровкина по паспорту.

— У нее и паспорт имеется?

— А как же! Без паспорта нынче нельзя. И главное, ни с какой стороны к ней не подъедешь. Одних прельщает, других обманывает, третьим самогонку продает. Как до войны пристрастилась гнать, так и теперь. Это людям. А которые не люди — она и с ними-то

договориться сумела. Они ведь все давно здесь живут, с незапамятных времен, вот и привыкли. А Вася мой не захотел. Мы ведь в Тирасполе познакомились, я там на трикотажной фабрике работала, а он в парке ко мне подошел. Ну, перед свадьбой, правда, признался, кто он есть. Так ведь не диверсант какой! И не вор!.. И хорошо так жили...— Она протяжно вздохнула.— А потом заладил—переедем и переедем. На Волге, говорит, простор... Что мы, без простора не прожили бы? И получили простор... за забором.

— Выходит, при переезде у вашего мужа произошел конфликт с этой Коровкиной?

— Конфликт... Она сразу сюда, в самом своем раскрасивом виде, давай, мол, установим союз. А он—насквозь тебя вижу, ты все здесь гнетешь! Всегда Вася мой правду любил. А она—изведу, говорит, попомните меня!

— И извела?

— Извести его она не могла,—возразила Маша,—не было на это ее силы. И без дракона бы не обошлось.

— Извините, Мария, вы ничего не путаете? Какие могут быть драконы в нашей средней полосе? Ну, Змей Горыныч—куда ни шло...

— Какие тебе еще Горынычи?! Их, знаешь, когда богатыри уничтожили? Трехголовые они, а которые и о семи башках, маневренности у них не было, так Вася обьяснял. А дракон натуральный, с Тибета. Там китайцы как раз что-то взрывали, драконы на свет повылезли, вот она одного сюда и сманила. Он и сейчас здесь.

— Ну?.. И где же она его держит?

— В лесу, за аэродромом—там пыль, грохот, ничего не разберешь. И уж так хитро она это сделала, никто и не пронохал до времени. Но Вася знал, что какого-то злодейства ждать надо. И в тот день, как чувствовал, когда уходил, заклятье наложил на дом и на сад... А сам...

— Не надо, Маша, если вам тяжело, не рассказывайте.

— Да чего уж там... Он ведь огнем палит, дракон-то, как огнем. И не ждал его Вася... Теперь-то уж ничего, а тогда я... Совсем, думаю... Плакала, плакала и сознания лишилась... И было мне видение. Явился мне Старик-из-Горы. Он здесь самый старший, еще с неолита, никто уж и не помнит, как его по-настоящему зовут, а последние полтора лет он и во все наружу не показывается. Я, конечно, его ни разу не видела, слышала только от Васи.

— И сразу поняла, что это он?

— А кому еще быть? Явился и сказал...— Она встала и серьезно, с чувством продекламировала:

Не вечны грозы,
утри же слезы.
И мечь, и кара злодеев ждет.
Не дрейфь ты, Маша,
придет Наташа,
от гнусных гадов вас всех спасет!

— А Наташа—это, выходит, я?

— Да, три года я тебя дожидалась. Как водится. И ты должна избавить нас от дракона и от Адки.

Я застонала. Может быть, я сплю, ведь люди летают только во сне? Вирши-то какие idiotские: «Не дрейфь ты, Маша, придет Наташа...» Это ж надо такое отмотчить! Я усиленно затрясла головой. Наваждение не исчезало. Маша сидела на табуретке и говорила:

— Она ведь что удумала, эта Адка! Извести нас всех решила любой ценой, кружит тут целыми днями. Ленка совсем дикая растет, Витьку читать-писать сама учу, а только какой из меня учитель?

— Да разве я против? Но как вот так-то? Голыми руками? Наверное, какой-нибудь меч-кладенец нужен или... чем там волшебники дерутся?

— Ничего такого тебе не положено,—сурово пре-

рвала она меня.—Ты должна действовать только своей волшебной силой. А она у тебя добрая, не для войны. Ты можешь только защищаться. Для этого тебе дано достаточно.

— Да ведь я ничего не умею! Что мне дано—не знаю!

— Узнаешь. Все познается опытным путем. Ты будешь овладевать своей силой, а она будет овладевать тобой. И по мере этого ты все дальше будешь отступать от своей нынешней природы, и тем меньше в тебе будет оставаться от человека.

Маша удивили книжные выражения в Машиных устах. Должно быть, она снова вещала со слов мужа

— Расскажи еще про Аделаиду,—попросила я. Почему-то гражданка Коровкина пугала меня больше, чем дракон.

— Поклонники к ней ходят—директор завода, начальник строительства и еще один, который книжки пишет, и она ими знаешь как вертит! И много людям от этого вреда, потому как учит она их врать, воровать и выкручиваться. А они ей верят—она, если сути не разглядеть, видела, какая дама? Как в кино!

— Ну, это она перебарщивает. Так теперь уже и не принято—халат и перманент!

— Не знаю уж, что там принято—говорю, как есть. Погоду портит, каждый год по-новому. То засуха, то слякоть, то дождь с градом. Порчу наводит теперь труднее стало—медицина-то развивается, так она анонимки пишет... Канализацию засоряет. Вечно судится с кем-нибудь. Милиции, конечно, глаза шелковым халатом не завесишь, так она на жалость бьет—бедная, мол, старушка. Жадная—жуть. Целый день, бывает, в очередях стоит, мешками домой таскает, а там все гниет... Еще ночью в кошку обратится и на крыше орет, чтобы людям спать не давать. Злая она, на весь свет злая, и ничего в ней нет, кроме зла. Потому и живет так долго. Злые—они знаешь какие живучие?! Ну вот, а тебе должно ее уничтожить и злодейство прекратить.

— Какая-то сплошная феминизация,—пробормотала я, подперев щеку рукой.—Ты, я, Аделаида. Мужчины повымерли, остался один дракон. Видимо, и в сказочном мире происходят те же процессы, что и в настоящей жизни...

— И вечно она за всеми следит, подглядывает,—в запальчивости продолжала Маша.—С нас, можно сказать, глаз не спускает. И наверняка она уже пронюхала, что Секстильоныч помер, и сюда прибежит, чтобы тебя перехватить. К Секстильонычу-то она не совалась—воды терпеть не может, особенно текучей...

— Кстати, о воде,—я выпрямилась.—Вы-то сами откуда воду берете? Водопровода, небось, нету?

— А нам и не надо. У нас колодец есть в огороде. Я оглянулась по сторонам. Возле забора стоял белобрый Витька и слушал наш разговор. Я помянула его.

— В чем дело знаешь, пацан?—Он молча кивнул. Веснушки на его носу побледнели.—Так вот, нужна помощь.

В последующие сорок минут я при участии старших детей произвела во дворе кое-какие действия. Затем Маша окликнула меня. Она прислонилась к забору садовой лестнице и стояла на верхней ступеньке. Спрыгнув на землю, сказала:

— Влезь и посмотри.

Последовав ее примеру, я увидела, что от города к нашей горе пылит машина. Не было никаких сомнений, что враг приближался. Я распорядилась приоткрыть ворота, а как только выйду, запереть их покрепче. Заклятье закладываем, а осторожность не помешает. Впрочем, никакого такого закладывать снаружи я не почувствовала. Села на заплеванную скамью у ворот, сорвала травинку и стала ее жевать.

Машина—синие «Жигули»—резво приближалась к подножию горы. Пару раз рыкнув, попыталась одолеть

подъем, но съехала вниз — дорога, как было упомянуто, могла считаться таковой лишь номинально. Несколько минут в машине не наблюдалось признаков жизни, потом дверца распахнулась, из нее вылезла нога в ажурном чулке, а за ногой последовала знакомая мне красавица с огромной белокурой башней на голове и в платье, дорогом и нарядном, но уже лет десять как вышедшем из моды. Вынув из лаковой сумочки зеркало, она поправила прическу и решительно направилась ко мне. Не похоже было, чтобы она спешила, и тем не менее поднималась довольно быстро.

Я взглянула на небо. Оно темнело. Положим, просто наступал вечер, но все равно вид был зловещий. На душе стало тошнотно. И ведь в стихах ничего не было сказано насчет того, останусь ли я в живых!

Опустив глаза, я обнаружила, что Аделаида в непринужденной позе стоит напротив меня.

— Добрый вечер, — очаровательно улыбаясь, сказала она.

— Привет.

— Видите ли, многоуважаемая... — она слегка замялась. Похоже, она еще не выяснила, как меня зовут, и это было хорошо. — Видите ли, объяснить причины, по которым я рискнула обратиться к вам, довольно затруднительно, но если вы позволите...

— Ну-ну, — подбодрила я ее.

— Это опасение за вас и вашу безопасность.

— С чего бы?

— Ну вот, я так и знала, что вы рассердитесь! Но, знаете, я по природе своей не переношу несправедливости...

— Да неужели?..

— Вас еще мучают сомнения? Да, эта особа уже успела отравить ваш разум своими сплетнями. Но если бы вы могли заглянуть ко мне в душу, вы не увидели бы там ничего, кроме бескорыстия и доброжелательности...

— А это мы сейчас проверим, — пробормотала я. Мне уже осточертел этот разговор. Не выношу, когда меня искушают. — Витька, давай!

Из-за забора с орудейным свистом вылетела струя воды из шланга, присоединенного к колодцу, и ударила Аделаиду прямо в переносицу. Она завертелась волчком. Несколько мгновений в пенящейся воде ничего нельзя было разобрать. Когда же первый напор чуть схлынул, превращение уже совершилось. Шипя и брызгаясь, пиная камни ногами, старуха визжала:

— Безобразие! Хулиганство!.. Вам это не пройдет!

— А преследовать одинокую женщину — не хулиганство? — заорала я. — Лишать детей образования — не безобразие?!

Коровкина вложила два пальца в рот — блеснули железные зубы — и пронзительно засвистала. В этот момент окончательно стемнело, но мне удалось заметить, что снизу, оттуда, где стояла машина (ее там уже не было), к нам несется длинное помело ручкой вперед. Не успела я глазом моргнуть, как старуха вскочила на него верхом и, отряхиваясь от воды, с гиканьем понеслась в пространство. Упустить времени было нельзя. Я оттолкнулась от земли и рванула за нею. Визг и хохот слышались где-то в черной вышине, и я постаралась развить как можно большую скорость. Это мне удалось, но технически оснащенная старуха продолжала лидировать. Я пробивала плечом воздушные течения, ветер шумел в ушах. Больше всего я боялась налететь на самолет, тем более что продвигались мы в направлении аэродрома. Зачем она туда летит, я догадывалась, но не сворачивать же с дороги!

Собирались тучи. Мрак сгустался. Вдруг Коровкина, кувыряясь на лету, сиганула вниз, точно черная комета. Не в состоянии уследить за всеми ее штучками, я на брейющем последовала в том же направлении. Под ногами замелькали острые верхушки елей. Ну, если она рассчитывала, что я напорюсь... Послышался раскат грома. Лохматые тучи толпились. Вихрь прошел

(136)

над деревьями, они зашелестели, трепеща. В глубине чащи раздался страшный шум и треск. Видимо, несколько стволов упало. Пропавшая было Аделаида взмыла свечой вверх.

Внезапно над деревьями выросла круглая, как бонок, голова на длинной прямой шее. Голова медленно поворачивалась в мою сторону. Кожа на ней была черная и скользкая, а ушей не было. Белесые глаза смотрели без выражения.

— Куси, куси ее, Феденька! — завизжала Аделаида из-за туч.

— Выжечь каленым железом, — неприятным голосом сказал дракон. Рожа у него была тупая, будто не с Тибета он явился, а прямо из ближайшей подворотни. Свалив еще с десятком елей, он поднялся на ноги. Раскрыл пасть... В детстве мне нередко приходилось драться, и у меня выработалась неплохая реакция. Прежде чем полыхнул огонь, меня снесло на десяток метров в сторону. Тогда он вздохнул, расправил с треском перепончатые крылья и сказал:

— Решительный бросок к победе.

Летел он тяжело и изрыгал пламя с короткими промежутками. Я — вытянув руки по швам, носом вперед — пыталась оторваться, но из-за огня приходилось влиять. В небесах громыхало. Какое счастье, что — ночь и в городе спать! Мысли у меня путались, и я никак не могла сообразить, что предпринять. Единственно знакомый мне способ борьбы с драконами состоял в отсечении головы, но у меня под рукой не было ни одного колющего или рубящего предмета. Какое там — бороться!.. Самой бы ноги унести... Язык огня раскачивался по небу все дальше, и мне показалось, что мои прорезиненные подошвы начали плавиться. Внизу спасительно блеснула река. Спикировав, я прошлепала подошвами по воде, и тут меня осенило. Моя сила, моя волшебная сила! Сила — но хватит ли ее? Дракон тыкался башкой по небу, ища меня.

— Догнать и перегнать, — сказал он сверху. — Искоренить до основания.

Развернуть течение, поднять реку с ее исконного русла — задача для нашего времени, может быть, и привычная, но для начинающего волшебника почти невыполнимая, особенно если эта река — Волга. Но вода и огонь — извечные враги и, вероятно, поэтому река меня послушалась. Она вздыбилась и прошла надо мной, как арка, образовав шатер со стенами многометровой толщины. А чтобы он не обрушился, я, стоя на песчаном дне, поддерживала его, подперев руками.

Дракон, обнаружив, что река вспучилась, заметил, как меня на дне и сразу выдал целый ливень огня. Находясь вне пределов досягаемости, я все же боялась, что река загорится. Однако процент нефтяных отходов, спускаемых в воду, видимо, оказался не настолько высок. Огонь зашипел и погас. Тогда дракон сменил позицию, плюхнулся на берег и попытался поджечь реку оттуда. Он дышал огнем, чихал молниями, вода уже порядочно нагрелась, но гореть не желала. Прошло не менее часа, и дракон начал уставать. По шее его бежал кадык, лапы скребли землю. Вместо огня из его пасти клубился белый пар, потом прекратился и он. Очевидно, дракон перерасходовал энергию, и запасы огня исчерпались. И все же он не уходил. Лег на брюхо и сложил крылья. Тогда я вернула реку на место и вышла на берег. Руки ныли в плечах.

Падая, река обдала берега бесчисленными брызгами, и дракон дернулся, — похоже, он не любил воды, как и его хозяйка. Увидев меня, он заворочался и прошипел, как испорченная пластинка:

— Согласно присутствию вышеозначенного объекта и отсутствию противоречащих данных приступаем к выполнению...

— А зачем? — спросила я.

От неожиданности он перестал ворочаться. Пасть его осталась открытой.

— Зачем? — повторила я. — Смысл какой?

— В срок и без потерь...— пробормотал он.
— Своими словами! — потребовала я.

Веки его захлопулись. Звук был такой, словно упали шторы. Он опустил голову, и я заметила, что из черного он постепенно становится белым. Видно было, что это состояние для него мучительно.

— Думай, думай! — безжалостно продолжала я. Непосильное напряжение сковало все его тело. Оцепенев, он серел все больше и больше. Вдруг зигаобразная морщина пробежала по его лбу, перебралась через затылок, превратившись в трещину, другие трещины обрисовались на спине, лапах, сетью покрыли крылья, и через несколько минут окаменевший дракон с сухим грохотом развалился, оставив после себя россыпь серых гранитных валунов.

С хохотом я подпрыгнула и проделала в воздухе тройное сальто. Вот это да! Знай наших! Я была рада, но в глубине души меня ничто уже по-настоящему не удивляло — ни поднятая руками Волга, ни неожиданная победа над драконом.

Взмыв еще выше, я в последний раз перевернулась, так что тучи оказались у меня под ногами, а перед глазами — тускло блестящая поверхность реки и покрытый темной тенью город вдаль. Снова прогрохотал гром, но его заглушил пронзительный вопль. Со свистом разрывая слои атмосферы, сверху падала Коровкина, крепко оседлав метлу, с прутьев которой срывались электрические заряды.

— Издевательство! — вопила Аделаида. — Над пожилой женщиной! Я найду управу! Не потерплю!..

В мятежном свете зарниц ее физиономия выглядела еще противнее. Под носом торпорила жесткая щетина, на губах каким-то чудом сохранилась помада. Бабка из очереди.

— Ишь ты, чего себе позволяют! — надрывалась она.

«Неужели это и есть облик вселенского зла?» — подумала я. И какой-то голос внутри меня тут же ответил: «Да, это один из его обликов. Зло по своей природе скучно...» Однако рассуждать было некогда. Я еле успела увернуться от ее наскока. Как действовать дальше, было пока не ясно. И что она мне может сделать — метлой разве треснуть? Нет, это не серьезно...

Я взлетела к тучам. Там должна была быть непроглядная темь, но оказалось светло от молний. Почему же нет дождя? Свистопляска с молниями длится с самого вечера, и хоть бы капля упала!.. Ах, да. Ведь это же здешние молнии, наверняка Коровкина их со всех окрестных гроз пригнала в расчете, что меня пристукнет, а я тут распорхалась!.. Пришлось раздвинуть ближайшие тучи руками и прорываться вверх. Адка снизу прокричала что-то, на секунду я ее потеряла из виду, а затем она снова явилась на своей метле, в каждой руке — о, Зевс-громовержец! — сжимая по молнии. Молнии дергались, и дергалось лицо Коровкиной, должно быть, они были горячими, и прутья метлы трещали, и она целилась в меня. Мне нечем было загородиться, а она мгновенно набрала нужную высоту и метнула их, а у меня по-прежнему ничего не было под руками, кроме воздуха, и тогда я загребла этот воздух, и тяжелая уплотнившаяся волна встала передо мной. О, как тяжел был этот воздух, тяжел и плотен, никакая броня не смогла бы сравниться с ним! Молнии ударили, срикошетили и полетели вниз, слившись по дороге в одну. Раздался страшный вой, от которого у меня желудок прилип к позвоночнику. Небо пронзила воронка, захватившая тучи, ветер, молнии, затянувшая и меня, и я, растерявшись, ничего не воображая, падала, крутясь, вниз — а может быть, вверх — не было ни верха, ни низа в этом клубке стихий...

Я пришла в себя среди развалин розового домика на горе. Прямо под ногами у меня дымились черная яма, возле нее валялась сломанная палка от метлы. Ну да, отраженные молнии поразили ту, которая их послала. Я ведь могла только защищаться — больше ни-

чего. Но что выходит: силы, данные для защиты, — гораздо больше сил для нападения?

Маша с детьми деловито вязали узлы. Потеря крови не повергла их в отчаяние. Ворота были распахнуты настежь. Они одни уцелели здесь полностью, когда мы сверзились с неба, — видно, заклиять все еще работало.

— Хороший был дом, — сказала я.

Маша, не отрываясь от работы, кивнула. Я засунула руку в карман куртки. Ключ, конечно, вылетел. Опять придется лезть в скно.

Маша надела на Витьку рюкзак, два связанных узла перекинула через плечо.

— Пстой, а я?

— Тебе туда нельзя. Ты теперь не человек, — спокойно сказала она и быстро зашагала вниз, к городу. Дети еле поспевали за нею.

Спотыкаясь о разбитые кирпичи, я подошла к краю обрыва. Наползавший с реки туман плавал у моих ног, и я была совсем одна на вершине горы.

— Эй, вы, ведьмы, колдуны, лешие, водяные и кто там еще есть! Заберите назад свою волшебную силу — не хочу я ее! Дайте мне силу, дайте разум, дайте талант быть среди людей человеком...

НЕКРОЛОГ

Николай ЛЕОНОВ

Квартира у Переваловых была что надо. Девять комнат. Автоматическая кухня-комплекс. Бассейн с генератором морской воды. Система «Уют», запрограммированная на изменение интерьера квартиры в зависимости от времени года и настроения хозяев. Электронная приставка «Мираж», способная воссоздать на террасе любой уголок Земли. Собрание книг-микрофильмов. Два стереовизора. Видеотелефон в каждой комнате...

Впрочем, в девятой комнате телефона не было. И система «Уют» на нее не распространялась — обстановка там была по-спартански строгой: «антикварная», середины двадцатого века, металлическая кровать с пружинным матрасом, тумбочка и несколько стульев той же эпохи, скромная люстра, чей-то портрет на стене, стилизованной «под штукатурку», и все.

На кровати лежал Перевалов-старший — дряхлый старик, изжелта-седой, с глубоко запавшими темными глазами и лицом, высушенным временем, как осенний лист.

Уже третью неделю Перевалов не вставал с постели. Он не был болен, просто старость брала свое. Силы его иссякали, аппетит пропал, и старик почти ничего не ел, хотя еду ему носили регулярно. Перевалов стал равнодушен ко всему окружающему. Желания больше не обременяли его. Он хотел только одного — покоя. Но как раз этого ему недоставало.

Вот и сегодня, еще до завтрака, в дверь его комнаты постучали.

— Да, — безучастно сказал старик.

Дверь открылась. Вошел внук Перевалова — давно польсевший толстяк.

— Не спишь?

— Нет, Гриша... — старик закашлялся. — Не спится.

— Как себя чувствуешь?

— Как обычно.

Внук замолчал и грузно опустился на стул рядом

1187
«Аэлита»-89

с кроватью Перезалова. Тот тоже молчал. Первым не выдержал толстяк:

— Надеюсь, ты помнишь, какой завтра день?

— Нет,— быстро ответил старик, даже не пытаясь вспомнить.

— Завтра день моего рождения. Кстати, юбилей. Три четверти века прожил...— Толстяк замялся.— Понимаешь, будет банкет... Я уже все достал. Получится на самом высоком уровне, но...

— Да договаривай уж, не тяни.

— Для полного успеха необходимо пригласить кого-нибудь из знаменитостей... Например, космонавта, который первым вылетел за пределы Солнечной системы. Ты же знаком с Чингаевым?

— Марат Чингаев? Да, когда-то нас познакомили.

— Так что, я перенесу в твою комнату видеотелефон?

— погоди, Гриша. Мне бы не хотелось этого делать.

— Но почему?! Опять ты за свое?— внук вскочил со стула и начал ходить по комнате взад-вперед, стараясь унять раздражение.— Каждый раз тебя приходится уговаривать! То ты не хочешь напомнить министру, что мое продвижение по службе идет слишком медленно... То тебе трудно наметнуть главному редактору Центрального стереоидения, что было бы неплохо пригласить меня на одну из передач... То....

— Не кричи,— кротко попросил старик,— у меня болит голова.

— Ну скажи, что ты теряешь? Ведь от этой просьбы у тебя ничего не убавится.

— Это унизительно, Гриша, как ты не понимаешь!

— Снова ты запел ту же песню. Ладно, хватит. Сейчас тебе принесут завтрак, а потом ты позвонишь Чингаеву.

Толстяк стремительно вышел, не закрыв даже за собой дверь. Старик ничего не успел ответить внуку и только грустно посмотрел вслед.

В последние годы так протекало большинство бесед Перезалова с родственниками. Они приходили к нему и просили о каком-либо одолжении. Обычно эти просьбы коробили старика, шли вразрез с его моральными принципами, выработанными в трудные дни молодости. Перезалову все время казалось, что он предает, оскверняет свое прошлое, выпрашивая у влиятельных лиц различные подачки. Пусть он делал это не для себя, а для детей, внуков, правнуков— это не оправдание.

Так считал старик, но ничего поделаться с собой не мог: если он отказывал, его просили настойчивее, требовали, кричали, и Перезалов уступал. Слабый у него был характер.

Издали слышался шум. Перезалов поднял голову. Через приоткрытую дверь он увидел в глубине соседней комнаты дочь, катившую перед собой поднос с завтраком.

Дочь была очень похожа на Перезалова: такая же сухонькая, дряхлая, седая. И общий язык с ним она легко находила. Может быть, потому, что реже остальных досаждала просьбами.

— Здравствуй,— старушка подкатила завтрак к кровати и стала поправлять подушки на постели, помогая отцу сесть.

— Здравствуй, Анна!

— Проголодался?— спросила ласково дочь.

— Нет.

— Все равно нужно поесть. Хотя бы через силу. Ну, попробуй, прошу тебя!

Старик вяло принял за еду.

— Послушай,— спустя некоторое время заговорила старушка.— У моей внучки неприятности.

Перезалов продолжал есть, машинально двигая челюстями. Внешне его лицо осталось бесстрастным, но внутри старика что-то дрогнуло.

— Понимаешь, ей не повезло со вторым мужем.

1182 Она долго терпела... Раньше я не говорила тебе об этом, чтобы не огорчать зря. А вот теперь... В общем, позавчера муж в очередной раз нахамил ей, она, естественно, ответила, и он... ударил ее.

— Что-то на него не похоже, он ведь всегда был тихоней. К тому же у твоей внучки такой характер...

— Тихоней?! Да от таких только и жди подлостей.

Таятся до поры до времени, а потом так покажут себя, что никакому буйному за ними не угнаться...

— И все же я тебе не верю.

— Ну, хорошо, допустим, он ее не ударил. Но когда-нибудь точно ударит. К этому все идет.

— Так пусть развеется.

— Она и рада бы, да этот «тихоня» хочет забрать себе и квартиру, и электрокар, и вертолет.

— Так ведь они ему и принадлежали до свадьбы?

— Замолчи. Что бы тебе ни говорили, ты— против.— Дочь присела к Перезалову на кровать и более мягко продолжала:— Я понимаю, что тебе нелегко на это решиться, но тебе же надо прилагать особых усилий. Всего-навсего позвонить Генеральному прокурору и добиться постановления о равном разделе имущества.

— Это противозаконно.

— Неважно. Речь-то идет о близком тебе человеке. К тому же, если откажешься, внучка явится к тебе сама.

Перезалов поморщился.

— Подумай,— настаивала дочь.— Лучше позвони до ее визита, а то получится себе дороже.

— Спасибо,— отодвигая тарелку, сказал старик.— Я больше не хочу. И не могу.

Старушка уловила скрытый смысл его слов:

— Ничего, сможешь. Я иду за видеотелефоном.

— Нет.

— Ну, папа... папочка,— дочь наклонилась к Перезалову и начала, как в детстве, гладить его.— Я тебя очень прошу...

Со стороны эта сцена выглядела, наверно, смешно: столетняя старуха ластится к своему еще более древнему отцу. Но Перезалова это растрогало. Он вспомнил давно минувшие времена. Это было приятно, и старик закрыл от удовольствия глаза.

Тоненький луч солнца проник в комнату, защекотал и разбудил Перезалова, вздремнувшего после обеда. Проснулся старик в отвратительном настроении: часа два назад он, пересилив себя, позвонил Генеральному прокурору, а затем — Марату Чингаеву. Родные были довольны, а старику стало совсем плохо.

Он чувствовал себя униженным, но не от того, что просил, боясь отказа. Наоборот, Перезалов был уверен, что ему не откажут. Ему просто не могли отказать — и пользоваться этим было неприятно. Конечно, и раньше Перезалову приходилось нелегко после очередного выпрашивания, но сегодня старик перенес все это значительно тяжелее.

Неожиданно в комнату ворвался праправнук Перезалова. Он всегда входил к нему без стука.

— Привет, дед. Как дела, еще не умер?

Старик не нашелся, что ответить.

— Я принес мое заявление с просьбой о внемкурсном зачислении в космошколу. Вот тебе ручка — черкни на нем по-быстрому пару строк.

— Зачем?..

— Чтоб наверняка принял.

— Я не о том. Зачем тебе космошкола, ты же собирался стать гидрологом?

— Передумал. Да ты не тяни, старик. Давай, пиши.

— А ты попробуй самостоятельно поступить. Сдать экзамены, как все.

— Ну-у, дед. Че я буду даром стараться, если можно и так. Давай, пиши.

— Не буду.

— Че? Ты че, спятил, старик? Я всем дружкам ска-

зал, что поступлю — сто процентов!

- Ну и что?
- Да они меня засмеют!
- И поделом.

Продолговатое лицо парня вытянулось, казалось, еще больше. В глазах вспыхнула злоба. Он стиснул руку в кулак и занес его над головой Перезалова.

- Ты, дед, не шути со мной. Я уже все решил.
- Не надо было решать за меня.

— Ах, так... — парень резким движением схватил старика, потянул на себя и с силой толкнул назад. Перезалов ударился о спинку кровати и застонал. Не столько от боли, сколько от бессилия. Покрытые морщинами руки старика мелко дрожали. Он хотел что-то сказать, закричать, позвать на помощь, но не смог вымолвить ни слова.

В этот момент в комнату убежала пятилетняя Олечка, младшая сестра парня.

— Здравствуй, дедушка! — очаровательно картавя, выпалила она.

Парень выругался, в сердцах отбросил к стене стул, схватил свое заявление и ушел, яростно хлопнув дверью.

Перезалов облегченно вздохнул и, с трудом шевеля языком, произнес:

— Спасибо... Спасибо, Олечка.

— А почему он так кличал? — спросила девочка, забираясь к старику на кровать.

— Видишь ли, когда человек ставит перед собой цель и пытается достичь ее любой ценой, горе тому, кто окажется на его пути. Больше всего бесит этих людей, если кто-то мешает им достичь своего... И в нашем доме есть такие люди: твой брат, например. И на пути у них вечно оказываюсь я.

— Мой братик? А кто еще?

— Твой папа и мама, твоя прабабушка...

— И он тот усатый дядя тоже? — девочка показала пальцем на портрет, висевший на стене напротив.

Перезалов медленно перевел взгляд на портрет:

— И он тоже. Он беспощадно сметал с дороги всех, мешавших ему. А мы, идя на смерть, бездумно орали: «За Родину! За...» за дядю... — старик горько усмехнулся. — Хотя зачем я все это тебе говорю, ты же ничего не понимаешь...

— Понимаю, дедушка.

— Понимаешь? Так ты не будешь такой, как они? Не будешь хоть ты огорчать своего дедушку?

— Не буду, — девочка засмеялась, точно колокольчик зазвенел, и прижалась к старику крохотным теплым телцем. — Не буду, только купи мне иглушечную лакету. купишь?

— Какую ракету?

— Такую, как у Петьки из нашего двора. А то он летает на ней каждый день, а меня с собой не берет!

— Что?..

Внезапно старик судорожно дернулся — пружины в кровати загудели — и начал жадно, по-рыбьи, хватать ртом воздух.

Девочка испуганно отскочила. Неотрывно глядя на посеревшее лицо дедушки, попыталась к выходу.

— Мама! Мамочка! — закричала она, как только отошла достаточно далеко от старика, и побежала в глубь квартиры...

К вечеру Перезалов умер.

А на следующий день во всех центральных газетах было напечатано:

«Вчера, на сто тридцать восьмом году жизни, скончался Василий Васильевич Перезалов — последний участник Великой Отечественной войны...»

БАНЗАЙ

Юрий БЛОХИН

Спускаясь по трапу на землю этой восточной страны, Ник сразу же ощутил ее липкую удушающую жару.

Задание было простым. Ему предстояло всего-навсего получить визуальную информацию от местного резидента, внедренного здесь еще лет пятнадцать назад, и в тот же день, в крайнем случае на завтра, вернуться домой. Такой допотопный вид связи мог означать только одно. Информация была крайне необходима, а резидент, видимо, был «под колпаком». Человек из службы разведки всеевропейского компьютерного концерна, на который Ник работал последние пять лет, дал ему понять, что предстоящую поездку Ник должен рассматривать как поощрение за операцию, блестяще им осуществленную на американском континенте.

Уверенный в исходе дела, Ник взял с собой лишь небольшую сумку через плечо, чем вызвал удивленный взгляд таможенника. Прогулявшись по зданию аэропорта и убедившись в отсутствии «хвоста», Ник вышел на прилегающую площадь, прямо к автобусной стоянке. Как всегда, в город он поедет автобусом, поскольку к помощи такси прибегал лишь в крайнем случае.

Первое, что сразу же бросилось Нику в глаза, так это собаки. Нельзя сказать, чтобы их было множество, но все же они были — и самых немислимых пород. Одна из них, деловито обежав Ника, пристроилась рядом. У нее, как ни странно, были раскосые глаза, и Ник тут же окрестил ее Банзаем.

Автобус отправлялся в город через двадцать минут, и Ник в сопровождении четвероногого аборигена пошел поискать, где бы перекусить. Под каким-то дырявым навесом он обнаружил небольшой бар, в котором хозяйничал очень худой и старый европеец. Ник заказал чашку двойного кофе и пару бутербродов с семгой для себя и Банзая. К его удивлению, угощение пес просто-напросто проигнорировал. Ник ногой пододвинул бутерброд под самый нос Банзая, но тот отбежал чуть в сторону и сел, проигнорировав тем самым уже и Ника.

«Губа толще — брюхо тоньше», — с досадой подумал Ник, прикончил завтрак и пошел к автобусу. В дверях оглянулся — Банзай сидел на прежнем месте и глядел прямо на Ника.

Через полчаса не слишком быстрой езды Ник был в городе. Выходя из автобуса, он увидел сидящего неподалеку Банзая. Пес смотрел куда-то в сторону, Ник отметил про себя отсутствие признаков усталости на его морде. Как только Ник ступил на землю, Банзай закрутил головой, вскочил, обежал его кругом и завил хвостиком.

Ник не возражал. До сеанса связи оставалось еще около двух часов, и общество Банзая вполне могло скрасить одиночество. Он послонялся по местным магазинчикам, даже заглянул на базар, успешно отбиваясь от назойливых продавцов. Банзай крутился рядом и не собирался его покидать.

С приближением сеанса Ник потихоньку стал продвигаться к месту встречи. По инструкции он должен был сесть за столик в тени уличного кафе как минимум за десять минут до сеанса и принимать информа-

цию от резидента, сидящего в таком же кафе на противоположной стороне улицы.

Резидента он узнает по фотографии, которую ему показали перед самым отъездом, в то время как тот, во избежание провала операции, не знал и не должен был знать, кто придет на эту связь. На передачу резиденту отводилось два дня, со сдвижкой на час начала сеанса во вторые сутки. Это на случай непредвиденных обстоятельств. В свою очередь, Ник не знал кода цифровой информации, которую должен был получить от резидента. Его дело запомнить все и побыстрее вернуться назад.

Вот и нужное кафе. Ник выбрал место, с которого отлично просматривались все столики на той стороне улицы. И, развалившись в кресле, принял откровенно скачущий вид. Заказал подошедшему официанту для пробы рюмку местного пойла, закурил сигарету.

Резидент появился за пять минут до сеанса. Ник узнал его сразу: немолодой, спортивного вида мужчина. Он сел, вопреки здравому смыслу, за столик в первом ряду, прямо на солнце. Значит, информация будет короткой, это облегчало Нику задачу.

Резидент подозвал официанта, это был знак начала передачи. И хотя их разделяла улица, Ник почувствовал, что резидент слегка обеспокоен. Но уже через минуту Ник был весь внимание. В этой стране он был впервые, наследить не успел, так что ему-то опасаться было совершенно нечего.

Резидент вытаскил расческу (шестерка), сделал пять расчесывающих движений и, сдув с расчески волосы, положил ее в другой карман (семерка). Так, 657... Потом достал пачку сигарет (снова шестерка), вытаскил из нее губами сигарету, извлек зажигалку (четверка) и двумя затяжками прикурил сигарету. Так, 642... Покрутил в руках зажигалку и положил ее не в карман, а на столик. Готовая комбинация — 123. Потом взял со столика газету, опять готовая комбинация — 132. Листнул раз, другой, сделал две затяжки и, откинувшись назад, углубился в чтение. 221 и перекур. Через пару минут сложил газету и точно рассчитанным, внешне небрежным движением бросил ее на столик. Газета свалилась на пол и ее пришлось поднять. Две комбинации — 222 и 333. В это время официант принес резиденту стакан какого-то напитка. Манипуляции с ним, зажигалкой и сигаретой дали еще несколько комбинаций.

Сеанс длился не больше десяти минут. Резидент подозвал официанта, обозначив конец передачи, расплатился с ним и ушел. Назавтра он придет на час раньше и в точности повторит свою процедуру. Но только Ник уже будет дома. Он запомнил передачу до мельчайших подробностей и в самолете воспроизведет ее на бумаге.

Он проводил резидента долгим, со стороны отсутствующим взглядом, и тут его взор обратился на Банзая. Тот смотрел в том же самом направлении. «Что за чертовщина?» — страхнул с себя Ник подспудно возникшее беспокойство.

Поглощенный передачей, Ник даже не обратил внимания, когда официант принес его заказ. Содержимое рюмки оказалось не таким уж и плохим. Он бросил на столик банкноту и, не дожидаясь сдачи, в сопровождении Банзая направился в сторону автобусной стоянки.

Они шли по узкой малооживленной улочке. Банзай семенял впереди, метрах в двадцати, изредка оглядываясь. Навстречу им двигался желтый пикапчик, на каждой из дверей которого была нарисована собачья морда, перечеркнутая большим черным крестом. Пока Ник собирался свистнуть своему спутнику, чтобы предупредить его о грозящей опасности, пикапчик выстрелил нейлоновой сеткой и накрыл Банзая. Пес вел себя на удивление спокойно. Ник уже мысленно распрощался с ним, но то, что произошло, заставило его оцепенеть.

Над сеткой, уже оторвавшейся от земли, взвился небольшой дымок, и из образовавшейся дыры вывалился Банзай. Дыра имела характерные оплавленные края.

Ник похолодел. Это был провал! Значит, едва ли не с трапа самолета он оказался «под колпаком» этого чуда электроники в образе собаки, а то и нескольких. Резидента уже наверняка взяли и скоро будут потрошить. За Ником понаблюдают и тоже возьмут... От такого позорота событий Ник остановился, не в силах тронуться с места.

Пикапчик не задержавшись, проехал дальше, а Банзай, как ни в чем не бывало, побежал к Нику. Ник с оцепенением глянул на него и, шагнув навстречу, с силой пнул под живот. Банзай описал дугу и без характерного визга рухнул на спину.

Механика внутри Банзая оказалась не слишком высокого качества: вскочив, он стал описывать правильную окружность. Ник вышел из зоны его действия, на перекрестке остановил такси и до самого аэропорта, изредка оглядываясь, ждал погони. Но ничего подозрительного не было, и он несколько успокоился. В аэропорту Ник сразу же купил билет на ближайший рейс из этой проклятой страны. На него уже шла регистрация; Ник поднялся на второй этаж и стал наблюдать за залом. Он не тронулся, даже когда оповестили о посадке, и только после объявления конца ее проявил себя в качестве пассажира...

До самолета оставалось метров тридцать, как вдруг что-то заставило Ника оглянуться. И вовремя: прямо на него во всю свою электронную прыть несли Банзай или его двойник, сжимая в зубах какой-то черный пакет.

Ну, вот и все! Ник перекрестился и в ожидании взрыва отрешенно закрыл глаза...

Из оцепенения его вывел нетерпеливо-вежливый голос стюардессы:

— Послушайте, вы не раздумали?

Ник открыл глаза. Пакет лежал у самых ног, а Банзай уже мчался в обратном направлении. Толщина пакета опасений не вызывала.

— Простите, иду! — отозвался Ник.

Пакет оказался обыкновенным конвертом. Ник сунул его в карман и поднялся в самолет. Распечатать конверт он решился только после набора высоты.

В конверте оказалась объемная открытка, вместо изображения представлявшая собой записку следующего содержания: «Рады были с Вами познакомиться. Спасибо за помощь. Информацию и ее источник советуем забыть. Вы ведь еще так молоды! Если у Вас возникнут какие-либо затруднения, приезжайте, мы это обсудим. Ваши будущие друзья».

Ник едва успел прочесть записку, как буквы стали бледнеть и вскоре совсем исчезли. Вместо них на открытке обрисовалась знакомая морда. Он чуть повернул открытку — и Банзай, как Ник и ожидал, подмигнул ему раскосым глазом.

НЛО над Уралом?

Ничего удивительного. Аномальные атмосферные явления (ААЯ) много лет наблюдают в разных районах планеты. Урал — не исключение.

Большинство наблюдавшихся ААЯ получили свое объяснение. Это запуски ракетносителей, отразившиеся в верхних слоях атмосферы за сотни километров от старта; сгорание падающих на Землю остатков спутников и ракет, которых тысячи скопились на околоземных орбитах. Вулканический пепел, а более всего — промышленные выбросы, сгущаясь, образовали в атмосфере такие «кривые зеркала», что в них причудливо мيراжируют самые обычные огни: восход Венеры, извержения вулканов, ракетные запуски, карьерные взрывы и даже сполохи электросварки... Однако остаются еще необъяснимые явления.

К примеру, «Черный принц», замеченный несколько лет назад многими обсерваториями. Неизвестное космическое тело обнаружилось потому, что, двигаясь, перекрывало свет звезд. При этом оно оставалось абсолютной черным. Ни один земной спутник пока не способен полностью поглощать световые лучи. Необычность была еще в том, что «Черный принц» двигался с востока на запад. Все земные космические аппараты запускаются в противоположном направлении — с запада на восток, при этом само вращение Земли подталкивает их, помогает выходу на орбиту. Нерационально тратить до 15 процентов мощности ракетносителя, чтобы просто поменять направление движения спутника, который к тому же и на орбите будет тормозиться рассеянным шлейфом земной атмосферы, вращающимся вместе с планетой. Проследовав, видимо, мимо Земли, таинственный объект исчез. Навсегда ли?

Странную закономерность заметил я по сообщениям нашей и зарубежной печати об ААЯ. Они как бы группируются то над одним, то над другим районом. Серии наблюдений их кочуют по планете. Неужели дошла очередь до Урала? За два месяца — три свидетельства очевидцев. Вначале разговоры о светящемся шаре над свердловским цирком. Затем в редакцию пришло письмо от нашего читателя из села Ключ Ачитского района Свердловской области В. И. Шилова.

Валерий Иванович сообщает, что 16 марта жители села стали свидетелями интересного явления. Около 19 часов на небе появился светящийся объект с небольшим бесформенным «хвостом». Он медленно летел с запада на восток. Полет продолжался около 30 минут, в конце его «хвост» угас, осталась звездочка и вдруг она выбросила новый «хвост», наподобие взрыва, и исчезла. Валерию Ивановичу удалось сфотографировать таинственное явление. Он прислал нам негативы. Публикуем отпечатки с них (слева направо, по направлению движения объекта, в том порядке, как пронумерованы кадры на пленке).

Настораживает последний кадр: как похоже на комету! (О болиде я не говорю — тот пролетает за считанные секунды, оставляя длинный дымный след.) Но, как из-

вестно, солнце заходит на западе. Значит, «хвост» сфотографированного объекта направлен как раз на солнце. В то время как хвосты комет тянутся в противоположную от Солнца сторону: «солнечный ветер» гонит кометную пыль.

Необъяснима для атмосферного полета и малая скорость движения летящего объекта. Не говоря уж о мгновениях полета как естественных метеоритов, так и искусственных — остатков спутников и ракет, — напомним, что реактивные самолеты и подобные им аппараты пересекают небосвод за считанные минуты, но уж никак не за полчаса. При такой угловой скорости движения объекта возможна и космическая его линейная скорость, но тогда он должен находиться на таком расстоянии от Земли, где уже нет и части атмосферы, трение о которую раскаляет тела до свечения. В нашем случае светящийся «хвост» можно принять за выхлопы работающих двигателей.

И третье свидетельство очевидца. Рассказывает писатель-фантаст, доктор технических наук Сергей Александрович Другаль:

— 26 апреля в 23 часа 10 минут я заметил из окна своей квартиры (неподалеку от свердловского железнодорожного вокзала) сияющий цветом звезд шар величиной с лунный диск. Он летел на высоте примерно 3—8 км от Сортировки в сторону Химмаша, т. е. с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Скорость движения: от горизонта до зенита — 15—20 секунд. От шара исходило 3—5 лучей в сторону, противоположную движению. Лучи сильно расходящиеся, длиной 15—20 километров, яркие, затем затухающие. Когда объект скрылся за соседним домом, лучи лишь постепенно теряли яркость свечения. Это явно не инверсионный след, а световые лучи, похожие на работу двигателей световой энергии, т. е. фотонных.

Это не был болид, я сам видел болид в 1953 году в Усурийске — ничего похожего.

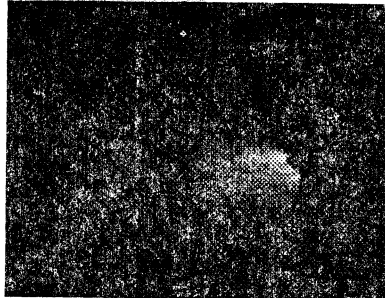
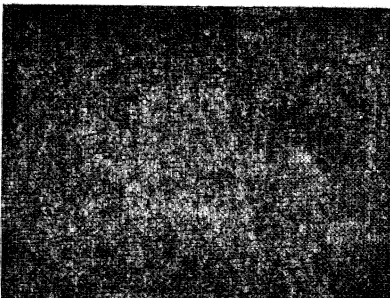
В момент пролета шара над районом вокзала в вычислительном центре Свердловской железной дороги, по словам дежурного механика, выключились ЭВМ.

В нашем НИИ железнодорожного транспорта, по словам вахтера, на несколько секунд погас свет, потом снова загорелся.

...Что это было? Похоже и на земной объект. И все же...

Ах, как хочется поскорее встретить братьев по разуму! Как хочется верить, что все-таки есть они где-то во Вселенной. Кто хоть раз в жизни испытал одиночество, тот поймет эту тоску землян...

Впрочем, я не могу, не имею права подводить вас к мысли об инопланетных визитерах, опираясь на приведенные факты. Ничего, ничтошеньки не доказано... И вообще, внеземные цивилизации — тема для отдельного, большого разговора. О научных поисках их во Вселенной мы расскажем вам в следующем году.

СЭР ГУДВИН- ПОЖИРАТЕЛЬ КОРАБЛЕЙ

Лев СКРЯГИН
Рис. Николая Мооса

ЗАГАДКА ЗЫБУЧИХ ПЕСКОВ

Резкий дребезжащий звонок судового телефона прервал шахматную партию в каюте.

— Поднимитесь на мостик. Мы на подходе к Дуврским утесам. Я покажу вам Песчаного хамелеона, о котором мы вчера спорили,— сообщил Джон Финли, капитан кувейтского теплохода «Ал Сабахиа».

Я был страшно обрадован. Еще бы! Наконец-то представилась возможность воочию увидеть одно из самых удивительных мест на Земном шаре— фантастическое кладбище кораблей, будоражившее мое воображение еще в детстве.

С левого крыла ходового мостика, почти прямо по курсу, белели на фоне мрачного неприветливого неба Британии отвесные меловые скалы Дувра.

— Смотрите вправо от того мыса, где стоит красный плавающий маяк. Вот оно, проклятое моряками всех стран место,— сказал капитан и протянул мне двенадцатикратный бинокль.

Сквозь мощные линзы отчетливо был виден скалистый мыс Саут-Форленд и за ним— обширная песчаная отмель. Как раз начинался прилив, и мутные струи воды с одной стороны дружно наступали на серо-желтые пески. То и дело в поле зрения бинокля попадали чернеющие над водой, похожие на могильные кресты мачты с реями, ржавые трубы и наполовину занесенные песком корпуса стальных сухогрузов. Это и были знаменитые Гудвин Сэндз— мели Гудвина,— самое большое кладбище кораблей на Земном шаре. Оно находится в шести милях к востоку от юго-восточной оконечности Англии, простираясь по меридиану на тринадцать миль, достигая в ширину примерно пять миль. Фактически— это обширная группа песчаных банок, которые местами мелеют, обнажая двухметровый слой песка. С наступлением прилива, который идет здесь со скоростью восьми миль в час, пески начинают «оживать». Они меняют свою форму, постепенно передвигаясь то в одну, то в другую сторону. Говорят, что за последние тридцать лет они «прошли» на юг две мили.

— Эти коварные пески напоминают хамелеона,— продолжал Финли,— похоже, что они приспосабливают свой цвет к цвету моря... Эх, сколько обманутых и сбитых

с толку капитанов привели свои суда на верную гибель!

За год плавания на кувейтских теплоходах «Ал Сабахиа» и «Ал Джабариа» между портами Персидского залива и Северной Европы мне удалось побывать четыре раза близ этого морского кладбища. Я расспрашивал английских лоцманов, беседовал со многими капитанами и не упускал возможности достать и прочитать все, что попадалось по истории этих гигантских мелей. Старинные лоции Английского канала, хроники страхового «Ллойда» и многие описания былых кораблекрушений позволили воссоздать в какой-то степени мрачную родословную Гудвинских песков.

У англичан нет единого мнения, почему на самом оживленном месте мировых морских путей неожиданно образовалась эта чудовищная мель. Геологи считают, что она возникла в результате эрозии дна моря. Гидрографы объясняют ее появление в данном месте встречей сильных приливно-отливных течений океана с течениями Английского канала, Северного моря и Темзы. Один из известных английских геоморфологов Чарльз Лайал утверждает, что несколько столетий назад на месте мелей был остров, который в 1099 году опустился ниже уровня моря.

ВЕЛИКИЙ ПОЖИРАТЕЛЬ КОРАБЛЕЙ

Английские морские хроники свидетельствуют, что на протяжении тысячелетий Гудвинские пески являлись местом постоянных кораблекрушений. Еще в середине века моряки дали этим мелям очень меткое определение— «Великий пожиратель кораблей». Оно как нельзя лучше характеризует крутой нрав этих обманчивых песков. О них не раз упоминает и Вильям Шекспир. Например, в «Венецианском купце» говорится, что корабль Антонио с ценным грузом «потерпел крушение в этих стесненных водах, называемых Гудвинами, очень опасными, плоскими и смертоносными, где остовы многих судов покоятся».

Страховщики «Ллойда», который уже почти три века ведет учет всех морских аварий, давно сбились со счета погибших здесь судов. Стоимость застрахованных ими кораблей, погибших на Гудвинских мелях за последние двести лет, они определяют в 250 миллионов фунтов стерлингов, а число пропавших здесь людей— в 50000.

Лоцман, который проводил наше судно в устье Темзы, утверждал, что в чреве Песчаного хамелеона покоятся боевые триремы Юлия Цезаря, который в 43 году нашей эры не совсем удачно высадился к северо-востоку от Дувра, покорил обитателей коварного Альбиона. Английские капитаны рассказывали мне, что над триремами римлян лежат останки острогрудых людей, «жителей моря» — викингов Скандинавии. Они навечно прижаты дубовыми остовами тяжелых галеонов «Непобедимой Армады», разгром которой, начатый королевским пиратом Фрэнсисом Дрейком, довершил в 1586 году сильный шторм.

Над испанскими галеонами, в песках, мирно спят вселявшие когда-то ужас в сердца ганзейских и венецианских купцов пиратские бригантины и корветы. Где-то рядом с ними покоятся английские фрегаты и барки XVI века, набитые черным деревом, слоновой костью и драгоценными камнями, награбленными в Индии и Африке. Вся эта канувшая в Лету армада парусников сверху прижата стальными корпусами современных сухогрузов и танкеров.

Песчаный хамелеон не считался ни со временем, ни с размерами кораблей. Он проглатывал свои жертвы без разбора, пожирал все, что попадало ему в пасть. А попадало немало пищи, столько, что он даже не успевал ее переваривать. Рассказывают, что в 1959 году английские геологи взяли с Гудвинских песков образцы грунта и сделали анализ. Оказалось: извлеченные пятнадцатиметровые столбы грунта содержали песок, перемешанный с полусгнившими деревянными кусками корабельных частей и ржавого железа...

«Почему корабли оказывались на мелях? Разве они не могли их обойти?» — вправе спросить читатель.

Было и есть три основных причины попадания судов в ловушку Гудвина: штормы, которые выносили беспомощные парусники на пески, туман, лишивший судоводителя видимости и возможности точной ориентировки, и сильные течения, сносившие корабли с курса.

Если судно оказывалось на мели и его до наступления отлива не удавалось снять, то оно навечно оставалось в плену Великого пожирателя.

Парусные корабли имели полукруглое днище и, оказавшись на суше, не могли оставаться без подпорок на ровном киле: они валились набок. Когда такой корабль попадал на мель и с отливом пески осыхали, он ложился на борт. С наступлением прилива, когда мели покрывались пятиметровой толщей воды, течение заливало обреченное судно, прежде чем оно успевало принять нормальное положение. Обычно на третий-четвертый день зыбучие пески засасывали парусник полностью. Если судно оказывалось на мели будучи выброшенным штормом, то его участь решалась еще быстрее: волны и прилив опрокидывали и заливали корабль мгновенно.

С пароходами и теплоходами дело обстоит немного иначе. У этих судов плоское днище, и, попав на мель, в отлив они оставались на ровном киле. Но с первым же приливом течение намывало с одного борта корабля гряду песка, вымывая его из-под другого борта. На третий-четвертый день судно опрокидывалось на борт, вода заливала его помещения с палубы. Если пароход оказывался на мели носом или кормой по направлению к течению, то песок вымывался из-под днища в районе носа и кормы: корпус судна провисал, и пароход разламывался пополам. Это обычно происходило с тяжело загруженными пароходами.

ДАНИЭЛЬ ДЭФО ПОЛУЧАЕТ ПИСЬМО

Британский остров от Гудвинских песков отделяет довольно широкий и судоходный пролив — Галл-Стрим. В южной части этого пролива, напротив городка Дил, есть удобный для якорной стоянки рейд, носящий название Даунс. Издавна на этом рейде, в ожидании благоприятного ветра, отстаивались суда, направлявшиеся из

Лондона в Атлантику, или суда, шедшие в столицу Англии. Они ждали на этом рейде очередного прилива для прохода в устье Темзы.

Когда дули восточные ветры, мели Гудвина служили надежным естественным прикрытием для стоявших на якорях кораблей. Но стоило ветру задуть с запада, как морякам грозила опасность оказаться в объятиях зыбучих песков. И, как правило, если при начавшемся западном шторме вовремя не удавалось поставить паруса и выбрать якорь, корабль оказывался жертвой Гудвинских песков.

Так в ночь с 26 на 27 ноября 1703 года здесь погибла эскадра английских кораблей под командованием адмирала Бьюмонта. Это случилось в ту ночь, когда на Британские острова обрушился один из самых сильных ураганов, когда-либо известных англичанам. Особенно пострадал район между Бристолем и Лондоном, где число человеческих жертв составило тридцать тысяч человек. О том, что творилось в ту страшную ночь на Гудвинских песках, известно из письма, которое спустя несколько дней после катастрофы получил автор «Робинзона Крузо» Даниэль Дефо от своего друга — командира корабля «Шрюсбери» Майлса Норхилла. Вот выдержка из этого письма:

«Я надеюсь, что это письмо застанет Вас в полном здравии. Мы уходим отсюда в плачевном состоянии, ожидая каждую минуту пойти ко дну. Здесь страшный шторм, который по всей вероятности еще продолжится. Рядом с нами стоял корабль контр-адмирала Бьюмонта «Мери». Это судно погибло с адмиралом и 300 моряками. Со всеми людьми погиб корабль «Нортумберленд». Со «Стирлинг Касла» спаслось всего 69 человек. Почти со всей командой погиб и «Ресторейшн». Те немногие, кому удалось спастись, попали на наш корабль. Шторм имел ужасную силу, ветер так ревел, что заглушал выстрелы из пушек, которыми несчастные пытались привлечь к себе внимание. Наш корабль сорвало с якорей и пронесло в 60—80 ярдах от мелей. Если бы наш запасной якорь сдал, то мы бы все утонули. Я благодарю Всевышнего, что по его милости мы спаслись. На мелях мы насчитали около сотни торговых кораблей — покореженных и полузатопленных. Мы с ужасом смотрели, как их моряки карабкались на мачты, взывая о помощи. Но их всех смыло волной и они погибли. Все это я видел своими собственными глазами и никогда не забуду».

Известно, что Дефо, получив это письмо, отправился осмотреть место разыгравшейся драмы и позже написал об этом урагане очерк.

ЖЕРТВЫ ПЕСЧАНОГО ХАМЕЛЕОНА

На протяжении многих веков Гудвинские отмели не были ограждены ни буями, ни маяками или, как выражаются моряки, оставались без навигационного ограждения. Достоверность большинства морских карт XVI—XVIII веков являлась весьма сомнительной. Да и как эти мели можно было точно нанести на карту, если они беспрестанно меняли свою форму!

Английские купцы не раз обращались к своей Ко-

роне с просьбой поставить в районе смертоносных песков маяк. Отдельные изобретатели предлагали Адмиралтейству на рассмотрение свои проекты по укрощению «пожирателя». Так, некий Гоуэн Смит разработал план осушения зыбучих песков, превращение их в «зеленый остров с деревьями и пастбищами». За все это он просил у лордов Адмиралтейства тысячу фунтов стерлингов, доказывая, что если с проходящих судов брать маячные сборы, то затраты окупятся в течение года. Но проект Смита остался на бумаге.

Британское Адмиралтейство расщедрилось лишь в 1795 году, поставив на мысе Саут-Форленд маяк. Вернее, это был не маяк, а деревянная вышка, на площадке которой по ночам жгли костер. Однако пользы от этого сооружения было немного: огонь лишь приблизительно указывал место мелей.

В 1802 году на мелях оказался заблудившийся в тумане большой трехмачтовый корабль Голландской Ост-Индской компании «Фрегейда». Он исчез в песках на третий день вместе с 454 пассажирами и моряками.

Трехсот моряков не досчиталось Британское Адмиралтейство в 1805 году, когда в песках Гудвина завяз военный транспорт «Аврора». Эта утрата вызвала в Англии негодование общественности. Возмущенные лондонцы потребовали у парламента укротить Великого пожирателя, и в том же году Адмиралтейство вынуждено было поставить на отмелях плавучий маяк. Он ограждал Гудвинские пески с севера и получил название «Норт Гудвин». С трех других сторон мели оставались неогражденными и число кораблекрушений почти не уменьшилось.

Английский адмирал Кохрейн выдвинул идею поставить мощный маяк в центре Гудвина, но попытка возвести на столь зыбком грунте каменный фундамент маяка окончилась провалом: Гудвин поглотил две баржи с гранитными глыбами и железными сваями. Английским гидротехникам ничего не оставалось, как поставить еще один плавучий маяк — «Вест Гудвин».

Но все равно Великий пожиратель продолжал неистовствовать. Наиболее тяжелыми утратами в то время были крушения в 1814 году английского линейного корабля «Куин» и одного бельгийского почтово-пассажирского пакетбота. Ненасытный Гудвин засосал в свое чрево вместе с этими судами всех находившихся на них людей.

Укрощение Гудвинских песков шло удивительно медленно. Третий плавучий маяк «Саут Гудвин» поставили спустя лишь четверть века после второго — в 1832 году, а четвертый — «Ист Гудвин» — только через сорок два года после третьего маяка. За это время Англию не раз потрясали сообщения о разыгравшихся на Гудвинских мелях трагедиях. Наиболее ужасной из них была катастрофа английского королевского парохода «Виолетта». Это судно, имея на борту несколько сотен пассажиров, скрылось в зыбучих песках на глазах подошедших на помощь спасателей...

В Лондоне, в штаб-квартире страховщиков «Ллойда», я просматривал старинные, в тяжелых сафьяновых переплетах книги, где зарегистрированы погибшие суда. В этих мрачных хрониках человеческих трагедий часто встречаются даты, в которые пожиратель кораблей поглощал сразу несколько судов. Зарегистрированы здесь и корабли с одинаковыми названиями, но погибшие в разное время. В 1909 году парусно-винтовой пароход «Махратта» погиб, следуя из Индии в Лондон. А в 1939 году второй, уже более крупный пароход «Махратта» завяз в Гудвинских песках в 200 метрах от своего несчастного тезки, на пути из Лондона в Индию...

ГОДОВОЕ МЕНЮ ГУДВИНА — 12 ПАРОХОДОВ

Окончилась вторая мировая война. Зажглись огни плавучих маяков Гудвина и его десяти буев, оборудованных мощными туманными ревунами и подводными

колоколами. Казалось, что в мирное время миролюбиво проявит себя и пожиратель кораблей. Аппетит же песчаного хамелеона после войны разыгрался не на шутку. За один лишь 1946 год он проглотил дюжину судов. Причем не каких-нибудь рыбацких суденышек, а новых океанских пароходов водоизмещением более десяти тысяч тонн каждый.

Первой жертвой Гудвина в 1946 году стал американский военный транспорт «Ларей Виктор». Он направлялся с грузом пшеницы из Балтимора в Бремен. В Английском канале судно попало в густой туман и продолжило свой курс по счислению, то есть руководствуясь гирокомпасом, лагом и картой. «Ларей Виктор» сел на мель чуть ли не в самой середине Песков и через несколько часов переломился пополам. Экипажу парохода удалось спастись.

Более драматичной была вторая катастрофа того злополучного года — в пасть пожирателя попал пароход «Гелена Моджеска» с ценным грузом в три миллиона долларов. 12 сентября 1946 года это судно прочно застряло в песках у южной оконечности Гудвина. В течение четырех дней восемь мощных спасательных буксиров стаскивали его с мели. Но вырвать 10-тысячтонное судно они не могли. «Гелена Моджеска» переломилась пополам на пятый день, груз ее спасти не удалось. А капитан застрелился.

Нет необходимости перечислять все погибшие суда. Стоит лишь заметить, что из этой дюжины десять переломилось пополам.

Гудвин проглотил двенадцать современных транспортных! Как такое могло случиться? Отчасти в этом было повинно как Британское Адмиралтейство, так и капитаны торгового флота, особенно США (из 12 погибших судов шесть были американскими).

Оказалось, что еще во время войны Адмиралтейство обязало капитанов всех английских торговых судов и судов союзников, направлявшихся со стороны Атлантики в Северное море, заходить на рейд Даунас. Здесь, на рейде, капитанам судов под личную расписку вручались пакеты с секретными инструкциями для прохождения минных полей Северного моря. Этот порядок, известный под

названием «Правила получения маршрутной информации для плавания в водах Северо-Восточной Европы», действовал и в 1946 году. Таким образом, все суда, проходящие Ла-Манш с запада, вынуждены были почти вплотную подходить к пожирателю кораблей, хотя их курс был проложен вдалеке от этого морского кладбища. Правило это отменили после того, как были уничтожены многочисленные минные заграждения Северного моря.

Часть вины в кораблекрушениях на Гудвинских песках лежит и на капитанах погибших судов. Они, ведя свои корабли с Атлантики, стремились не упустить время прилива и сразу же войти в лондонские доки. Поэтому они прокладывали курс проходом Галл-Стрим, что сокращало время прибытия в устье Темзы на два часа по сравнению с более безопасным курсом вокруг восточной оконечности Гудвинов. При этом они не брали лоц-

мана и шли на свой риск этим опасным путем ночью и во время тумана.

Старый английский лодман, который проводил наш теплоход проходом Галл-Стрим в устье Темзы, рассказывал, что ни на одном из шести погибших американских судов не было лодмана.

ПРОГЛОЧЕННЫЙ МАЯК

Дюжины проглоченных пароходов оказалось недостаточно для пожирателя кораблей. За последующие годы он скрыл в своей утробе еще добрую полсотню больших и малых судов. Наиболее трагичная из этих катастроф произошла ночью 27 ноября 1954 года.

В эту ночь в Английском канале свирепствовал сильный шторм. Десятки судов терпели бедствие. В эфире то и дело слышались призывы о помощи. В Ирландском море разломился пополам либерийский танкер «Уорлд Конкорд» водоизмещением свыше 35 000 тонн. Потом чья-то радиостанция передала, что погас огонь плавучего маяка «Саут Гудвин». Попытка радиостов спасательной станции Рамсгейта выйти на связь с маяком ни к чему не привела. И только тогда сигнальщики мыса Саут-Форленд сквозь штормовую пелену брызг заметили, что плавучий маяк исчез со своего штатного места.

На рассвете, когда шторм стал стихать, Гудвинские пески облетел самолет. Его пилот увидел «Саут Гудвин» в северной части отдели отброшенным на правый борт и наполовину затопленным водой. Гигантские волны, смешанные с песком, свободно перекачивались через погибший корабль. На борту плавучего маяка пилот заметил человека, отчаянно размахивавшего рукой, зывавшего о помощи. Через пятнадцать минут над растерзанным маяком повис вертолет и выбросил вниз проволочный трап. Человека спасли.

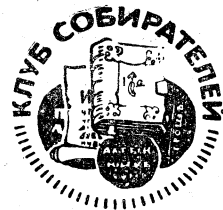
Наутро центральные английские газеты вышли под такими заголовками: «Великий пожиратель не унимается!», «Новая драма на Гудвинских песках», «Песчаный хамелеон Гудвина начал жрать самого себя!», «Зыбучие пески Гудвина съели свой маяк!», «Саут Гудвин» в ненастном чреве Великого пожирателя!».

Морским специалистам казалось невероятным, что катастрофа произошла с плавучим маяком — сооружением, специально рассчитанным на ураганной силы ветер и самый сильный шторм. Ведь два его огромных грибовидных якоря могли удерживать на месте не то что тридцатиметровый маяк, а настоящий линкор. Катастрофа произошла так быстро, что команда «Саут Гудвина» даже не успела передать по радио в эфир сигнал бедствия.

«Авария якорного устройства?», «Внезапная потеря устойчивости?», «Злой умысел?» — эти вопросы мучили специалистов. Но они так и не получили ответа. Единственный очевидец трагедии — Рональд Мартон — не смог им помочь. Он не был членом экипажа «Южного Гудвина». Его командировали на маяк для наблюдений за перелетом птиц. Он был орнитологом.

Алексей
БЛИНОВ

ЛЮБОВЬ С ПОНИМАНИЕМ

Еще до Великой Отечественной войны ленинградец Венедикт Федорович Якубовский занимался собиранием фольклора. Он имел связи со старыми рабочими, чаще всего Выборгской стороны, крестьянами разных уездов Северо-Запада, солдатами. Записывал народные песни, частушки, пословицы, поговорки, характерные выражения, предания.

В одиннадцати школьных тетрадях — 217 народных песен. Исторические и свадебные, игровые и хороводные, семейные и любовные, рекрутские и солдатские, шуточные и сатирические. Выразительная песня, которую записал Венедикт Федорович в казармах 3-го стрелкового полка в Петрограде в 1918 году:

Кратким росчерком пера
Церковь упростили
И убраться со двора
Бога попросили.
Очень просто бог земной
Правил много лета
И уволен на покой
Волею Совета...

Солдаты пели ее на мотив народной песни «Раз в крещенский вечерок девушки гадали» на слова В. А. Жуковского.

А вот слова другой песни, ее сложила ленинградка А. Т. Пушкарева:

СОЛЛОВЕЙ КУКУШКУ УГОВАРИВАЛ:
«ПОЛЕТИМ, КУКУШКА, НА ЗЕЛЕН КУСТИК,
МЫ СОВЬЕМ, КУКУШКА, ТЕПЛО ГНЕЗДЫШКО,
ВЫВЕДЕМ, КУКУШКА, ДВУХ ДЕТЕНЬШЕЙ...»

В тетрадях Якубовского 2136 частушек! Каждая имеет свой номер, указаны города и деревни, где записывались. Частушки говорят о жизни, о любви и ее перипетиях, о работе в колхозе, службе в армии, о разлуке. Есть частушки грустные, но веселые, шуточные и озорные гораздо больше.

В отдельных тетрадях — сотни пословиц, поговорок, присловий, характерных выражений. «ЛИШЬ ЧУЖИМИ ГЛАЗАМИ МОЖНО ВИДЕТЬ СВОИ НЕДОСТАТКИ», «РАННЯЯ ПТАШКА НОСИК ПРОЧИЩАЕТ, А ПОЗДНЯЯ — ГЛАЗА ПРОТИРАЕТ», «ВСЯ СИЛА В КАПУСТЕ, А ВСЯ ПРЕМУДРОСТЬ ВО ШАХАХ», «ИСТИННАЯ КУЛЬТУРА НЕ В ОБРАЗОВАНИИ, А В ВОСПИТАНИИ», «ЗВЕРЬ СЛАВЕН СИЛОЮ И ЛОВКОСТЬЮ, А ЧЕЛОВЕК — УМОМ», «В ХОЗЯЙСКОМ СЧЕТЕ И КОПЕЕЧКА В ПОЧЕТЕ», «ДРУГОГО ВЫРУЧИШЬ И СЕБЯ ВЫУЧИШЬ» — вот немногие образцы его творчества.

Все записи народного творчества по завещанию Венедикта Федоровича (он скончался 7 марта 1976 года) Антонина Владимировна передала Институту этнографии Академии наук СССР.

После ухода собирателя на пенсию в 1958 году главным его интересом стала история Ленинграда. «У каждого здания своя история и судьба, каждое несет черту столетия рассказ о жизни своих обитателей и о событиях минувшего времени», — это изречение Анатоля Франса любил повторять Якубовский. Он составил историко-топографический справочник, насчитывавший свыше тридцати тысяч карточек. В них данные о прежнем расположении улиц, площадей, кладбищ и некрополей, об известных и малозвестных представителях науки, культуры, общественных и военных деятелях, проживавших в тех или иных домах. С большой полнотой представлен Невский проспект. Здесь сведения не только о всех 190 домах, но и о сотнях квартир, о различных предприятиях и учреждениях. Большую помощь собирателю в выявлении источников оказывал член-корреспондент Академии наук СССР Д. А. Завалишин, внук известного декабриста-моряка Д. И. Завалишина.

Эту уникальную картотеку Антонина Владимировна передала в Музей истории Ленинграда.

Богатая история русского Севера тоже интересовала В. Ф. Якубовского. Он принимал активное участие в воссоздании после войны Соловецкого историко-архитектурного и природного музея-заповедника, куда отправил около 150 фотографий и негативов с видами монастыря, кремля, церквей, гидротехнических сооружений. На фотографии запечатлен быт монахов и послушников...

В Лужский историко-краеведческий музей переданы планы города Луги за 1909 и 1930 годы, десятки почтовых открыток и фотографии отдельных зданий, вырезки из газет, коллекция денежных знаков России за XIX век.

Архив Якубовского... Он поможет фольклористам лучше познать различные грани народного творчества, знатокам города на невиских берегах откроет новые страницы его истории, воспитает у будущих граждан уважительное отношение к культурному наследию. «Только любовь, связанная с пониманием, способна сохранить прекрасное былое от разрушения», — как современно звучат эти слова, записанные собирателем полвека назад!

ИМЯ В ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Алексей ЧЕЧУЛИН

Фото Игоря Горячева

Уральский город Асбест всегда брал индустрией. И велось считать, что в культурном отношении он, конечно же, «дыра». Ладно бы дожид до наших дней профессиональный театр «Пролетновъ», работавший в городе на стыке 20—30-х годов, а так и зацепиться не за что.

Это теперь, когда мы открыли для себя уроженца Асбеста выдающегося графика Николая Аввакумова (1908—1945) и назвали его именем одну из улиц, когда завоевал популярность мемориальный музей художника, когда в городе прошла организованная Союзом художников РСФСР большая персональная выставка рисунков Николая Михайловича из фондов Третьяковки, Русского музея и других именитых художественных хранилищ страны, вряд ли кто осмелится утверждать, что только камнем и характерен город горного льна.

Николай Аввакумов, его младший брат Павел Аввакумов, тоже талантливый художник, умерший, к сожалению, молодым, Петр Миронов, чья судьба до сих пор остается загадочной,— рисунки этого асбестовца, сделанные еще в 15 лет, высоко ценили нарком Луначарский, художники Малявин, Якулов, за рубежом мальчика сравнивали с Леонардо да Винчи,— могли бы составить славу и не такого города, как Асбест.

Продолжают традиции мастеров даровитые художники: Владимир Абаскалов, Геннадий Никитин, Вячеслав Брюханов, Олег Мамаев, Павел Попов, Вячеслав Целуйко... И есть среди них художник, которого в какой-то мере можно сравнить с Пиромсани,— Нина Ивановна Варфоломеева.

Она работала маляром в стройгруппе ОРСа комбината «Ураласбест» и не помышляла о живописи ни во сне, ни наяву. И на пенсию вышла с думой о бабушкиных заботах, а началось совершенно иное... Переполнило ее желание взять в руки кисть и рассказать свою жизнь и судьбы дорогих ей людей.

О гениальном Нико у Паустовского сказано так: «Он писал сразу—законченно, просто, бросал несколько мазков, линий, оставлял вместо черной краски чистую клеенку, писал так, как мы говорим, пьем, как плачет ребенок, как хочется красноречий кинто...» Варфоломеева тоже написала сразу—чисто и взволнованно и в мгновение обрела себя. С той поры пишет жадно, много, словно наверстывая упущенное время.

Из искусствоведческой рецензии о персональной выставке Нины Ивановны: «Приходите на выставку и убедитесь, сколько правдивости, поэтической свежести и духовного здоровья в работах Варфоломеевой. Их читаешь, как книги. Вот одна из них—«Мой дом». Незатейливость убранства крестьянского жилища, за окнами ночное небо—поздний вечер. А в комнате уютно от человеческого присутствия, тепла, каждый занят своим обычным делом. В этой атмосфере сквозит прятание жизни, ощущение чего-то глубокого, устойчивого, важного для человека. Мир, ограниченный стенами крестьянской избы, предстает вместилищем ясности и человеческого тепла».

Варфоломеева пишет, как дышит, как живет—тихо, скромно. Манера ее, как и у всех ее предшественников, начиная с Гогена и Руссо, чуть плоскостна, пропорции смещены. Ее непосредственные, наивно-поэтические работы чисты и прекрасны, в них—взгляд мудрого чело-

века на мир. Ее работы хорошо принимают в Свердловске и Москве.

Крестьянский труд—основа сюжетов «Сенокоса», «Молотьбы» и других полотен. Косари в белых рубашках, женщины в новых цветастых кофтах вышли в луга, как на праздник. Художница изображает их любовно, не забыла и себя—подросток на лошади возит конны, помогая старшим.

Комментарий Нины Ивановны к «Уборке урожая в 30-е годы», закупленной Суздальским музеем народного творчества: «До обеда я бойко работаю. И вдруг—кровь из носа. Я стою да плачу: они вяжут снопы, а я нет, отстану ведь...»

Варфоломеева продолжает рассказывать свою жизнь в картинах «Похороны в деревне», «Женщины в войну», «Лесорубы», «Зимой. Военные годы», «Дальняя дорога»... Это большое, настоящее, заставляющее думать искусство. Один господь знает, что он положил в душу пожилой женщины, оборотив ее к творчеству, как и 90-летней бабушку Майкову с речки Тверцы.

Из рассказа Нины Ивановны: «Очень люблю изображать природу, цветы, лес. Но мне всегда хочется, чтобы там были люди или животные, чтобы все в картине было живое».

И она пишет радостные пейзажи. Сейчас подует ветерок—и облачки пушинок взметнутся с одуванчиков; тут же черемухи, яблони, травы... Сколько света, замешанного на цвете, в таких произведениях, как «Май», «Летний луг», «Ромашки», «Лужайка»...

Из рецензии: «Самый обыкновенный, знакомый всем мир в работах Нины Ивановны опозитизирован. Светлые чувства жизнеутверждения, красоты, гармонии и оптимизма несут людям ее картины».

В международной энциклопедии народного творчества, изданной в середине 80-х годов в Югославии, среди многих одаренных мастеров, вошедших в искусство без диплома художественного вуза, нашлось место и для нашей Варфоломеевой, представленной репродукцией картины «На озере». Бесхитростная аллегорическая композиция: на ярко-зеленой траве в окружении сказочных деревьев и цветов застыли волшебные олени. Легкий шорох—и они скроются в чаще или отважно бросятся в зеркальную прохладу озера.

Имя в энциклопедии—это уже широкое признание таланта.

А еще я бы мог рассказать о редком мастере Викторе Тумове. Он занимается уникальным ремеслом—художественной ковкой металла по собственной методике. О нем и его творениях в Свердловске вышла книжка. Цветы, подсвечники, бра, люстры, художественное оформление зеркал, часов... Число работ Тумова подбирается к сотне.

Одна из композиций, особенно дорогая художнику тем, что выполнена из цельного куска меди, находится в Музее кузнечного искусства, что в Москве. Она называется «Цветы вместо ракет».

Народный художник
НИНА ИВАНОВНА ВАРФОЛОМЕЕВА

Мальчики убегают от медведя

Натюрморт с цветами

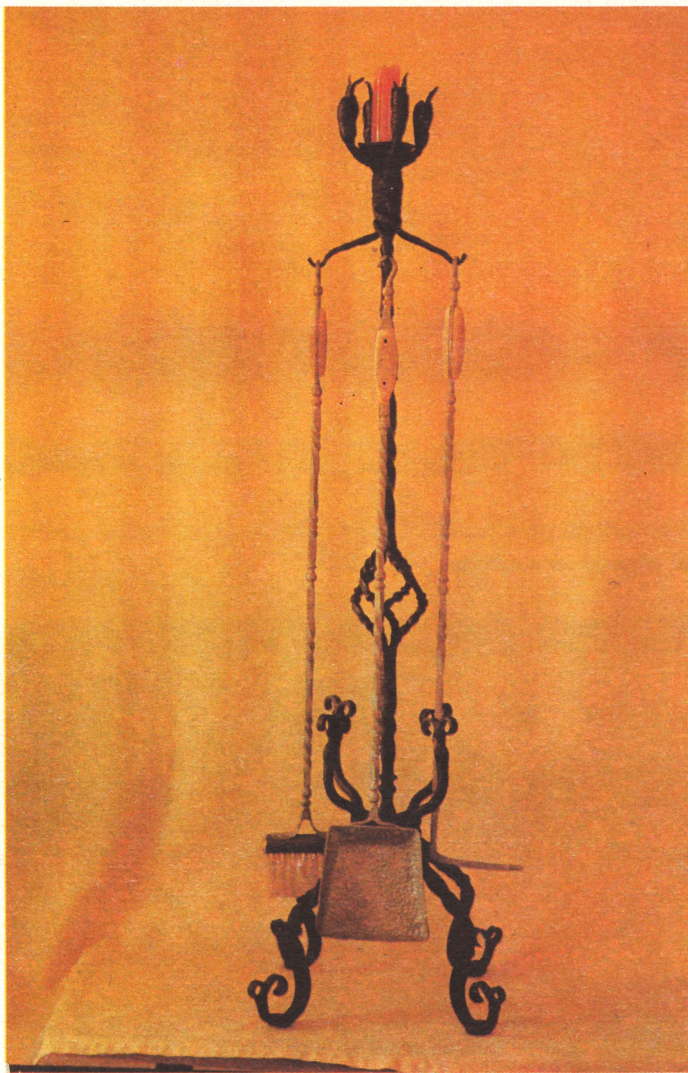
Дальняя дорога

Олени в лесу

Пейзаж

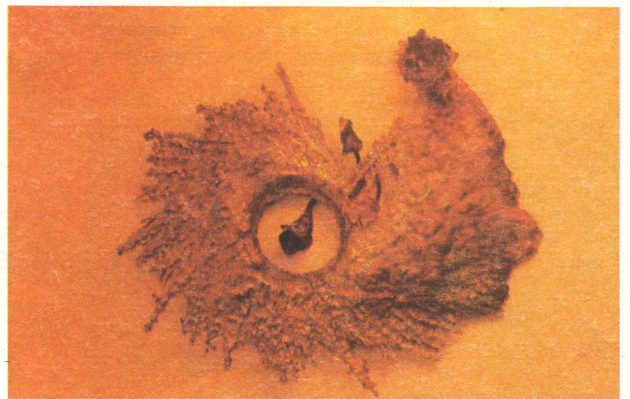

Каминные принадлежности

Цветок

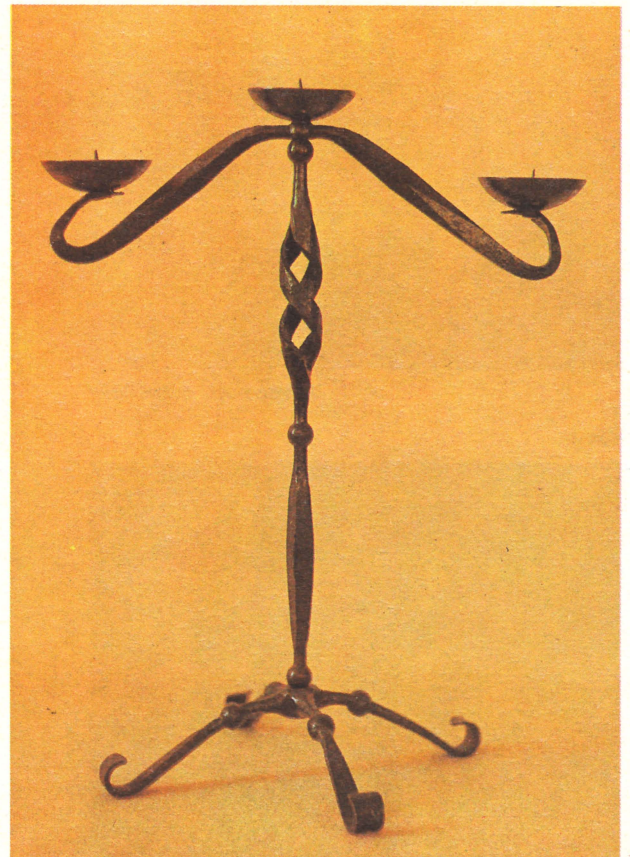

Кузнец ВИКТОР ТУМОВ

Настенное украшение

Подсвечник

ВГЛЯДЫВАЯСЬ В ЛИЦА ДОМОВ...

Владимир ЛЮБИМОВ

Брожу по старой Вятке. Вглядываюсь в лица домов. Дивлюсь и бессильно хочу помочь. Им и себе.

Раньше было проще. С грустью разводил руками, мол, нет худа без добра: на костях старого вырастет город-сад! Потом заворожила наивная идея связать старые дома с именами знаменитостей и революционеров и таким образом остудить разрушительный пыл чиновников от архитектуры. Сейчас, потупя взор, мямлю: лучше бы ничего и не знать... Зачем переводить бумагу и портить отношения с уважаемыми людьми, если шутя-играючи, разметав пол-Вятки, они уже молчаливо согласились на город-призрак с табличками на месте памятных домов и планово обсудили-утвердили, чему из оставшегося быть, а что надлежит снести? Зачем подбирать ключи к заброшенному дому, если выбиты стекла? Выскивать памятные места в городе, которого завтра не будет? Разве не достаточно просто фотографии, чертежа, макета, мраморной доски? «Здесь стоял дом, в котором...».

И все-таки мы ищем, подбираем ключи к уходящей, ускользающей Вятке. Авось, пригодятся... Обязательно пригодятся! Ведь кто мы есть без нее? Нищие во злате, чужаки на родной земле, художники без природы...

Вот уже без малого два десятка лет дом № 16 (бывш. Шуравиных) по улице Энгельса в Кирове украшает мемориальная доска с барельефом предтечи космических полетов. 10 апреля 1988 года здесь открыт музей К. Э. Циолковского, авиации и космонавтики.

В отличие от флигеля Ивановой (дома детства Саши Гриневского, в будущем писателя А. С. Грина), который был снесен в начале нашего века, все жилые постройки Шуравиных сохранились. Это собственно дом купцов-мещан Шуравиных, двухэтажный полукаменный флигель с антресолями и подвальным помещением и надворный флигель. Во всех трех домах имелись квартиры. В каком же шуравинском доме жил К. Э. Циолковский? Увы, архивные книги пока не дали четкого ответа.

Обратимся к подворной книге 1873 года. Первыми из шуравинских квартирантов в ней названы Циолковские, затем Копиченко — присяжный поверенный Николай Васильевич и его мать. Знатки старой Вятки утверждают, что у Копиченко в свое время жил Ф. Ф. Павленков, замечательный русский издатель-просветитель, за свои демократические убеждения сосланный царским правительством без суда и следствия в Вятку на восемь с лишним лет*. В нынешнем октябре, кстати сказать, исполняется 150 лет со дня рождения Флорентия Федоровича. Возникает и захватывает интереснейший поиск: если Павленков жил у Копиченко, а Копиченко жил в одном доме с Циолковскими, то не были ли Циолковские и Павленков соседями? Чтобы подтвердить или опровергнуть эту версию, необходимо проследить все вятские адреса Копиченко, Павленкова и Циолковских. Начнем с пристанищ Павленкова.

Казалось бы, здесь все разложено по полочкам. Вятским годам подвижника книжного дела посвящено немало

страниц. Но разные исследователи ходили, что называется, не по одним и тем же адресам. Существует несколько маршрутов, и все они не без изъяна.

Ф. Ф. Павленков прибыл в Вятку 16 июля 1869 года и, как вспоминает писательница М. Е. Селенкина, был поселен в доме, где жил ее дальний родственник Михаил Никанорович Кувшинский. Установить местонахождение этого прибежища Павленкова пока не удалось. Известно лишь, что в конце 1864 года, т. е. за 5 лет до приезда Павленкова, Кувшинский вместе с другими семинаристами жительствовавший в доме мещанки Суслопаровой на Никитской улице. Любопытную деталь об этом доме зафиксировали «Вятские губернские ведомости» в 1877 году: его хозяйка дала объявление с предложением пятирублевой награды тому, кто выведет из дома тараканов...

Следующий адрес издателя, тоже извлеченный из воспоминаний М. Е. Селенкиной, связан с именем Н. В. Копиченко, но о нем мы поговорим ниже. Далее так называемый «дом Епифанова» (Дрелевского, 22). До сноса он считался памятником истории и был отмечен мемориальной доской, благодаря якобы проживанию в нем Павленкова. Первое упоминание об этом сохранила рукопись П. Н. Луппова «Культурно-исторические экскурсии по г. Вятке» (1932 г.). Однако в домовых книгах тех лет уже в 1871 году Павленков среди жильцов этого дома не значится. Более того, архивные книги единодушны в том, что дом этот никогда не принадлежал Епифанову.

Кто же такой Епифанов и какое отношение он имел к Павленкову? Некоторую ясность внесла книга библиографа Г. Е. Чудовой «В те далекие годы». Оказывается, в письмах Флорентия Федоровича к казанскому издателю Н. Я. Агафонову (первое — от 30 апреля 1877 г.) есть просьба присылать ответы в Вятку на имена Н. П. Епифанова и О. Э. Авейде. Если со ссыльным дворянином Оскаром Авейде Павленкова могла связывать сословная общность, единые интересы, то с безвестным Епифановым, скорее всего, лишь общее жилье. В вятские годы Павленкова Епифановы действительно жили на Никитской и, как всякие домовладельцы центральной части города, имели квартирантов. И вот в домовый книгу 1873 года в графе временно проживающих обнаружился «поручик Ф. Ф. Павленко». Видимо, именно на эту квартиру наведывались с обысками жандармы, именно отсюда Павленкова препроводили в тюрьму.

Думается, Флорентий Федорович не случайно оказался у Епифановых. Чуть ли не в каждом доме по Никитской, между Преображенской и Пятницкой, тогда жили ссыльные, в основном поляки. Здесь была своего рода колония, которая, естественно, притягивала всякого, оказавшегося в Вятке не по своей воле. Среди жильцов соседнего с епифановским дома наследников чиновницы Королевой (сейчас Володарского, 85) находим ссыльного художника Андриолли. После его отъезда место занял другой ссыльный, некто Курилов. В доме отставного рядового поляка Червинского (сейчас Володарского, 91) жили «в услужении» два поляка-дворянина. Уже упоминавшийся литератор Н. П. Кувшинский также поселился в этом доме. Такая концентрация «политических» была удобна и для жандармов. Так что, возможно, квартиру Флорентий Федорович сам и не выбирал.

* О Павленкове см. «Уральский следопыт» № 12, 1981 г.

18 сентября 1874 года после обыска Павленков был заключен в Вятский тюремный замок, где находился около года. Потом его высылают в Яранск. А вновь в Вятке он оказывается 27 ноября 1876 года. Домовые книги утверждают, что «состоящий под надзором полиции дворянин Павленко» квартировал во владениях мещанина Трещалова на Царевской улице. Ныне на их месте новое здание Дома художников (Свободы, 74). А в канун своего отъезда из Вятки (28 ноября 1877 года) издатель жил в деревянном флигеле Репиной.

Итак, адреса Павленкова хорошо прослеживаются лишь с половины — конца 1873 года, а до этого он проживал где-то с М. Н. Кувшинским и у Н. В. Копиченко.

Учитель Нижегородской гимназии, юрист по образованию, Николай Васильевич Копиченко очутился в Вятке в 1864 году как участник Казанского заговора. Летом 1870 года с него сняли польшейский надзор и жил он в доме купца Гусева на Преображенской (до сноса — Энгельса, 4). Потом он, видимо, выезжал из города, а возвратившись в Вятку, стал младшим чиновником особых поручений в канцелярии губернатора и жил в доме мещанина Покидкина на Пятницкой улице (дом давно снесен), а затем становится квартирантом у Шуравиных.

Существуют таким образом еще три адреса, по которым в начале 70-х годов прошлого века мог проживать Павленков, наши поиски не отвергли возможности его соседства с Циолковскими у Шуравиных. Но мы уточнили, что это могло быть лишь с конца мая 1872 по ноябрь (или даже лето) 1873-го. В это время Циолковские и Копиченко снимали весь верхний этаж планового флигеля — это 10 комнат, включая антресоли. У Копиченко в это время и мог квартировать Павленков. Под ними жили купец Силин, активный читатель публичной библиотеки, и учитель греческого языка мужской гимназии Редников (впоследствии директор Самарской гимназии). В хозяйском доме обитали пятеро гимназистов, включая братьев Шуравиных, впоследствии привлекавшихся по делу о «Большом обществе пропаганды», и Аркадия Чарушина — члена народнического кружка. Копиченко позднее также переехал в хозяйский дом, его место занял адъютант губернского жандармского управления, штабс-капитан Потулов. Не это ли соседство способствовало тому, что по приезду из Москвы Константин Циолковский снял отдельную от семьи квартиру, и не по наущению ли этого служак за ним закрепилась репутация вольнодумца?

Это все предположения. Зато доподлинно известно, что Ф. Ф. Павленков бывал у Шуравиных. В архивном деле сохранилась своего рода «объяснительная» вятского полицеймейстера: «06.08 сего года в 8 часов вечера проезжал я по Преображенской улице мимо дома мещанина Шуравина, где квартировал земский врач Португалов, и заметил, что у Португалова сидят г. Председатель Губернской Земской управы Колотов и состоящий под надзором полиции Павленко, которые и пробыли тут до полуночи...»

Даже бдительному полицейскому оку было бы трудно что-либо заметить, если бы Португалов квартировал в надворном флигеле или будь он соседом Циолковских: первый этаж планового флигеля неизменно оставался за Силиным, а окна второго были много выше уровня глаз. Так что, скорее всего, оставившее след в секретных бумагах событие имело место в ныне разрушенном хозяйском доме.

БОЛЬШАКОВЫ из починка ДОР

Никслай БОЛЬШАКОВ

Начну с шутки, которую я слышал не раз. Жили в Костромской области Романовы и Большаковы. Романовы пошли в Москву в цари, а Большаковы 400 лет тому назад поселились в лесной глуши около реки, где грибы, рыба, малина и мед. Романовы царствовали, а Большаковы корчевали лес, расчищали бурелом.

Сергей Большаков, сбежавший в глухомань от притеснений помещика в 1755 году, построил здесь первую избу. Строил одним топором из круглых бревен. Печной трубы не было, в маленьком окне вместо стекла — пузырь овцы. Деревню назвали Дор. В наших местах крупный мусор называют дор. Был бурелом — дор среди леса. Его расчистили для посева и строительства. Говорили: изба на дору, починок Дор, затем деревня Дор. Дор — древнее русское слово. От него произошло другое — дороба. От Сергея, первожителя, пошел род Большаковых, и мой отец, «цусимский» моряк Павел Иванович.

В километре от деревни Дор проходил гужевой тракт на Великий Устюг. Предки мои работали по обслуживанию этой большой по тем временам гужевой дороги. Ремонтировали, обслуживали станционные ямские дома. Подвозили туда сено, овес и сами ездили на дистанцию до следующего ямского дома. Так было до 1891 года, когда построили великую сибирскую магистраль.

Романовых свергли, а Большаковы выпрямились и пошли в люди. В родную деревню отец — матрос II-й статьи — вернулся в 1906 году. Шел ему 33-й год, за плечами 11 лет службы в царском флоте, участие в знаменитом цусимском бою. В костромской деревушке в 116 км от железной дороги жили два его женатых брата, 14 человек ютились в одной избе. У отца не было никаких средств, кроме крепких рук. Женился и сразу построил себе избу. Не успел закончить строительство, как стали появляться дети. До 1921 года родилось шестеро сыновей: Федор, Иван, Петр, Николай, т. е. я, затем Константин и Василий. Только величайшее упорство, бережливость, воля помогли одеть, обусть, прокормить большую семью. Сами ткали, выделывали овчины, катали валенки, выращивали лен, а из льна и пряжа, и масло, собирали ягоды, грибы. Плели лапти, корзины из ивы, пестри из бересты. Все умели вязать на спицах прикопотки (носки), варежки, шарфики. Матери одной было трудно, и мужичины делали много женской работы.

Отец Павел Иванович и мать Анна Дмитриевна всей душой приняли Советскую власть. В числе первых вступили в колхоз «Муравейник». Жить по справедливости, уважать свой и чужой труд — такую жизненную мудрость получили мы от родителей. Отец, помню, говорил: «плохое плохим и кончается», «всякое ремесло хорошо, кроме воровства»...

Никто из его сыновей не сошел с правильного пути, все выросли честными тружениками, Федор и Иван строили Горьковский автозавод. Потом туда приехал и Костя и Василий. Прошли через бараки и иные трудности, несравнимые с теперешними. Иван вырос от рабочего до начальника ОТК цеха автоматов. Младший Василий стал шофером первой легковой машины, появившейся в нашем Вохомском районе. Шофер тогда звучало почти как космонавт.

Но вот «сорок первый ударил огнем». Все шестеро братьев оказались в шинелях. Василий, будучи шофером, с первых часов войны вывозил раненых с границы. В ночь на 22 июня он был дневальным и первый в автобатальоне принял приказ тревоги. Те дни и ночи живут у него в памяти, хотя неездил по фронтным дорогам Украины, Польши, Германии, Чехословакии тысячи километров. Войну закончил в Праге. Но работа войны продолжалась. Вывозили из Германии награбленное фашистами имущество, целые заводы. Затем вывозили немецкое — по репарации. Много у Василия воспоминаний. Был несколько дней в плену, бежал. Его машину разбивало осколками снарядов, самого ранило. Залечивал раны и снова в строй.

Василий до последнего времени работал зав. гаражом Вохомского леспромхоза. Перенес две тяжелые операции и теперь на пенсии.

Константин тоже служил в армии, рядовым, и тоже рано утром принял первый сигнал о начале войны. Он мечтал быть учителем, поступить в педагогический институт. Но случилось так, что военная служба заняла в его жизни главное место. Почти 23 года отдал армии. Служил под непосредственным руководством маршалов Крылова, Малиновского, Толубко. Демобилизовавшись, вернулся в Горький, работал инженером. Также перенес две тяжелые операции. Сейчас на пенсии.

Я, мой старший брат Федор, третий от роду Петр и его приемный сын Евгений воевали под Ленинградом. После войны вместе с «красными следопытами» я ходил по местам боев, где погибли Федор, Петр, Евгений и ранило меня. Нашел Клубыкина Виктора Ефимовича, командира взвода, с которым служил. Он и рассказал о Феде. Саперный батальон ставил противотанковые мины

«Ям-5». Ночью, когда минирование закончили, стали отходить в траншею, а сержант Большаков остался на поле, чтобы проверить маскировку мин и сделать привязку для составления документации. Федор ползал по полю от мины к мине. Немцы его заметили, осветили и открыли по нему минометный огонь... В похоронной сказано: «Погиб на поле боя от тяжелых ран, в госпитале не был. Похоронен на городском кладбище в г. Колпино». Шел 124-й день войны...

Петр до войны работал директором Сольвычегодской средней школы Архангельской области. Участник войны с белофиннами. 22 июня 1941 года он сдал последний экзамен в Ленинградском заочном педагогическом институте. Случилось так, что мы с Петром, сами того не зная, воевали в 6—8 километрах друг от друга. В августе 1941 года у развязки Сорokino шел тяжелый переломный бой. В нем погибло много наших, погиб и Петр. Я дважды ездил на места боев. С «красными следопытами» Усадищемской средней школы побывал во многих деревнях, показывал фотографию брата. Нашел дом, в котором он ночевал последнюю ночь перед наступлением. Очевидцы рассказали, что поле у д. Сорokino было усыяно трупами наших воинов в шинелях, шапках, валенках, а поле у д. Куколь чернело морскими бушлатами. Метель трупы замела, и только весной женщины собрали и похоронили их. Рассказывают еще, что в одной из деревень немцы захватили раненого лейтенанта (может быть, это был мой брат) и распяли его на дверях сельсовета в д. Куколь. На теле вырезали звезду и португалью, приколотили к дверям еще живого. Когда наши освободили деревню, то первые прибежали сюда подростки. Лейтенант был еще теплый. Кто он, никто не знает...

Приемный сын Петра лейтенант Евгений Глушков, командир саперного взвода, в августе 1942 года ехал на фронт через развязку Сорokino не зная, что именно здесь погиб его отец.

Я написал много писем однополчанам Евгения и вот наконец получаю письмо из Москвы от бывшего замполита батальона майора Рыжкова Александра Сергеевича. «Мы стояли в лесу за Выборгом недалеко от озера Лесное Большое. Разбитые немецкие и финские части выходили из окружения и оказались в расположении полка. Все проходило ночью. Боевое охранение фашисты вырезали. Они действовали только финками. Саниструктор Анна Картыш первая обнаружила чужих в расположении полка, закричала и сразу была убита. Лейтенант Глушков услышал крик, схватил автомат и в упор расстрелял несколько фашистов, а сам был смертельно ранен.

Благодаря его выстрелам, удалось поднять спящих бойцов и принять бой. Группировка немцев и финнов была обезврежена. Взято в плен более 300 человек. Евгений Глушков, Анна Картыш, а также бойцы, погибшие в эту ночь, были захоронены на берегу озера».

На берегу озера Лесное Большое я нашел две хорошо ухоженные могилы — Евгения и медсестры А. Картыш. Другие перезахоронены, а эти две могилы остались на берегу живописного озера, где расположены два больших дома отдыха: объединения «Электросила» и завода «Ижорец». Здесь принимают в пионеры, в комсомол, приезжают молодожены.

Так погибли отец и сын, оба лейтенанты, оба командиры, коммунист и комсомолец. Уезжая на фронт, Петр снял с руки часы и отдал жене. Время трудное, пригодятся. Мария Ивановна передала часы сыну Евгению. Когда Евгений погиб, она получила посылку. В маленькой коробочке лежали часы и записка: «Евгений Глушков просил выслать часы матери...» Внука Петра и Марии тоже назвали Евгением. Ему и вручили памятные часы.

Теперь одно воспоминание о собственной фронтовой молодости.

Наш батальон 3-й гвардейской стрелковой дивизии получил задание пройти за ночь 10-километровое заминированное болото и утром, когда начнется общее наступление, захватить дорогу, по которой немцы держали связь тыла с передовой. Всю ночь мы шли по пояс в торфяной жиже, держась за веревочку. Комбат шел впереди и специальным свистком посвистывал по-птичьи. На рассвете мы захватили дорогу. Держать ее нужно было только сутки. Но основные силы подойти не смогли, и мы держали ее трое суток. На вторые погибли все офицеры. Я остался один с маленькой группой бойцов. Казалось, уже израсходованы все силы. И вот здесь я вспомнил три березы под окном моего деда и прадеда — в центре нашей деревни Паговец (бывшее название Дор) Костромской области. В этом доме жили все мои предки. Березы украшали не только дом, а всю деревню, давали тень и чистый воздух, берегли от молнии и пожара. Думаю, что эта моя малая Родина, все, что связано с ней, и помогли мне выстоять в том бою...

Василий СНИГИРЕВ

Рисунки
Николая Мосса

Глухая елань

В густых лесах всегда хочется найти светлую поляну. Такую еланушку мы нашли по течению маленькой речки Танай. Речушка эта прятала свою чистую воду в густом черемушнике, ольховнике и ивняке, часто пропадала под корнями деревьев, так она добиралась до большой лесной реки и вместе с ее водами пополняла лунную красоту Башкирии — реку Ай. В одном месте верхнего течения Танай, сделав небольшую петлю правым берегом, подошел к лесной полянке, где мы с товарищами держали маленькую любительскую пасеку. Мой напарник Григорий Семенович соорудил на речке крепкую запруду и вот — вышел из берегов лесной ручей, образовавшийся небольшой пруд почти целиком укрылся в зарослях донника и малины. Немудреное наше жилище мы соорудили под склонившейся старой липой на самой кромке поляны.

Работа с пчелами занимала мало времени и можно было долгие часы наблюдать из шалаша за тайной лесного мира. Иногда в наш пруд приходили лоси, ложились прямо в воду или подолгу стояли в прохладе воды. Не раз показывались дикие козы. Большие всего было встреч с шустрými лесными курочками-рябчиками: они приходили и прилетали на лесную поляну с разных сторон, нередко заглядывали в наше жилище, испугавшись, улетали и... через полчаса — может, эти же самые — вновь появлялись на виду у нас. По ночам прямо над нашими головами или в стороне раздавался скрипучий хохот филина, иногда этот разбойник не давал спать всю ночь.

Была у нас маленькая грядка, вскопанная под лук, ее всю распушили рябчики, стали появляться глухари, сначала редко, потом почти каждый вечер — мелких камешков для этих гостей было на грядке достаточно.

Однажды пара глухарей прилетела на елань ранним утром, походила около разрытой гряды, выскивая галечки. Мы заметили, как шагах в десяти зашевелилась трава — похоже, неведомый зверь полз в сторону птиц. Они, не чуя опасности, спокойно склевывали камешки, рылись в сероватой земле. Птицы собрались уже улетать, как из травы мелькнула серая тень зверька и хищник схватил за шею большую, крепкую птицу. Лесные пегухи взметнулись в небо. Глухарь, несший смертельную ношу, стал отставать. Но вот, к нашей радости, маленький четвероногий хищник с перьями в зубах с трехметровой высоты полетел вниз и, приземлившись, тут же скрылся в густой траве.

В тот день мы соорудили простую ловушку, поса-

дили в нее мышонка и сумели заманить лесного хищника — горностая, унесли его подальше от елани и выпустили в лес.

Может, и не он сделал разбойное нападение на глухарей, но через неделю на нашей лесной поляне побывала глухарка со своим выводком, порылась на грядке и, никем не вспугнутая, увела свое семейство в глубь леса.

Последняя охота

Проход Кузьмич, работавший конюхом в колхозе, с ранней осени стал готовиться к охоте на тетерево: в трех местах на опушках лесных островков возле сжатых пшеничных полей соорудил хорошие шалаша, приготовил сухие длинные шесты, подчистил нижние сучья у скрадов на разлапистых березах.

Первые заморозки, первый снежок... Сколько бы лет ни прошло, всегда эта новь природы наполняет охотника радостью, много раз пережитые волнения трогают новыми оттенками незабываемых минут.

В эту осень гостила у стариков внучка, городская жительница Аленушка. В субботний вечер Проход Кузьмич сходил к своему старому другу Михайлу Ефимовичу договориться о чучелиной охоте. Когда старик вернулся домой, внучка подробно стала расспрашивать о предстоящей поездке деда в лес с тряпичными большими птицами, а под конец сказала:

— Я поеду с тобой!

Не подготовленный к такому повороту старик стал отговаривать внучку: охота — дело не женское, в лесу холодно, а по утрам бывают заморозки, может даже снег пойти, да и звери в лесу — и бегающие, и прыгающие, и даже летающие хищники...

— Вот это все я и посмотрю! — выслушав, сказала Алена и даже ножкой притопнула.

В разговор вмешалась бабушка, жена Прохода Кузьмича. Совсем неожиданно она поддержала внучку:

— Если Аленка сказала, что поедет — значит, бери ее с собой.

Пришлось старому охотнику всю провизию на завтрашний день собирать заново: в сумку укладывались пирожки, печенье, кульки с конфетами и прочая легкомысленная снедь. К каждому пакету давалось подробное бабушкино наставление, когда и как есть Аленке каждое яство, при этом о старике не было сказано ни слова — должен прожить день на святом охотничьем духу...

Тревожную ночь провел старый охотник перед такой небывалой охотой. Утром, при полуденной темноте, они с Аленкой выехали со двора на легких беговых дрожках, приехали к месту без особых приключений. Михайло Ефимович верховым на маленькой резвой лошадке ждал Прохора Кузьмича у первого шалаша. Увидав Аленку, загонщик немало удивился, но расспрашивать было уже некогда: восток начинал алеть.

Чучела расставлены, верховой уехал по кругу, дед с внучкой удобно уселись на мягкой пшеничной соломе в просторном скраде. Вместе стали наблюдать за увеличивающейся светлой полосой востока и чутко прислушиваться к шорохам вокруг. «Хорошо, что я взял с собой внучку, — подумал старый охотник, — в городе об этой лесной сказке и в книжках не прочитаешь». Утренник был крепкий. Тепло одетая внучка начинала зябнуть.

— Ну что, Аленка, холодно?

— Ничутьточки!

Вот характерец! Старик брал ее пальчики и начинал согреть своим дыханием. Говорили только шепотом. Вдруг Аленка превратилась вся во внимание, опередив слухом деда.

— Кто-то к нам идет!..

Действительно кто-то с легкими звуками по мерзлой листве спокойно приближался к шалашу. Через просветы в скраде дед с Аленкой увидели приближающегося спокойными прыжками зайчишку. Зверек был уже на расстоянии верного выстрела и старик стал осторожно просовывать в щель ствол старого ружья.

— Ты что хочешь делать, дед? — испуганно прошептала Аленка.

— Мы же на охоту приехали, так стрелять будем.

— Ты же его убьешь!

— Так мы же на охоту приехали...

— Что он плохого сделал в лесу? Ведь ему тоже жить хочется, как и мне!

Старик озадаченно уставился на внучку, в нем словно что-то повернулось: он представил, как, сбив беззащитного лопухого, принесет его, окровавленного, в шалаш и положит к ногам своей маленькой внучки... «Сколько ей хороших книжек прочитали про этого сказочного зайчишку», — подумал старый охотник.

— Так это я, Аленка, приготовился стрелять по косачам, косоного мы с тобой не потрогаем...

И белый зверек с черными отметинками на ушках спокойно обскакал вокруг шалаша и скрылся в осиннике. За каждым его легким прыжком девушка следила, затаив дыхание. Только закончился этот лесной спектакль, как воздух разрезал свист крыльев косачиной стаи. С полдюжины чернышей и пара тетерок расселись прямо над головами деда с внучкой.

Увидав совсем рядом такое лесное диво, Аленка обмерла. Дед прошептал на ухо внучке:

— Вот сейчас выстрелим, возьмем парочку и нам хватит. — Старик стал выцеливать в просвет двух рядом сидящих черноперых красавцев. Аленка с трудом уловила смысл сказанных дедом слов, но когда поняла его действия, у нее на глазах появились слезинки.

— Не стреляй, дед, не стреляй!

— Вот так охота у нас с тобой получается... — Никогда прежде старик не задумывался, а тут опять представил, как полетят пух и перья.

— Да... знатная охота у нас сегодня с тобой получается, — снова проговорил дед. — Ну, что тогда будем делать?

— Смотреть. Они посадят и улетят.

Воздух снова разрезал знакомый свист крыльев, на березы уселись еще три или четыре черныша.

— Раз нельзя стрелять по тетеревам, то давай отучим их садиться к тряпичным чучелам.

— Давай сделаем...

— Смотри, вон на том суку сидят два краснобровых красавца, так мы перебьем под ними сук, а птиц не потрогаем.

Старик сменил в стволе дробь на картечь, выцелил сук, который изогнулся под тяжестью двух отливающихся синевой птиц, и выстрелил в изгиб. Сидевшие черныши вместе с суком полетели на землю, но пролетев с метр, справились и потянули вслед за снявшейся стаей в соседней лесной сколок. Аленка после выстрела держала свои ручонки на ушках, заматанных пуховым платком, счастливо улыбалась, потом отняла их, посмотрела на своего деда и от радости, что птицы остались целыми и невредимыми, возбужденная, захлопала в ладоши.

Подъехал гонщик, старый охотник с помощницей вылезли из шалаша.

— Где же трофей, Прохор Кузьмич?

— Незадача... вышел полный запрет... — старый охотник показал глазами на раскрасневшуюся счастливую Аленку.

— Вот так охота...

— А дедушка раз выстрелил, чтобы птицы не обманывались и к тряпичным чучелам не садились!

— Ой, Аленка, Аленка, какую охоту ты нам спортила, всю обедню смешала...

Михайло Ефимович после лесного обеда уехал домой, а старик с внучкой не торопились: хотелось еще побыть старому с Аленкой в сказке природы часок, да и земля подсохнет от утренней сырости.

Без каких-либо трофеев ехать домой не хотелось, и Прохор Кузьмич пошел с Аленкой по кустам перелеска собирать подмороженную калину и рябину. Солнце уже освещало низины подлеска, растаявший иней и те кристаллики льда, что не успели растаять, играли живыми лучами. Аленка часто отрывалась от мерзлых ягод и подолгу смотрела на кустарники, на высокие березы, где все горело и переливалось холодным загадочным светом, и молчала...

Вышли на широкую поляну, в конце ее стояли стога сена, за ними на старой березе паслось с десяток косачей и тетерок. Аленка увидела их первая. Наблюдая за жирующими птицами, отошла к кусту терновника и стала брать его сладковатые ягоды. Почти рядом застрекотали сороки и одна за другой стали взлетать из кустов. Сразу же за ними вылетел ястреб-тетеревятник и, почти касаясь земли, прижимаясь к опушке леса, стрелой полетел в сторону кормящихся птиц.

— Смотри, Аленка, какой поганец, ну сущий разбойник, сейчас спаает на выбор, ах, лис с крыльями...

— А что он им сделает?

— Сейчас натворит беды, — и старик стал сдергивать с плеча ружьишко. Тетерева не замечали своего лютого врага, лениво поклевывали почки и просто грелись на солнышке. Ястреб, чуть приподняв свой полет, с легу сбил сидевшего на отшибе петуха и стал подниматься с жертвой над лесом. Хищник, не видя людей, летел прямо на них и под тяжестью своей жертвы стал опускаться под косым углом на изумрудную зелень отавы, шагах в сотне от деда с Аленкой. Старик выстрелом оторвал ястреба от косача. Подошли и подняли тяжелую птицу. Аленка долго разглядывала, гладила отливающие синей сталью перья, красные брови. Из глаз дедовой внучки текли слезинки...

Долго еще Прохор Кузьмич ходил с Аленкой по зеленой и жухлой осенней траве, по ковру опавших листьев, собирали калину, рябину, лакомились засохшими ягодами черемухи...

Давно уехала Аленка в свой город, но не берет больше в руки ружья старый охотник, часто вспоминая свою последнюю охоту...

КОНТАКТЫ, КОНТАКТЫ...

или Когда человек будет разговаривать с животными?

Борис РЯБИНИН

Рис. Николая Мооса

Вспоминается беседа с Джой Адамсон. Незадолго до своей гибели в Африке от руки стопоходящих убийц она приехала в Советский Союз, встретились мы в обществе охраны природы. Разговор зашел о чувствах животных: как они воспринимают окружающее? Джой как будто ждала этого вопроса. Встрепенувшись, как-то сразу загоревшись, она заговорила быстро, громко, тоном, каким говорят о чем-то наблевшем:

— Что мы знаем о животных? А ничего не знаем! Сколько у нас чувств? Пять. А сколько у животных, мы знаем? Может быть, двадцать!

Она права. Может быть, двадцать. Открыли же у кошки недавно шестое чувство, только не знают, как его назвать. Думается, кто-кто, а Адамсон имела все основания так говорить о животных.

А недавно мне прислал письмо читатель из Индии. Он увлекается дворняжками, восхищен их сообразительностью и уже в течение многих лет ведет записи наблюдений за ними. Он считает, что это — непонятые нами существа. Не они не понимают нас, а мы не понимаем их.

Как видим, проблема нашего общения, отношений с «братьями меньшими» волнует многих людей в самых разных концах света. Написала же Кармен Роса Рухелес из Венесуэлы (Латинская Америка), что собака учит нас быть сердечными, разделять боль и тяготы других людей, и не случайно великий путешественник барон фон Гумбольдт сказал: «Уровень цивилизации народа можно оценить по его любви к животным».

Сейчас, когда все острее в мире, в повседневном человеческом общении ощущается дефицит добра, когда понятиям экология, окружающая среда придается политический смысл, приобретают особое значение наши взаи-

моотношения и с миром живой природы, ибо отсюда начинаются многие наши достоинства и недостатки, там наши корни. Собака, кошка, птица на дереве помогают нам ощутить эти корни.

Недавно газеты отдали дань памяти писателю-публицисту, писателю-природолюбу Виталию Закруткину. Он говорил: «Я терпеть не могу и ненавижу в людях двуличие, фальшь, подхалимство, себялюбие, скрытую злобу и открытую злобу. Конечно же, жестокое отношение к животным, равнодушное, иждивенческое отношение к земле...» (Сказано давно, а как будто вчера). Жестокость к животному, человеческую фальшь и иждивенчество на земле он ставил в один ряд. И не случайно о нем писали: «Он знал, как плачут деревья». А каждый ли из нас может похвалиться, что до конца разобрался в своем четвероногом друге? А вот они — бессловесные — разобрались.

Интересно отметить, что, к примеру, собака терпеть не может пьяниц, чует пьяного за версту и готова тут же без промедления броситься на него; так же не любит вдыхать табачный дым.

Животные помогают человеку жить. Они его кормят, одевают, охраняют от беды, возят на себе, дарят сердечное тепло. И, конечно же, человеку нужна их дружба. Ибо без них он не жилец на этом свете...

ПОГОВОРИМ ПО-ЧЕЛОВЕЧЬИ

«...У нас в доме живет собачка-болонка. И удивительно, что она, как человек, понимает слова, сказанные в ее адрес. А может, это не так? Шеночком ее принесла дочь. Очень ласковая собачка. Пока она жила у дочери,

там ей позволялось все. И на кровать залезть, и на кресло. А я стала отучать ее от прежних привычек. Однажды она, в отсутствие нас, съела у меня помладу. Я ее побила, приговаривая, что этого нельзя делать, и, если еще раз ты залезешь куда-либо, я тебя выброшу. Запомнила ли, поняла ли собачка меня тогда, но с того времени без моего разрешения никуда не запрыгивала. А если устанет ждать разрешения, уйдет под диван, там и лежит. После я никогда больше собачку не била, часто ласкала, но она всегда оставалась умницей.

И вот еще что. Мой муж играет на баяне. А я иногда ему запрещаю играть — не потому, что не люблю музыку (я ее люблю!), а потому, что ревную к баяну... да, да! Я говорю, а он думает о баяне и нотах и потом даже не вспомнит, о чем шла речь. Поэтому я иногда запрещаю ему играть. И вот что получается: он начинает играть, собачка встает на задние лапы, а передней старается оторвать руку мужа от баяна. Начинает выть и визжать, как будто хочет напомнить: а что говорила хозяйка, знаешь? Или забыл? А когда я прихожу, Дуняша — так зовут собачку — начинает «жаловаться», почти словами мне говорит: ува, ува, ува. Я спрашиваю: «Опять дед играл?» — а она начинает махать хвостом, крутится около ног, вроде того, что отвечает: да! И вот прожита я на свете 57 лет и никак не могу взять в толк: или собака понимает слова человека, или звук каждого слова запоминает? Спросишь: «Гулять хочешь, Дуня?» — она сразу бежит к дверям и прыгает на дверь. А начнешь ругать, сразу уходит под диван. Хочется очень узнать, что это? Память или инстинкт?

В. А. Бугаева, г. Среднеуральск.

В следующем письме В. А. Бугаева сообщила: «Я стала еще внимательнее наблюдать и хочу сказать, что наша Дуняша тоже знает много слов, но только не говорит. Очень не любит расческу, и только услышит, кто-то скажет «подайте расческу», сразу залезает под диван. Я насчитала 49 слов, которые она прекрасно понимает и отвечает на них глазами... Очень хочется больше узнать о характере и уме животных...»

Доступна ли восприятию животных человеческая речь? Понимают ли они нас, а если понимают, то как и что именно (ведь не всё же наверняка, а выборочно — по какому же принципу?), когда мы что-то говорим им. Не одну Бугаеву интересует это. Лично я убежден — понимают. Не всё, но понимают.

Если Дуняша не терпит расчески, то мой пудель Блямка ужасно не любит мыться. Процедура мытья для него была сущим наказанием. Бывало, перепачкается, вывозится на прогулке, мы говорим между собой: «Придется сегодня помыть», его кличка не упоминалась, а он уже все понял — убрался в другую комнату, зовешь — не показывается. Приходилось чуть ли не силком закидывать в ванну. Что, усвоил значение слова «помыть»? Вероятно. И таких примеров сколько угодно. Может припомнить каждый владелец животного.

Моя овчарка Джеки — я подсчитал — понимала значение 56 слов (так что Дуняша еще не рекорд, а найдутся, наверное, и еще более смысленные). Нет, конечно, не все он понимал буквально. Много в его мозгу трансформировалось по-своему, в меру своего разума, связываясь с различными особенностями и признаками внешней среды; и все же тем не менее... «Гулять» — значит гулять, пожалуйста на прогулку; «рядом» — стало быть, идти чинно-важно рядом, слева от хозяина; «возьми» (есть) — и станет есть, хотя перед тем сидел, пуская слюны: хозяин приказал не трогать, потерпеть, приходится подчиняться...

Для человека речь — вторая сигнальная система. Не знаю, какой системе отвечает у собаки хозяйская речь, но, наверное, не случайно животные любят, когда с ними разговаривают. Например, собака способна слушать хозяйина часами, смотрит тебе в глаза, голову наклонит то в одну, то в другую сторону, ну правду молвлено, что только не говорит сама. Не зря все старые кинологи и знатоки четвероногих, начиная с нашего Сабанеева,

настоятельно советовали побольше разговаривать с собаками: укрепляется контакт между человеком и животным, возникает какое-то взаимопонимание, животное становится более восприимчивым, охотнее выполняет все приказания хозяина. Беседуйте с животными, беседуйте, не пожалейте! Сами не заметите, как у вас самих откроется какой-то таинственный клапан, возникнет новое чувство к четвероногому товарищу, именно товарищу... Что из того, что он не говорит: вы-то умеете, должны уметь, а за слушателями не станете...

Может быть, кому-то мои рассуждения и философствования покажутся небосованными, несерьезными. Напомним слова Энгельса из «Диалектики природы» (сказано еще в прошлом веке): собака и лошадь за долгий срок жизни около человека приобрели способность понимать — в пределах их круга представлений — и человеческую речь...

Энгельс нашел правильный ответ уже тогда.

«Очень хочется все же разобраться в наших друзьях четвероногих и птицах», — говорит В. А. Бугаева. Да, очень, очень. Американский профессор Лилл уверял, что через двадцать лет человек и дельфин станут понимать друг друга. Двадцать лет прошло, за это время мы убедились, что дельфины способны вести «беседу» между собой. Может быть, когда-нибудь они будут разговаривать и с нами?

ОНИ ТОЖЕ ОБИЖАЮТСЯ НА НАС...

«Пишет вам девочка Аня (ученица 6-го класса) из города Новосибирска... Почти два года назад, в конце четвертого класса, я нашла хромую собачку. Она даже не могла идти. Я положила ее на портфель и понесла... Покормив Джека, я повезла его в ветлечебницу (ставить прививку и чтобы лапу посмотрели). Дома к нему относились хорошо. Но Джек все время лежал или грыз тапки. Когда папа приехал из командировки и внезапно открыл дверь, Джек не двинулся с места, лишь слабо завил хвостом. Все ничего, но когда меня несколько дней не было дома (на летних каникулах), Джек сбегал. Он больше никогда не вернулся, и когда я его встретила один раз, он даже не узнал меня или не захотел узнать. Видимо, Джек прожил долгую бродяжную жизнь и не хотел жить в домашних условиях, а предпочел скитания; так я тогда подумала. Все соседи потом выговаривали нам, что мы жестокие, а сами равнодушно проходили мимо бездомных несчастных животных...

Лишь потом я узнала, что однажды папа сильно выпорол Джека за то, что тот грыз его тапку, после этого вскоре Джек и ушел, обиделся, ушел и больше уже не вернулся. Джек был совсем не виноват, старую тапку дала ему я, а папа подумал, что Джек стащил ее. Вот так я потеряла своего друга.

А мне так нужна его дружба. У меня нет ни сестры, ни брата, во дворе я ни с кем не дружу, и потому почти не гуляю. Единственные мои подружки — в нашем классе, но они живут не близко от меня. Конечно, для дружбы нет расстояний, я хожу к ним иногда по воскресеньям, но этого мне недостаточно. У нас темнеет сейчас быстро... Как мне нужен мой Джек!

Аня Я...» (подпись неразборчива)

Понимаю тебя, Аня, но вряд ли смогу помочь.

Да, животные могут обижаться, и про то следует помнить. Джек предпочел скитания и оставил дом, я уверен, совсем не потому, что такая жизнь ему больше пришлась по сердцу.

Похожий урок преподал мне однажды наш Антошка, по паспорту Антоний Клеопатрыч — фокстерьер, любопытнейшее существо.

Как известно, фоксикки — несмотря на свой малый рост — весьма упрямы и «принципиальны», если такое определение применимо к собаке, и, чего бы то ни стоило, всегда стараются поставить на своем.

Я тогда приучал его к команде «ко мне». Точнее,

это не команда, а подзыв, который должен всегда сопровождаться лаской. Грубости, жестокости не должно быть. Подбежал пес — угости его чем-нибудь, приласкай, чтоб он всегда сам тянулся к хозяину. Но у хозяина тоже есть нервы... На Антошку тогда как накатило: носится, играет, гавкает, зову — никакого впечатления, нейдет, хотя ты что, ну прямо ошалел! И только когда я направился к подъезду, демонстративно отвернувшись и не обращая на него внимания, он подбежал, и тут я не сдержал свою злость: схватив его за ошейник, несколько раз огрел ремнем. До сих пор жалею, стыдно. Разозлил он меня. Взвизгнув, песик вырвался и тут же исчез за углом дома; когда я, следуя за ним, выбежал со двора на улицу, он уже был на другой стороне, направляясь к парку; я за ним — он от меня. Как только увидел меня, прибавил скорость.

Вижу, не догнать. Тогда я схитрил, направился в сторону, а потом, когда он потерял меня из виду, быстро обежал внешней стороной парка, таким образом опередив его. Выбежал на тропинку, вижу, трусит, ни на кого не глядя, такой несчастный, пришибленный. Куда он направлялся? Наверное, и сам не знал. Он уходил. Обиделся за то, что хозяин всыпал, и — не хочу больше ни хозяина, ни дома. Да пропади все пропадом! К чему все, когда такая несправедливость. Для него это, конечно, была несправедливость: ну, заигрался немного, увлекся, но потом сам подбежал... Надо было видеть его тогда. У меня до сих пор в глазах эта жалкая фигурка, такой несчастный-несчастный... Уходил из дому! И тут он увидел меня, замер на секунду, я что-то крикнул, вроде того что «марш домой!», и швырнул какую-то палку или щепку, уже не помню как оказавшуюся в руках, а он — опять от меня! Но теперь уже обратно к дому. Там, на крыльце, дождался меня, прижался к дверям, дрожит, таким я еще никогда не видел его. Больше мы не сошлись, но этого случая никогда не забуду. Мой пес хотел уйти от меня! Слыхано ли?!

Обидчивы не только собаки. Интересными наблюдениями делятся В. Князев и К. Эренцова, жители Элисты. «Крокодил Гена, как известно, работал в зоопарке крокодилем. Верблюд Гришка, живущий на одной из чабанских стоянок в калмыцкой степи, «работает» верблюдом только раз в году, когда в День работников сельского хозяйства его вывозят на сельскохозяйственную выставку. Гришка на радость детворе с удовольствием позирует, изображая из себя верблюда, охотно принимает угощение, позволяет себя гладить. Но вот праздник заканчивается. Гришка возвращается домой, к каждодневной работе. А работа такая...

Шесть лет назад старший чабан совхоза имени Гагарина Черноземельского района А. Цурцумия нашел в степи крохотного верблюжонка. Почему верблюдица бросила детеныша, осталось неизвестным. Малыша принесли домой. Поили из соски, ухаживали, как за ребенком. Гришка вырос ласковым, ручным и, главное, сообразительным. Став взрослым, охотно сопровождал хозяина в степь, когда тот выгонял отару. Пасся вместе с овцами. Потом, приглядевшись, начал и сам помогать хозяину. Пастух из него вышел хороший. Гришка строго следил за овцами, не давал им разбредаться, не выпускал на трассу с оживленным движением.

Гришка очень чувствительный и легко ранимый, сильно переживает, когда его наказывают. Однажды погнав отару в бурьян, и овцы насобирали на свои шубы репейников. Хозяин наказал его. Несколько дней Гришка отказывался от еды, даже от угощения, лежал неподвижно на одном месте. Вызвали специалиста. Приехал главный ветврач Д. Алибеков, осмотрел верблюда — все в порядке. Присел рядом с ним, погладил, заглянул в глаза: «Что, обидели тебя, Гришка?» И в ответ на сочувствие верблюд заплакал слезами, а уж выплакавшись, отошел, простил обиду.

В прошлом году хозяин переехал на другое место работы. Забрать Гришку с собой не представилось возможным. Руководство совхоза решило не отпускать

Гришку, и он остался на стоянке. Правда, Цурцумия и его жене Сулико, вырастившим Гришку, пришлось целый месяц жить на чабанской стоянке, чтобы он привык к новому хозяину. Но после их отъезда верблюд долго горевал, даже овец пасти отказывался.

Но вот однажды, когда неожиданно сорвалась февральская метель и в снежной круговерти затерялось несколько десятков овец, Гришка пошел на их поиски. Нашел, пригнал к кошаре. С тех пор снова помогает хозяину пасти животных».

Все хорошо, что хорошо кончается. Умница, Гришка! Кстати замечу, ученые до сих пор оспаривают способность животных плакать «по-человечьи». Тем не менее есть очень много свидетельств того, что бессловесные тоже могут «проливать слезы». Об этом писали еще классики. Плачут лошади, плачут собаки. Не говорю о глазах, которые у них выразительны и способны отражать всю глубину и бесконечность разнообразия чувств.

Страшную историю рассказал мне знакомый дрессировщик слонов. У них в цирке, среди обслуживающего персонала, был один «весельчак»: страсть любил подшутить, а точнее сказать, поиздеваться над животными. Как он попал в цирк, тем более в труппу, работавшую с четвероногими артистами, непонятно. А животные очень тонко чувствуют отношение к себе. И тот слон, о котором пойдет речь, вероятно, тоже это ощущал, потому что никогда не проявлял к этому человеку признаков нежных чувств, не делал попыток приласкаться, попросить чего-либо, — только терпел его присутствие.

Вышло так, что у слона разладилось что-то в пищеварительных органах, в порядке лечебной процедуры ему стали давать подогретый напиток — ведро подслащенной воды, содержавшей определенную дозу лекарства, с кагором. Ведро приносил и ставил перед сломом тот самый слугитель. Однажды он вздумал позабыться. Как пришло ему это в голову, право, не поддается объяснению — можно лишь разводить руками. И вот в назначенный час он принес и поставил ведро. Слон, как обычно, потянулся туда своим хоботом (напиток пришелся ему по вкусу) и поспешно отдернул: в ведре оказалось что-то другое, кислое, противное и притом горячее. Слон обжегся. А забавник, глядя на него, хохотал во все горло. Развлекся, называется. Думал, посмеюсь, и все. Слон на привязи, что он может. Казалось, действительно, все на том и кончилось. Но слон ему этого не простил и только ждал своего часа.

И такой час пришел. В цирке все уже забыли об этом, но он помнил, помнил и ждал. Опять, как всегда, принесли еду, опять тот самый «весельчак». Зачем-то ему потребовалось нагнуться, в ту же секунду слон неслышно дотянулся до него, — слоны умеют передвигаться совсем неслышно, — ударом хобота повалил наземь и наступил ногой. Тот даже не успел позвать на помощь, как слон припечатал его к земле; раздался короткий предсмертный вопль, и для обидчика все было кончено. Слон отомстил...

А ГДЕ СЕРДЦЕ? ПРО СЕРДЦЕ ЗАБЫЛИ? СЛОВО К ВЕТЕРИНАРНЫМ РАБОТНИКАМ

«Здравствуйте, уважаемый Борис Степанович!

Пишу Вам впервые, хотя книги и рассказы Ваши знаю и люблю давно. Постоянно читаю в журнале «Уральский следопыт» Вашу рубрику, и вот не выдержала и решила написать.

Я очень люблю собак. Мне 27 лет, а с 6-ти лет я занимаюсь собаководством теоретически, потому что собаку мне не брали. Собирала книги по собаководству и про собак (в том числе и Ваши), ходила в клуб служебного собаководства и на выставки. И мечтала, что когда-нибудь у меня будет такой друг, как Ваши Джерри или Снукки. И вот, когда мне исполнилось 16 лет, мне разрешили взять собаку. Какое это было счастье, когда я пригнесла домой маленький, толстый рыжий комочек! (То

был месячный щенок боксер). Я назвала его Лордом. Мне поставили условие: «Берешь собаку — делай все для нее сама». И я выдержала это условие. Вы сами любите и держите собак, и Вы меня поймете, какая это радость в доме.

Я в одной книге прочитала выражение «Ласковый друг для души». Как это верно сказано! Нет у человека такого друга (не обязательно собака, это может быть и кошка, и любое другое четвероногое или птица), и душа человека что-то теряет, какую-то важную часть, способность к состраданию и теплоте. Но шли годы, мой Лорд состарился. Ему было восемь лет, когда он заболел. И вот я тут подхожу к тому, ради чего я села писать это письмо. В печати у нас много пишут о взаимоотношениях человека и собаки в городе, о воспитании у ребят чувства любви к природе (а собака тоже часть этой природы). Но о какой любви может идти речь, если даже официальные организации относятся к собакам, как к существам лишним, ненужным, второстепенным! Когда мой пес заболел, я пошла с ним в ветлечебницу. Вышел молодой врач, даже не посмотрел его и сказал мне: «Подумаешь, старая собака. Проще молодую завести». Понимаете, это сказал ветеринарный врач!

Болезнь усиливалась. Когда Лорд уже не мог есть и почти задыхался, я снова отвезла его в ветлечебницу и умоляла врача как-то помочь ему, сделать какую-то операцию. Но мне ответили, что у него рак, что ничего они делать не будут, собака безнадежна и мне лучше завести новую. Через некоторое время Лорд был уже так плох, что не мог вставать. И тогда я решила: чем он так будет мучиться, пусть его лучше усыпят. Поверьте, мне было очень тяжело на это решиться! Но когда я снова привезла в ветлечебницу, мне ответили, что я им надоела, что они учреждение медицинское и не убивают, а лечат (а почему не лечили в самом начале?), и если мне надо, то я должна усыплять его сама или сдавать собачникам. Я решила позвонить туда и узнать, как это делается. Думала, съезжу туда с ним сама, чтобы он не страдал и не боялся. Мне ответила диспетчер спецхозяйства: «Давайте заявку, приедем, заберем, уьем!» Я спросила: «Как?» И в ответ услышала: «Как еще, палкой!» Я не могла прийти в себя. Моего Лорда, которого я вырастила, который стал нашим членом семьи, с которым играл мой маленький сын, да который мне сам, как сын, будут убивать палкой! Это что — любовь к природе, гуманизм, милосердие?! Почему раньше в ветлечебницах практиковалось усыпление током, ведь это безболезненно и действительно гуманно по отношению к безнадежно больным животным, а сейчас это не делается?

Я не смогла сдать Лорда собачникам. Знакомые достали мне лекарство, и я поставила ему укол. Но на его беду, организм оказался сильным, и мой бедный пес четыре часа бился в судорогах, а я сидела возле него, держала его голову и проклинала всю ветеринарную службу города. Я понимаю, что у них много других забот, но неужели их внимания хватает только на молодых животных, а старым куда деваться — под палку собачникам?

Ну, ладно, с такой историей столкнулась я, взрослый человек (хотя прошло уже три года, как нет Лорда, а я все еще не могу забыть ту страшную ночь его смерти), а если этим придется заниматься ребенку? Придет подросток с большой собакой в лечебницу, и взрослые дяди в белых халатах скажут ему: мы твою собаку лечить не будем, сдавай ее собачникам! Поверит он после этого разговорам о гуманизме и любви к живым существам, к природе? Не поверит! А я после этого боюсь заводить собаку, боюсь повторения этой истории, хотя на улице не могу спокойно пройти мимо каждой собаки.

И еще, что я хотела сказать. Мне кажется, что в последнее время развернулась какая-то антисобачья кампания. Вы не подумайте, что я отрицаю правила содержания собак. Нет, я поддерживаю их, они нужны, но считаю, что если их вводят, то должны быть и условия

для их выполнения. Вот вывел человек собаку на двор — где он должен ее выгуливать? В правилах говорится: «на специально отведенных площадках». А где они, эти площадки? У нас в городе как-то лет пять-шесть назад были выделены площадки для выгула собак. Ну и что это за площадки? Либо мусорные свалки, либо развалины снесенных домов, которые к тому же в скором времени были заняты под новые стройки. Или вот ввели налог. Мера правильная, но опять же куда идут средства от этого налога? Неужели на них нельзя оборудовать площадки? Их как не было, так и нет.

Вот такие грустные дела. И вот такая получается печочка. Равнодушие к собакам со стороны официальных организаций — опирающееся на это равнодушие агрессивно-враждебное отношение взрослых — жестокость со стороны подростков (которые все это видят!). А потом эти подростки вырастают, и все начинается сначала. А мы удивляемся, откуда у них эта жестокость! А эта жестокость — отражение взрослого равнодушия!

Простите, пожалуйста, за длинное и сумбурное письмо, но на душе нагорело... Елена Ареланова. Пермь.

Нет, письмо не сумбурное и писал его человек здравомыслящий, с добрым чутким сердцем и здоровым жизненным мировоззрением, человек, для которого окружающий мир — это не случайное скопище живых существ, а нечто неизмеримо более важное, дорогое.

По сути письмо Арелановой содержит целый набор проблем, из которых едва ли не самая важная — как жить домашнему животному в городе и какие испытания несет его близость человеку, который любит животных и не мыслит жизни без них.

Ох, эта цивилизация! Ох, этот урбанизм, стремительный рост городов и городского населения, тесное скопление людей на ограниченной тесными рамками территории со всеми возникающими отсюда сложностями и особенностями проживания... Самое поражающее, что мы по сей день не приучили себя к такой среде обитания, отсюда — конфликты разного рода.

Не знаю, как насчет антисобачьей кампании, но действительно время от времени нам приходится наблюдать всплески жестокости, откровенного садизма и нетерпимости к «братьям меньшим» со стороны части населения и, что особенно непонятно, в частности, у старшего поколения, которое, казалось бы, должно служить примером.

Итак, о ветеринарии. Не знаю, откуда это оскорбительное невнимание, безразличие к судьбе живого; похоже, что ветеринарных работников, ветеринарии в целом тоже коснулись издержки цивилизации, технократического века. Во всяком случае, повторю, письмо Арелановой — повод для больших размышлений.

Ветеринария — тема особого, серьезного разговора, сейчас же мы скажем: жалобы на плохое обслуживание населения (имеются в виду владельцы животных с их питомцами), безобразное (бессердечное) поведение ветработников идут отовсюду уже давно и поток этих жалоб год от года не уменьшается — растет.

Что случилось в наши дни с ветеринарией?

Вероятно, это результат общего невнимания к существам, которые тысячи лет живут рядом с человеком, делают с ним все превратности судьбы, радость и горе.

Думается, причина лежит также в плохом воспитании. Не секрет, что у нас появились педагоги, не любящие детей, врачи, не любящие своих больных; вот так расплодился и специалисты (плохие, плохие!) от ветеринарии, равнодушные к животным... Сочувствуем вам, Елена Петровна.

Знаю такой факт: Юшка, Юня, котчик, жил в нашем доме, у соседей над нами, веселое, шустрое, симпатичное существо, лбом прошибал дверь, бежит сверху, обгонит хозяина, трах в закрытую дверь подъезда — и уже во дворе, свободная птица. Нет, убежать никуда не стремился, просто характер такой, нетерпеливый, своевольный. И вот пришло время, Юня начал сдавать, исчезла былая бойкость, перестал играть с ребятами, в пасти

Верись — не верись...

сбоку на щеке набухла опухоль. Все. Конец. Нет больше весельчака Юши, этой чертовой собаки, как любил повторять хозяин, выражая этим свое нежное чувство черному коротколапому шустряге. Юню отвезли на ветпункт, где принимали собак для усыпления. Хозяин не решился присутствовать при этой тяжелой процедуре, боялся — не выдержит, и уехал, заручившись обещанием служителей, что все будет сделано как нужно.

И вдруг — звонок по телефону. Неизвестный мне человек сообщает (поскольку я пишу о собаках, позвонил мне): в районе ветлечебницы, куда увезли Юшу, видели старенького скотчтерьера, бегающего бедняга одинехонек без всякого надзора, похоже, ищет кого-то (хозяев? дом?), а силенок, выдать, мало, лапы заплетаются, тычется мордой в землю. Неужели Юня? По описанию — он, совпадают все признаки. Бросились его искать, не нашли. Как он оказался на улице? Недосмотрели, убежал? А может, нарочно выкинули, «чтоб не возиться»... Так или иначе, случай, не украшающий ветеринарную службу.

Очень правильное замечание — откуда и как возникает у подростков, ребят жестокость. И безусловно, кому-то, а представителю благородной ветеринарной профессии должно являть пример отзывчивости, активной защиты живого существа.

Надо, надо! — чтобы ведомство, на котором лежит ответственность за подготовку специалистов, обратило на это внимание. Страдают от этого не только любители-собаководы, большие потери несет народное хозяйство, здравоохранение, экономика и — самое главное — общественная мораль.

Наверное, не помешало бы для абитуриентов, поступающих в ветеринарный вуз, ввести проверку, а как он относится к животным, любит ли, жалеет ли их, почему хочет стать служителем и жрецом бога Велеса — покровителя животных, которому еще в языческие времена поклонялись наши далекие прапращуры.

Немного о проблеме выгулов. Было время, когда мы трезвонили — площадки, площадки выгульные (не путать с дрессировочными!), даешь площадки! Об устройстве специальных выгульных площадок говорилось в официальных постановлениях.

Сегодня мы можем твердо сказать, что идея выгульных площадок не оправдала себя; да практически в густо заселенном городе для них нет места, не зря возражают архитекторы. Доходит до нелепостей. В Челябинске устроили площадку размером... два на два метра. Да там повернуться негде! Утром, когда все выгуливают собак, становись в очередь. Скопилась куча собак; а если среди них хоть одна затесалась больная, — значит, перезаразила всех. (Вот тут бы как раз сказать веское слово ветеринарам, так ведь молчат, будто это их не касается!). Немаловажно и такое обстоятельство. На прогулке собака обязательно должна пробежаться, обнюхать все на пути, подняв ножку, она метит свои владения, это для нее важный биологический цикл. Так что выгуливайте, как предписывалось всегда, на малолюдных тихих улочках с ограничением движения, на пустырях, и не ждите манны небесной, ее не будет и не надо. Не позволяйте собаке справлять свою нужду на асфальте, пусть делает свои делишки под кустиком (кстати, это и польза кустикам и вообще городской растительности — удобрение).

Но, и возвращаясь к ветслужбе, напомним высказывание-наказ, которым заканчиваются материалы симпозиума ветеранов Всемирной ветеринарной ассоциации от 25 апреля — 2 мая 1980 года:

«Мы полагаем, что мы — ветеринары в городах и селах — можем и обязаны не только личными действиями, но и путем участия и поддержки специализированных обществ и межведомственных организаций действовать на благо животных и ради их гармонического существования в обществе.

Мы не должны удовлетворяться ролью целителей животных. Мы должны быть и их защитниками.

Мы должны действовать — с мудростью и сердечностью».

В 1988 ГОДУ В № 8 НАШЕГО ЖУРНАЛА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА СТАТЬЯ СВЕРДЛОВЧАНИНА В. ДОВГОПОЛА ОБ ИЗОБРЕТЕНИИ РУССКОГО ВЕЛОСИПЕДА. ПУБЛИКАЦИЯ ВЫЗВАЛА ИНТЕРЕС У ИСТОРИКОВ ТЕХНИКИ. ВЫСКАЗЫВАЛИСЬ И СОМНЕНИЯ: БЫЛ ЛИ ВООБЩЕ ИЗОБРЕТЕН НА УРАЛЕ ВЕЛОСИПЕД?

ПРОФЕССОР ВИТАЛИЙ ИВАНОВИЧ ДОВГОПОЛ СЧЕЛ НЕОБХОДИМЫМ НАПИСАТЬ К ДИСКУССИИ ПОСЛЕСЛОВИЕ.

В журнале «Вопросы истории естествознания и техники» (1989 г., № 1) опубликовано мое письмо и статья В. С. Виргинского, С. А. Клат, Т. В. Комшиловой, Г. Н. Листа «Как творятся мифы в истории техники» (к истории вопроса о «велосипеде Артамонова»), в которой дается критический анализ публикаций по этому вопросу. Авторы статьи правы, что многие публикации о велосипеде Артамонова являются легендами, которые появились прежде всего из-за скудных данных по этому вопросу в публикациях стародавних уральских краеведов В. Белова и И. Кривошекова.

В книге В. Белова «Исторический очерк уральских горных заводов» (СПб, 1896 г.) имеют место неточности. И вот на основании их профессор В. Виргинский и другие авторы делают вывод: «Если Белов допустил столько ошибок, излагая историю черепановской «чугунки», почему мы должны верить, что он точнее излагает историю первого велосипеда?»

Однако все события, о которых пишет в своей книге В. Белов, имели место, хотя, да, иногда они переданы неточно. Может ли это быть основанием для отрицания сообщения Белова о велосипеде Артамонова? Нет, конечно!

Сообщению В. Белова и И. Кривошекова (словарь Верхотурского уезда Пермской губернии, Пермь, 1910 г.) о том, что велосипед был изобретен на Урале в начале XIX века можно верить. Не допускаю, чтобы это было их фантазией. Кто был этим изобретателем — Артамонов или Артамон Кузнецов — как предполагает профессор А. Г. Козлов (Творцы науки и техники на Урале XVII — начало XX века. Свердловск, Средне-Уральское книжное изд-во, 1981, с. 61), не суть важно, главное, что был такой мастер на Урале, которого Белов назвал Артамоновым. Ездил кто-либо с Урала в Москву на велосипеде в 1801 г. — тоже не суть важно. Главное, что велосипед в начале прошлого века был изобретен на Урале. Белов обладал обширными знаниями и заботился о приоритете Отечества.

Так, в своей книге «Исторический очерк...» он пишет: «В заключение нельзя умолчать об изобретении тоже мастерового, хотя и не уральских, а сибирских, именно Барнаульских заводов: первая паровая машина за 10 лет, примерно, до Уатта была построена на Колывано-Воскресенских заводах, едва ли не на Эмзюгорском руднике, мастеровым Ползуновым. По свидетельству Шлаттера*, лично осматривающего эту машину, «Ползунов ввел в существовавшую дотол систему такие усовершенствования, что изобретение его должно считаться за новое». Только в начале XX века стали появляться труды отечественных исследователей, восстановившие историческую правду о работах И. И. Ползунова.

Итак: отсутствие ранних источников об Артамонове (до В. Белова) и наличие отдельных ошибок в книге самого В. Белова нельзя использовать для того, чтобы отрицать саму возможность изобретения велосипеда на Урале в начале XIX века.

Нет оснований и надобности отвергать данные В. Белова. Зачем обеднять историю техники России!

В. И. ДОВГОПОЛ, профессор,
почетный гражданин Нижнего Тагила

* И. А. Шлаттер. Обстоятельные наставления рудному делу, СПб, 1760 г.

НОСТАЛЬЦИЯ ПО ЧУДУ

Ирина КОРНИЕНКО

Мне было тогда девятнадцать лет... Как удивительно писать эту фразу! Мне было тогда девятнадцать, и я училась на втором курсе факультета журналистики УрГУ.

Однажды, перебирая письма в университетском ящике для корреспонденции на букву «К», я вслух сказала, особенно ни к кому не обращаясь: «Дожили! Хоть сама себе письма пиши — вторую неделю ящик пустует для меня!»

— Для меня тоже, — вдруг поддержал незнакомый юноша. вполне приятный на вид, — просто какое-то наказание...

— А давайте друг другу писать, — предложила я «от фонаря». стало хорошим настроением.

— Как? О чем? — спросил он удивленно.

— Да хоть о чем, роман писать будем: вы — главку, я — главку, все интересней будет к этому ящичку подходить.

— Я п-попробую... — все-таки сказал он, и — вот что удивительно! — выполнил обещание.

Письмо господина Н госпоже К***, писанное им 9 января нов. ст. 1—79 г. от рождества Христова. Здравствуйте, сударыня!

Я думаю, Вас не удивит получение сего письма, если Вы, впрочем, не забыли нашего недавнего уговора. Признаюсь, Ваше предложение показалось мне несколько странным, но, уверяю Вас, только поначалу. Ведь цель и вправду весьма значительна, если учесть, что наши отделения для корреспонденции в университете имеют завидное по своему постоянству обыкновение оставаться для нас пустыми — и для Вас, насколько я понял, это тоже иногда бывает важно...

Итак, я к Вам пишу. Не знаю, с чего начать, ибо любое начало в этом хитросплетении нашего мира является случайным.

Начну с извлечения на свет факта, содержанием которого является следующее: я Вас совсем не знаю, как не знаете Вы меня, наши считанные встречи носили характер случайный, и в силу этого первая глава классического повествования не должна раскрывать образ главных действующих лиц, это должно начаться со второй главы, в которой, надеюсь, Вы примете непосредственное участие. Будет ли это поверхностным или глубоким изучением — рано судить, увя, мы не властны видеть оглавление, которое откроется не раньше, чем будет перевернута последняя страница, захотите ли понять меня Вы, захочу ли я понять Вас — еще раз повторяю, рано судить.

На каком языке говорите Вы, сударыня, окажется ли нужным бесполезно искать словарь?

А вообще мне, наверное, будет приятно получать Ваши письма, да, я буду ждать ответа, в коем не сомневаюсь, уверенный в Вашем бесконечном благодетельстве, что Вы успели мне внушить наряду с некоторыми другими умозаключениями на предмет Вашей прелестной особы. Сейчас, если мне не изменяет память, Вы находитесь во временном отъезде, но как только колеса Вашей изящной кареты остановятся на брусчатке перед университетской колоннадой, как только Вы взбежите по ступеням, войдете в залу — обратитесь к ящику и доставите отсюда мое письмо, я думаю, Вас оно тоже приятно обрадует, — прошу Вас, не медлите, а самым безотлагательным образом возьмитесь за перо и не забудьте надуть бумагу Вашими духами, очень на это рассчитываю, не казните меня уделом тщетного ожидания, пусть «продолжение следует» как можно скорее...

За сим вечно к Вашим услугам г-н Н.

P. S. Все имеет свою оборотную сторону. Здесь я имею сообщить Вам на всякий случай свой почтовый псевдоним — письма следует отпускать Башлачеву Александру (что касается имени — здесь возможны вариации).

Мне было приятно читать это письмо. Правда, несколько смутил его излишек, как тогда показалось, романтический тон — какая карета, какие духи, цилиндры, свечи, прислуга — когда мы оба жили в университетском общежитии, Саша — вообще в переоборудованной комнатке (где по проекту была душевая), вмещавшей в себя только книжные полки да кровать... Чтобы не заводить повествование в ложный пафос, мне показалось возможным сразу же оборвать этот тон — и я достаточно язвительно и язвительно написала ответ, где утрировала окружающий нас быт: может быть, у Вас, сударь, и спрятан где-нибудь под кроватью рояль, а я не имею ни угла, ни крыши, живу, как цыганка, сплю, где постелю, ем, что дадут, люблю солнце, ветер и даже в университете хожу босиком, поливая мраморный пол пыльными ногами, да зато их не поранит ни одна заноза; и что-то еще в таком же духе, письма у меня нет, сличить я не могу... Но сейчас мне — через десять лет! — Сашин ответ представляется единственно правильным, глубоко порядочным и добрым.

Здравствуй!

Маленькая язычница, мне казалось, что ты приедешь в карете, а ты трогала холодные ступени босыми ногами, и духи твои — роса?

Я услышал тебя, хотя мой мир и враждебен тебе. Мой мир?

Он скучен и сер, и крахмальный воротничек больно врезается в шею. Но участь графа, согласись, не самая худшая в этом мире, и поэтому я граф.

Да, забыл предварить свое послание важным, на мой взгляд, советом: никогда не делай категорических выводов, возлюби многоточие. Хотя, впрочем, все мы считаем, что прекрасно разбираемся в людях — тем они, скорые выводы, возведение случайной, возможно, детали в некий ранг, и опасны. И как быть с невольными предубеждениями?

...Верю ли я в рок? Да, я верю в рок, маленькая язычница, как склонен верить во все мистическое. Это объяснить несложно — одним из самых величайших мучений (не единственным, впрочем), что я вынужден выносить в этом мире — есть постоянная, хроническая ностальгия по чуду, отсутствию чудес, и бога... и дьявола...

И есть ли во мне хоть капля лжи? Уверяю тебя, того, что называется ложью, в моих письмах нет. И не нужно видеть во мне врага, и защищаться тоже не нужно...

Есть и другой мир, маленькая язычница. У меня в одной из задних комнат есть большой, громоздкий шкаф, и я иногда, без сожаления расставшись с сюртуком, цилиндром и штиблетами, сняв со стены гобелен и завернувшись в него, ухожу через скрипучие двери гулкой фанерной пустоты — выхожу в исчезнувший город, на ощупь прокладывая себе дорогу, стараясь не наткнуться на невидимые фонари и деревья, и наконец выхожу к горизонту...

Вот он, мой мир! Мир и грустный, и веселый, мир ассоциативный, сейчас в нем почему-то вприпрыжку бежит ко мне веселый майский дождик, шлепает по тяжелой и мягкой траве — разве он грустный, дождик-то? Он добрый и умный, как дворняжка, он только иногда притворится плачущим, а кто-то верит... Мир рождественской сказки, лунного полета, здесь даже метлы не нужно, мир часто сюрреалистический, где одним из законов мышления является абсурд, мир, который...

И все-таки это одинокий мир. Я не встречал в нем людей. Правда, я все-таки догадываюсь, что это не только мой мир. Изредка я встречал там, на песке, человеческие следы, иногда находил исписанные разной рукой обрывки бумаги, исповеди без начала, без конца, часто рифмованные... Кто эти люди? И когда они приходили сюда? Вернутся ли они, и где они сейчас?

Я слышу, как шумит где-то вдали водопад. Маленькая язычница, а разве ты можешь распорядиться собой? Что же, в таком случае, заставляет тебя приходить в холодный, серый и неуютный мир из твоего далекого храма?

Ответь мне, но помни — тебе не пристало лгать.

...Где ты живешь — вот что меня интересует. Может быть, ты, в отличие от меня, только приходишь в то, что называется действительностью — действительностью, и, увы, никуда от этого не денешься, как бы ни был велик аквариум, а жаль. Я все же не могу оставаться в своем мире надолго, чтобы не слохнуть на берегу этого теплого, ласкового озера от остракизма...

Сегодня полнолуние — и завтра на рассвете я все же отправлюсь в путь, и кем я вернусь в тот мир, и вернусь ли?

Выходи и ты в путь, маленькая язычница, авось, и встретимся где-нибудь... Захвати с собой бумагу и пиши мне в дороге обо всем, что ты увидишь на своем пути. Можешь наколоть свое письмо на ветку какого-нибудь дерева — ведь чудеса здесь случаются чаще, чем там, или можешь положить свое письмо просто на песок, и не пугайся за его судьбу, когда его подхватит неожиданный ветер...

Мне было тогда девятнадцать лет. Мы учились на первых курсах университета, и все, безусловно, грезилось о том, что нас ждет великое будущее. Мы жалели педагогов, которые старались научить нас писать — ведь давным-давно решено было между нами, что мы пишем не хуже пишущих, а может, даже лучше... Очень модным было чтение современных западных авторов. Канзубуро Оз, Ивлиан Во, Герман Гессе, Макс Фриш — да-да, причудливый мир — мир ассоциативный. Мир одинокий: мы были его героями и всеми силами старались не видеть и не вмешиваться в то, что называлось действительностью, но все-таки я уже тогда понимала ущербность этих грез — и старалась вырваться в мир неподдельный, в мир настоящих людей... Мне было девятнадцать лет, и мне было недостаточно быть просто возлюбленной Гантенбайна... Я не ответила ему письмом — не сумела...

Через некоторое время нашла в отделении пресловутого ящика — последнее:

Эти дни я потратил на постройку плота. Широкоствольные дубы удивительно легко превращались в бревна, а гибкая лоза крепко переплела их — готов мой плот, широкий и верный!

БЫЛ КОЛОКОЛЬЧИК

Нина ШИРОКОВА

ВЫШЕ ХРАМА...

Купола растеряли золото,
звонари по миру слоняются —
колоксла сбиты и расколоты...
Что ж теперь: ходим вокруг да около
на своем поле, как подпольщики?
Если нам не отляли колокол —
значит, здесь время колокольчиков.

...Диск не лежал в магазине. Но Сергей Нохрин купил его — иначе он не был бы другом Александра Башлачева, купил «с запасом». Мы попросили у него не только диск, но и письма его умершего друга. Эти письма резко отличаются от Сашиних посланий университетской незнакомке: там он романтик, здесь реалист. Не дожил он до времени, когда снова разнесся на Руси величавый звон колоколов, но он написал о «горьком смехе русских колокольчиков».

Не каждый из молодых может спеть: «Города цветут синяками, а деревни — сыпью чумною», не каждый может увидеть судьбу целой страны, целого народа, да еще подытожить почти языческим символом:

Я плыву вниз по реке, у которой еще нет имени. Куда я плыву? Разве это имеет значение, особенно, когда можно направиться в любую сторону?

Мои длинные волосы спутаны ветром, гобелен — мой парус: мимо плывут незнакомые берега, незнакомые цветы. Могу растянуться, подставив тело солнцу и слушая в себе просто единственного на всей планете человека — это сладкое и грустное чувство, — могу опустить руку в быструю воду, которую слепит солнце... Роса? Слезы? Солнечные брызги в моей руке? Капли дождя? Водопродовная вода?

Это небо исцеляет все раны, это солнце делает прозрачными все маски... Все комплексы — на дне цилиндра, страх расплылся по углам шкафа, здесь — свобода, нагота тела и слова, и одиночество, заставляющее, мучительно шурясь, всматриваться в берега...

Маленькая язычница, появишься за поворотом, войди по колено в прозрачную воду — помаше мне рукой! Я возьму шест, подплыву к тебе — ты ступишь на теплые, пахнущие смолой, бревна плота, появишься, если тебе достаточно знать, что я плыву вниз по реке... Появишься, если ты не страшись возможного водопада... И не распыняй меня, если...

Что нужно тебе, маленькая язычница? Появишься, я никогда не видел твоих глаз...

Мерно журчащая вода баюкает меня... перо вываливается из рук... Я засыпаю, храм, фрески... река уносит мой плот все дальше и дальше... затерянный комоч перепутанных снов...

— Боже мой, боже мой — как пронзительно читаются сейчас эти строки! А тогда?..

Тогда я подошла к Саше на перемене, улыбнулась и сказала, что романа нам из того, что есть, — не написать... Я сказала, что не умею так фантазировать и так мечтать... Что мне не хватает радости и веселья в этом повествовании... И что лучше будет, если мы просто поищем другую тему... если подружимся...

И те четыре года, пока мы учились одновременно — Саша был младше курсом, — мы еще не раз затевали очередной «роман в письмах», один даже получился вполне презабавным, про «колхозную жизнь трудового семестра». Но «начало» нашей дружбы, эти три главки, не позволили нам сблизиться наши миры, а жаль... Тогда мне казалось, что повествование не получилось у него. Теперь знаю — не получилось у меня самой.

Если забредет кто нездешний —
поразится живности бедной,
нашей редкой силе сердешной
да дури нашей злой, заповедной.
Выкатим кашушку капусты,
выпечем лепешку без теста...
Что снаружи — все еще пусто?
А внутри — по-прежнему тесно!
Всемером ютимся на стуле,
всем миром — на нары-полати...
Спи, дитя мое, люли-люли...
Некому березу заломати!

«Всем, Сережа, что есть во мне разумного, вечного, доброго, я обязан Уральской школе. Впрочем, мои дела сами за себя скажут... Интересные встречи с комсомольскими вожакими, захватывающие мероприятия месячника молодого рабочего — все это переплавляется в строчки и другие долгие дела за обычным письменным столом. Кто, кроме меня, поведает терпеливому читателю, что водитель электровоза такой-то стал победителем соревнования в честь 80-летия РСДРП?.. И деньгами я не обижен: за два материала по 400 строк я получил 30 рэ... Саша, как тебе удается быть журналистом? — спрашиваю я себя...»

«Здравствуй, Сережа! Что-то давненько ты не прибегаешь к услугам самой дешевой в мире почты. Помни, что ты для меня сейчас единственное окно в Азию... Слово «Урал» действует на меня магически неотразимо. Вспомнивая Свердловск, я смахиваю с ресниц капли сухого вина; а при фамилии Нохрин мне хочется встать и немедленно идти пешком на восток...»

Что сказать о работе? Сережа, никогда, ты слышишь, никогда не переступай порога партийного отдела, где я сейчас имею место быть. Я ежедневно вкрячиваю в свои пустые глазницы две элек-

трические лампочки и начинаю освещать работу комсомола; но где-то к обеду спираль теряет свой накал, а после обеда наступают ночные потемки. Мои батарейки слишком слабы, чтобы выдерживать это напряжение, а становиться прожектором-стационаром и бодро включаться в общую электросеть мне все еще не хочется... Я все время испытываю боль какой-то непоправимой утраты... Мне кажется, что все мы крепко влипли в стену, взав большой разбег в свое время. И, самое страшное, я боюсь, что это «свое время» уже никогда не станет своим. Ты меня очень скоро поймешь, прокрипишь еще свое: «Да не так как-то все!»

Времена меняются. Сейчас ни читателя, ни газетчика не соблазнишь скучной, голой информацией. А Саша их еще писал. Писал и песни, за них вообще не получая ничего.

Вы нам: то да се, трали-вали,
мы даем ответ: тили-тили...
Вы для нас подковы ковали,
а мы большую цену платили.
Вы снимали с дерева стружку —
мы пускали корни по-новой.
Вы швыряли медну полужуку
да мимо нашей шапки терновой:
наши беды вам и не снились,
наши думы вам не икнулись...

«Тили-тили» молодого газетчика никак не сходилась с «тралли-вали» официальных идеологов. Обзор его был шире, нежели взгляд корреспондента на неуплату взносов в первичке. А не потому ли и взносы не платились, что: «сколько лет лошади не холены, ни одно колесо не мазано, да плетки нет, седла разворованы, и давно все узлы развязаны»? Все трудней становилось ему быть «иконной в размере оклада»; он знал судьбу Есенина, Рубцова, Высоцкого, и все-таки пел. «Отпевайте немых, а я уж сам отпою!»

«Написал несколько песен. И предложил Измайлову такой вариант: он шлет пленку тебе, ты мне, я ему. Эти три пленки будут ходить по кругу, непрерывно попялясь. Пожалуйста, выкрой время... А главное, пиши мне, Сережа... Я завидую тебе, что ты можешь увидеть себя в зеркале,—я бы тоже хотел тебя увидеть в зеркале. Пиши, брат, пиши!»

«Вы, конечно, удивлены, что дело у меня пошло дальше, чем слово. А между тем я очень рассчитываю, что вы оба подхватите мой первый шаг по развитию творческого почина. Даешь эстафету «Череповец — Свердловск!»...Сережа, если нет пленки, край сверху по моему!.. Поздравляю вас с Новым годом, который я объявляю годом борьбы с тоской и другими вредными привычками. Пейте водку ложками!»

«Здравствуй, Сережа!.. Пока нахожусь на незаслуженном отдыхе. Спокойный сон, жареные курицы кончились с приездом друзей, покрытых крымским загаром. Сегодня я вынес свой большой желудок с поля «боя», т. е. вернулся из Вологды, где находился с дружественным визитом и пустыми карманами... Боюсь, что завтра поеду туда опять...»

«Сентябрь» наш разогнали начисто. В течение месяца выпускаем последнюю пленку — и точка. Конечно, будем стараться со временем превратить ее в зяпатую, но над рок-сценой сгущаются серьезные хмурые тучи, скоро все попрычтается под крыши ресторанов».

«Пусть разбит батюшка Царь-колокол — мы пришли, мы пришли с гитарами...» Саша Башлачев писал рок-тексты. Он мог создавать модные рок-образы, нарушить гармонию в угоду формальному звучанию, но в образы неизменно врывались символы русских традиций, а в гитарный сумбур — звучание гармошки... У многих поэтов плачет и стонет душа, как зуб ноет; у Саши ныл не зуб — корень, у него за душой еще что-то было. Его тройка неслась по оврагам и ухабам, и сквозь современный рок прорывалась звонко-хрустальная песня колокольчика... «Шальное сердце руби в крошку, рассыпь, гармошка! Рассыпь, гармошка, скользи, дорожка!» — гитара в его руках пела, как гармонь. «Мы с душою нонче врозь — пережиток, вопчем, оторви ее да брось, ножками потопчем!» — и гитара заливалась балалайкой... Какой мальчик, переводивший стихи с немецкого?! Русский мужик коренато вставал в нем, и столько было в его песнях бесшабашной удали, полынной горечи...

«Эта неделя в Свердловске была утомительно сумбурной. Моросщий дождь, мокрые носки, бесконечные полстакана вина, окурки на полу, кашель, насморк и большой желудок... Первого сентября мы пошли с Измайловым на вокзал... Вошли в вагон, чтобы помочь занести рюкзаки дамам с четвертого курса... Не нашли сил выйти из вагона — так и уехали в Красноуфимск. Я за шесть часов набил себе крупные мозоли, охрип от водки. Назад ехали той же ночью, пьяные и умиротворенные. Пиши мне, Сережа! Твой друг, бывший студент УрГУ. С.»

Что там мозоли... Когда слушаешь его частушечные переборы — вершишь, что Сашины пальцы «рвались», и гитара была забрызгана кровью... Потому что этакую си-

лищу и страсть не могут выдержать ни душа, ни струны, ни пальцы. Не отсюда ли его образ: «знак кровоточия»?

...Как ходил Ванюша бережком у синей речки,
как водил Ванюша солнышко на золотой уздечке...

душа гуляла, душа летела,
душа гуляла в рубашке белой.
Там, в чистом поле, все прямо-прямо,
и колокольчик был выше храма...

В песне-притче про Ванюшу — такая пронзительность, такой мощный образ! Беспощадный образ, в котором угадывается целый народ, и правда про него невыносимо горька. Какой еще народ выйдет гулять в белой рубашке, со святой и чистой верой в душе, а потом заливаает и рубашку, и веру своей же кровью?.. Какой народ способен «век жевать матюги с молитвами» и, не имея ни копейки за душой, гулять «на тыщу»? Где еще такой народ, который — «из песни в драку, от драки — к чуду»... И в каком это чистом поле бродит отдельно неприкаянная его, народа, душа?.. Воистину, своей мощью и талантом мог он прорубить дорогу к небу, а получилось: «Сине небо вниз тянули — тьфу! — да надорвались...»

«Я не знал, как жить: ведь я еще не выпек хлеба, а на губах не сохла капля молока». Для своего народа, для его вековой истории Саша Башлачев и был мальчик с молоком на губах — не успел расцвести, раскрыться в полную силу его талант. Но благословен мальчик, спевший про «Ванюшу», чья душа летела на серебряных подковах, да заплетяла умом и рассталась с телом...

«Пусть сентябрь в каштанах рыжих... Привет, Сережка! Я по тебе очень соскучился. Лучше пить водку с тобой, чем в сауне с бассейном... Очень хочу встретиться с тобой, как говорят в Таллинне, играть в шутку».

«Сережа! Дела у меня хреновенькие. Вернулся к своим баранам. Память обо всех вас зажал зубами, как герой-связист, и она все время бьет меня током шифрованных воспоминаний. Сегодня еду в Питер. Ты мне сообщи немедленно адрес-номер своей полевой почты, я буду поддерживать твоё моральное состояние... Ну, спешу на поезд. Впереди встреча с «Аквариумом», «Майком» и пр. Жду писем».

«Гулял Ванюша, да весь вышел...» В Ленинграде Саша Башлачев покончил с собой. Не знаю, все говорят, что выбросился из окна. А мне кажется, что — упал с обрыва. Вот встал на обрыве, раскинул руки — «то ли для объяснения, то ли для распятия» — и полетел... Ведь он же предупреждал, прогонял всех: «А ну, от винта! Все-все от винта!», «Я знаю, зачем иду по земле — мне будет легко улетать». Не я одна подметила и этот его дар — предвидения, и не только собственной судьбы. Артем Троицкий на конверте Сашиной пластинки пишет о том же. Башлачев написал и спел: «Ядерный принц несет свою плеть на трон» — и вдруг грянул Чернобыль... Я всерьез думаю: не был ли Саша Башлачев провидцем, современным волхвом? Не знал ли своей судьбы? Ведь не мог он не понимать, будучи истинным поэтом, что нельзя колокольчику быть выше храма — такая высота часто смертельна...

Но Саша был реалист. И мы тоже понимаем: затянувшиеся традиции студенческой вольницы, больной желудок, постылое вранье и занудливость газетной работы, разгон любимой рок-группы, постоянные поиски места, неустроенность быта, ежедневные просьбы спеть — все это изматало Сашу. Все видя, все понимая, все переживая, — он так и остался наедине со своим сиротством, которое нередко сопутствует большому таланту, даже когда слава уже греет его одним боком.

Как ветра осенние черной птицей

голосили,

а ты откуда взялся, богатырь-снегирь?

Я хотел бы жить, жить и умереть

в России...

Саша Башлачев жил и умер в России. Он оставил нам пока одну пластинку с очень горькими песнями в стиле фольк-рок. «Я не доживу, но я увижу время, когда эти песни станут не нужны» — последний аккорд.

Что хотел этим Саша сказать нам? Вынести приговор своему горестному дару? Или оставить на память несбывшуюся мечту о чистой песне колокольчика под дугой?..

кость трюмов. Хозяева — известная шотландская фирма — перевели корабль с северной верфи, где его спустили на воду и нарекли, в Ливерпуль. Отсюда ему предстояло доставить груз в Нью-Йорк. Дочь судовладельца, мисс Фрезьер, прогуливалась по палубе и восхищалась решительно всем: свежей краской, блестящей медью надраенных рукояток и особенно — прямым мощным носом, о который она разбила бутылку шампанского, когда корабль получил имя «Димбула». День стоял погожий, сентябрьский, и только что, спущенное со стапелей судно, выкрашенное в свинцовый цвет, с красной трубой, выглядело очень нарядно. На мачте развевался флаг пароходства, проходящие суда время от времени приветствовали нового товарища, желали ему удачи на морских дорогах, и «Димбула» гудком отвечала им.

— Правда, замечательный пароход? — восторженно сказала мисс Фрезьер капитану. — Как будто отец его только вчера заказал, и вот, от него уже глаз не отвести, прелесть, правда?

— Да, он, конечно, неплохо смотрится, — сдержанно отвечал шкипер, — но я должен вам сказать, мисс Фрезьер, дать кораблю имя — это еще не все. С вашего позволения, мисс Фрезьер, железки, заклепки, обшивка — они, конечно, собраны вместе так, что на первый взгляд перед тобой как будто и впрямь корабль, а на самом деле об этом говорить рано. Он должен еще стать кораблем.

— А по-моему, отец говорил, что по его заказу уже готов отличный корабль.

— Да, это, конечно, так, кто бы спорил, — шкипер усмехнулся, — но с кораблями так просто не получается. Все его части пока только пригнаны одна к другой, но они, извольте видеть, мисс Фрезьер, еще не сработались. У них пока такой возможности не было.

— Машина работает очень хорошо, даже здесь слышно.

— Да, конечно. Но и машина — тоже не весь корабль. Каждый его дюйм должен, почти как живой, приладиться к своему соседу. Притереться, как мы это называем.

— А как это делается? — спросила мисс Фрезьер.

— Не знаю, как и объяснить. Мы ведь можем только следить за судном и держать заданный курс, но если мы попадем в шторм — а, кстати, очень похоже, что так и будет, — тогда все выйдет само собой. Потому что, извольте видеть, мисс Фрезьер, корабль — это вовсе не консервная банка, запаянная со всех сторон. Корабль — это сложнейшая конструкция, которую различные нагрузки и напряжения растягивают в разные стороны, а он откликается на них так, как ему велит модуль упругости.

К ним подошел старший механик мистер Бьюкенен.

— Я тут говорил мисс Фрезьер, что «Димбула» — пока еще не корабль, она им станет не раньше, чем пройдет через шторм. Как там у вас в машинном, Бьюк?

— Нормально, все по инструкции. Ритма пока, конечно, своего нет. — Он повернулся к девушке. — Поверьте, мисс Фрезьер, может быть, вы когда-нибудь убедитесь в моей правоте: от того, что симпатичная девушка дала кораблю имя, он вовсе не стал им по-настоящему.

— Буквально мои слова повторяете, мистер Бьюкенен, — перебил шкипер.

— Ну, — засмеялась мисс Фрезьер, — это уже какая-то мистика, мне этого не понять.

— Да? Отчего же? Вы настоящая шотландка, я знал отца вашей матушки, он был родом из Дамфриса, и в области мистики вы должны чувствовать себя так же запросто, как на палубе «Димбулы», — сказал механик.

— Ну ладно, пора нам отплывать в открытое море, чтобы мисс Фрезьер могла получить свой доход. Не хотите ли выпить чаю у меня в каюте? Ночь мы простоим в доке, но если по дороге в Глазго вы про нас вспомните, не сомневайтесь, что мы уже загрузились и вышли в рейс — и все ради вас!

В последующие два дня они взяли две тысячи тонн груза и вышли из Ливерпуля.

Как только «Димбула» покинула порт, во всех ее углах сразу же начались разговоры. Когда в следующий раз будете плыть на пароходе, приложите ухо к стенке каюты, и вы услышите со всех сторон сотни различных голосов. Они дрожат и дребезжат, звенят и нашептывают, всхлипывают, булькают и хрипят, точь-в-точь, как телефонная трубка во время грозы. Деревянные суда скрипят, ворчат и потрескивают, железные вздрагивают и вибрируют сотнями шангоутов и тысячами заклепок. В «Димбулу» было вложено очень много труда. Каждая деталь была пронумерована и снабжена иногда не только цифрой, но и литерой, чтобы ее легче было найти; и каждый кусок металла много месяцев провел в грохоте верфи, пока его ковали, тянули, штамповали, волочили или прокатывали. Неудивительно поэтому, что все они говорили по-своему, в точном соответствии с количеством затраченных на них усилий. Например, чугун молчалив, зато листы ковкой стали, шангоуты, балки — литые, гнутые, клепаные — звучат беспрерывно. Их разговоры, конечно, не столь содержательны, как наши, поскольку они, сами о том не подозревая, посажены вплотную друг к другу в крошечной тьме и не умеют понять, что происходит.

Едва судно прошло мимо побережья Ирландии, угрюмая седая волна лениво влезла на его прямой нос и села сверху на шпиль — паровую лебедку для вытягивания якоря. И шпиль, и его движок были недавно выкрашены в зеленый и красный цвета. Да и вообще, кому придется по нраву, когда тебя окутывают холодной водой!

— Кончай эти штучки, — прошипел шпиль сквозь зубцы лебедки, — слышишь? Эй, эй, куда ты?

Волна неуклюже перевалилась через борт и со смешком ушла в море.

— Нас много еще впереди, — сообщила новая волна и перекатилась через шпиль, наглухо привинченный к железной плите, покоящейся на поперечных стальных балках — бимсах.

— Нельзя ли наверху поспокойнее, — скрипнули бимсы. — Что происходит? То ни с того ни с сего твой вес удваивается, то вдруг приходит в норму.

— Я не виноват, — отвечал шпиль. — Раз за разом какая-то зеленая туша приползает и наваливается на меня брюхом.

— Обратись к плотникам. Ты уже не первый месяц сидишь на месте, и ничего подобного раньше не было. Нам и без тебя нагрузки хватает.

— Что касается нагрузки, — проскрежетал неприятный грубый голос, — вы, бимсы, хоть знаете, что ваши уродливые кницы приклепаны к нам и создают массу неудобств?

— Кто это говорит? — заинтересовались бимсы.

— Мы все говорим, — был ответ, — стрингеры обоих бортов, и если вы не перестанете колебаться вверх-вниз, мы с сожалением будем вынуждены принять ответные меры.

Стрингеры — это длинные стальные брусы, бегущие вдоль всего корпуса от кормы к носу. Они фиксируют положение стальных рам, по традиции со времен деревянных судов называемых шпангоутами, а те, в свою очередь, держат концы бимсов, идущих поперек палубы от борта к борту.

— Вы примете меры, вы?! — раздался долгий вибрирующий гул шпангоутов, многие десятки которых на расстоянии восемнадцать дюймов один от другого приклепаны к стрингерам, каждый в четырех точках. — Мы сомневаемся, что вам удастся что-нибудь предпринять, — и тысячи заклепок, которые соединяют корабль в одно целое, зашептали: — Нельзя ничего предпринимать, нельзя, мы не пустим! Не надо дрожать, не надо трястись. Держитесь, друзья, держитесь! Что это?

Зубов у заклепок нет, стало быть, им нечем стучать от страха. Они намертво вцепились в свои места, когда по кораблю от кормы до носа прокатилась волна вибрации, и он задергался, как крыса в зубах терьера.

Море свирепело. Сильная килевая качка вынесла вращающийся винт к самой поверхности, и он крутился с бешеной скоростью и взбивал пену, потому что был погружен только наполовину и не встречал должного сопротивления. Когда он ушел на глубину, судовой двигатель, стоявший тремя цилиндрами в ряд, фыркнул поршнями:

— Ты, там, снаружи! Пошутить решил? Неостроумно! Как мне работать, если ты будешь то и дело слетать и проскальзывать?

— Я не проскальзываю, — натужно вращаясь на валу, отозвался винт. — Если бы я слетел, ты был бы уже грудой лома. Просто из-под меня ушло море и я работал вхолостую, вот и все.

— И все? — возмутился главный упорный подшипник, который принимает напор винта. Ведь если бы винт ничем не сдерживался, он вполз бы прямо в машинное отделение; отдача от сдерживаемого напора винта движет корабль вперед. — Я работаю глубоко внизу, мой труд никому не заметен, но я требую справедливости, да-да, справедливости. Твое дело тянуть ровно и непрерывно вращаться, а не просвистывать, как детский волчок. У меня гребни перегреваются.

Главный упорный подшипник держит вал шестью упорными гребнями, они обиты медью и, разумеется, ему делается худо при перегреве. Следом за ним зашептали опоры, несущие пятидесятифунтовый вал:

— Справедливость, нам тоже нужна справедливость.

— Я не могу дать больше того, что у меня есть, — ответил винт. — Держись! Вот опять!

«Димбула» снова зарылась носом в волну, винт вынырнул и двигатели яростно застучали вхолостую.

— Это никуда не годится, — запротестовал цилиндр высокого давления. — Мистер Бьюкенен говорит, что я — самое совершенное создание человеческого гения! — он потащил поршень вверх и захлебнулся, потому что пар был смешан с грязной водой. — На помощь! Мастер! Слесарь! Кочегар! Задыхаюсь! На помощь! — Он выдохнул. — За всю исто-

рию мореплавания не погибала еще так бесславно ничья цветущая юность! Если я выйду из строя, кто поведет корабль?

— Спокойнее, спокойнее, — прошептал Пар, не раз уже работавший в море. Досуг свой он проводил на берегу: в облаке, водостоке, в цветочном горшке или грозовой туче — всюду, где нужна вода. — Ничего страшного не произошло, так учат всех новичков, на-таскивают, как говорится. Так будет всю ночь, то хуже, то легче. Все это не особенно приятно, но при такой погоде трудно ждать лучшего.

— Какое мне дело до погоды? Мне для работы нужен сухой, чистый пар. К чертям погоду! — взревел цилиндр.

— Погода определяет чертовски многое. Я часто работал здесь, на севере Атлантики, и можете мне поверить — к утру волнение усилится.

— А что, сейчас мертвый штиль? — откликнулись сверхпрочные шпангоуты машинного отделения. — Кому нужны бессмысленные броски вверх и вниз? А скручивающие изгибы, которые портят нам крепеж? Потом, мы очень обеспокоены рывками в направлении вост-норд-вест, которые следуют сразу за этими изгибами. Между прочим, мы обошлись недешево. Владелец наверняка осудит такое легкомысленное обращение с нами.

— Боюсь, что здесь владелец бессилен, — ответил Пар и стал протискиваться в конденсатор. — Пока ветер не стихнет, вы можете надеяться только на себя.

— Ветер — это еще ничего, — басовито заговорил кто-то внизу. — Беда в том, что груз подвергается опасности. Я, килевой общиночный пояс, знаю, что говорю. Я вдвое прочнее и толще всех остальных листов и переборок.

Килевой пояс проходит вдоль днища. На «Димбуле» его толщина составляла три четверти дюйма ковкой стали.

— Море, — урчал он, — давит на меня снизу сильнее, чем я рассчитывал, а груз давит на меня наоборот, сверху вниз, и я зажат между ними и не понимаю, что делать.

— Не знаешь, что делать — держись, — рявкнул Пар, прокладывая дорогу к котлам.

— Да, но здесь внизу холодно, темно, тесно. Откуда мне знать, несут ли мою вахту другие? Фальшборт, например; я слышал, будто его толщина — всего пять шестнадцатых. Это же абсурд!

— Ты прав, — ответил утолщенный шпангоут, стоящий вблизи грузового люка. Он был больше и толще прочих, и, словно арка, шел поперек корабля под палубой, заменяя бимсы: в этом месте они мешали бы перемещать грузы. — Я работаю без чьей бы то ни было поддержки, и, если я правильно понимаю, корабль без меня обречен. На мне лежит колоссальная ответственность, потому что стоимость груза превышает сто пятьдесят тысяч фунтов. Над этим стоит задуматься, не так ли?

— И судьба каждого фунта зависит целиком от меня. — Это подал голос кингстон, расположенный над килевым поясом и обращенный прямо к морской воде. — Я с гордостью сознаю, что сделан в Принс-Хайде и снабжен фирменным уплотнением из лучшего бразильского каучука. Я, не в укор другим будь сказано, защищен пятью патентами — пять совершенно отдельных и независимых патентов, составленных опытнейшими заявителями. Так вот, сейчас мне приходится очень туго. Стоит мне поддаться

давлению, и вас поглотит вода. Это принципиально неопровержимо.

Запатентованные узлы всегда употребляют длиннейшие слова из всех возможных, поскольку именно так поступают изобретатели.

— Вот так новости,— удивилась центробежная помпа.— Мне-то казалось, что ты нужен для мытья палуб и помещений забортовой водой. Во всяком случае, один раз тебя для этой цели использовали. Не помню уж, сколько галлонов в час я откачиваю, но уверяю вас, мои малодушные друзья, что вы вне опасности. Без всякой помощи я могу выбросить отсюда всю воду, сколько бы ее ни набралось. Однако качает, клянусь моими насосами!

Море разгулялось вовсю. С запада, со стороны рваного просвета в зеленом небе, обложенного грузными серыми облаками, дул штормовой ветер. Вихрь, как клещи, сбоку впивался в волны и облеплял их кружевом пены.

— Послушайте,— передала вниз по вантам фокмачта.— Я с высоты вижу, что происходит. Против нас организован заговор. Я абсолютно уверена в этом, потому что каждая из набегающих волн движется не куда-нибудь, а прямо к нам. Все море ополчилось против нас вместе с ветром. Это ужасно!

— Что ужасно? — поинтересовалась волна и в сотый раз накрыла шпиль.

— Заговор против нас,— булькнул шпиль, подхвативший версню мачты.

— Пена в заговоре с пузырями! Над Мексиканским заливом понизилось давление. Извините, спешу! — И волна прыгнула за борт. Рассказ продолжили ее подружки:

— Пониженное давление дошло...— волна перекувырнулась через трубу.

— ...до мыса Гаттерас...— волна затопила мостик.

— ...и уходит обратно в море, в море, в море! — волна пролетела по палубе тремя горбами и сорвала шлюпку. Шлюпка перевернулась вверх дном и потонула в темном провале водяных гор, и только оборванные фалы хлестали по шлюпбалкам.

— Только и всего,— пробурлила покрытая белой пеной вода на пути к шпигатам.— У нас нет злых намерений. Мы — следствие состояния атмосферы.

— Улучшения не ожидается? — спросил носовой якорь, привязанный к палубе, где он мог вздохнуть не чаще, чем раз в пять минут.

— Не знаем, сказать не можем, возможно, к полудню ветер посвежеет. Рада знакомству, спешу.

Вежливая волна побежала по направлению к корме и неожиданно оказалась в тупике — в колодезной палубе, зажатой между фальшбортами. Один обшивочный лист был подвешен на петлях так, чтобы открываться наружу. Он откочнул и с чмокающим звуком выпустил волну на свободу.

— Так вот, значит, для чего я нужен,— обрадовался клапан шпигата и гордо захлопнулся.— Э, нет, приятель, сюда не лезь!

Гребень волны пытался влезть снаружи на палубу, но у петель ходу внутрь не было, и гребень, несолоно хлебавши, убрался прочь.

— Ну что же, недурно для пяти шестнадцатых,— сказал шпигат.— Видно, мне не придется скучать нынче ночью,— и он пошел открываться и закрываться в такт ходу корабля, как, собственно, и было задумано.

— Мы тоже не очень ленимся,— разом застонали

шпангоуты. «Димбула» вскарабкалась на волну, на гребне едва не легла на борт и провалилась в открывшуюся теснину, рыская на спуске из стороны в сторону. Гигантская водяная глыба подхватила ее под самую середину, так что и нос, и корма повисли в воздухе. Тотчас новая волна решила поддержать шутку. Она протиснулась под корму, еще одна подняла нос, все остальные — из чистого любопытства — ушли и оставили неимоверную тяжесть машин, корпуса, груза висеть на киле и стрингерах.

— Легче! Легче там! — застонал килевой пояс.— Хотя бы на одну восьмую дюйма можно правила соблюдать?! Слышите, вы, заклепки!

— Легче! Легче! — заскрежетали стрингеры.— Дайте нам отойти от шпангоутов!

— Легче! — заурчали бимсы из-под угрожающе накренившейся палубы.— Вы давливаете наши кницы в стрингеры так, что нам не пошевелиться. Легче, вам говорят, не то останетесь без своих плоских головок!

Две встречных волны врезались в нос, одна в левую скулу корабля, другая в правую, и рухнули вниз дымящимся грохочущим водопадом.

— Легче! — завопила передняя таранная переборка.— Меня ведет во все стороны, а я зажата, как в тисках. Легче, вы, проклятые кованые стружки! Дайте передохнуть!

И сотни обшивочных листов, приклепанные к шпангоутам, подхватили ее крик, потому что каждый лист стремился сместиться и сдвинуться, и каждый на свой лад клял заклепки.

— Нет, нет, ни за что,— забормотали они в ответ,— наше дело — как раз не давать вам двигаться, и мы не отступим. Не дергайте нас все время в одну сторону. Предупреждайте нас о ваших намерениях, и мы постараемся пойти вам навстречу.

— По-моему,— сказал четырехдюймовый настил верхней палубы,— все, кому не лень, тянут куда им вздумается. Зачем это? Друзья мои, давайте объединим усилия!

— Делайте, что хотите,— прорычала труба,— но не вздумайте пробовать ваши эксперименты на мне. Я стою неподвижно, только когда семь тросовых расчалок тянут меня в разные стороны. Верно я говорю?

— Верно, дружище! — зазвенели ванты, певшие на ветру, как струны, натянутые между топом трубы и палубой.

— Вздор! Будем тянуть все вместе,— повторил настил.— В длину — тя-ни!

— Ладно,— сказали стрингеры,— но тогда не давите на нас сбоку при каждой новой волне. Качайтесь мягко от носа к корме, от кормы — к носу и чуточку изгибайтесь у самых концов, как мы.

— Не смейте изгибаться у концов! Мягкий и острый изгиб с бортов, жестко держать кницы и — никакого напряжения в сварных швах,— возразили бимсы.

— Ерунда,— откликнулись железные цилиндрические пиллерсы из темного глубокого трюма.— Кто это говорит об изгибах? Стойте прямо, как положено, и вы не шелохнетесь ни под какой нагрузкой, вот так! Оп-ля! — Большая волна тяжело рухнула на палубу, стойки напряглись и замерли неподвижно.

— Просто вверх-вниз — это еще не беда,— заметили шпангоуты, шедшие поперек бортов,— но вот еще бы немного раздвинуться! Расширение — закон жизни. Раздайсь! Раздайсь!

— Назад! — злобно огрызнулись бимсы, когда под натиском вздымающейся волны шпангоуты попытались разогнуться. — На место, хилые железяки!

— Жест-че, жест-че, жест-че, — отбивали ритм двигатели. — Все-гда, во всем, жест-че, жест-че!

— Вот видите, — всхлипнули заклепки, — все тянут в разные стороны, а мы виноваты. Наше дело — проходить насквозь и намертво вцепляться с обеих сторон, и мы не можем, не смеем и не будем двигаться!

— Но, между прочим, я добился некоторой подвижки, — торжествующе заявил килевой пояс, и был прав: все днище облегченно вздохнуло.

— Мы никуда не годимся, — зарыдали внизу заклепки. — Нам приказали, нам приказали не отступать, а мы отступили, море хлынет внутрь, и мы вместе уйдем на дно. Сперва нас ругают за то, что мы всем мешаем, а теперь мы лишены даже сознания выполненного долга.

— Вы только не говорите никому, кроме того облага, в котором я в последний раз отдышал, — утешающе прошептал Пар, — но, между нами, рано или поздно это должно было произойти. То, что вы капельку сдвинулись, было неизбежно, и вашей вины в том нет. А теперь держитесь, как прежде.

— Что толку? — лязгнуло несколько сот заклепок. — Мы сдали, сдали, и чем скорей мы признаемся, что не справились и что корабль скоро рассыплется, тем лучше. Пусть нам срезает головки, такого напряжения ни одна заклепка не выдержит.

— И не должна, — отвечал Пар. — Распределяйте усилия между собой.

— Можете распределять между собой мои усилия. Я вываливаюсь, — сообщила заклепка в одном листе носовой обшивки.

— Ты вывалишься — все вывалится, — зашипел Пар. — Это заразно, как чума. Кстати, я знал заклепку на одну восьмую дюйма толще, чем ты, на пароходе всего-навсего в пятьсот тонн, кажется, я не ошибаюсь. Она чуть-чуть высунулась из гнезда, когда море начало волноваться — гораздо слабее, чем сейчас, — за ней посыпались все ее соседи на стыках, обшивка разошлась, как непрочный шов, и я еле успел уйти в туман, а судно пошло ко дну.

— Какой позор, — сказала заклепка. — Толще, чем я, и на пароходе с вдвое меньшим тоннажем? Предательница! Мне стыдно, что мы с ней родня, сэр, — и она вцепилась в свое гнездо крепче, чем раньше. Пар усмехнулся:

— Ты ведь понимаешь, — серьезно продолжал он, — что заклепка и особенно на твоем месте — это практически единственная незаменимая деталь в корабле.

Он только что нашептал то же самое каждому куску стали, но не признался в этом. Правды не надо говорить без крайней нужды.

А «Димбулу» качало и швыряло, кренило и бросало, она валилась попеременно на оба борта и, как ужаленная, подсакивала на волнах, ее нос рыскал во всех направлениях и зарывался в воду, потому что шторм бушевал в полную силу. Вокруг было черным-черно, белела лишь пена, срываема ветром с высоких волн, и в довершение сплошной пеленой хлынул дождь. В полнейшей темноте было не различить поднятую к лицу руку. Тех, кто работал под палубой, это не волновало, но фок-мачта пришла в отчаяние.

— Все кончено, — жалобно проскрипела она. — Нам не под силу совладать с заговором. Осталось одно...

— Ррра-а-а! Ррру-у-у! — заревел Пар, вырвался из sireны и взмыл над оторопевшей палубой. — Не пугайтесь, я просто хотел предупредить тех, кто, может быть, оказался сейчас поблизости.

— Ты что, считаешь, что кто-нибудь еще кроме нас вышел в море в такую погоду? — с хриплым восторгом спросила труба.

— Множество судов плывет в море, — ответил Пар и прочистил глотку: — Р-ррра-а! Брр-ру-у! Грр-раррп! Однако тут задувает! А ливень какой!

— Нас затопило, — сказали шпигаты. Их заливало всю ночь, но когда сверху полил дождь, они решили, что наступил конец света.

— Держитесь, все в порядке. Через час-другой станет легче. Ты смотри, как ливень льет, а ведь надо плыть вперед. Ррр-ра-аа! Ррр-ру-рр! Грр-р-руу! По моему, море успокаивается. Если я прав, вы скоро узнаете, что такое бортовая качка. Пока что вас только килевая мотала. Как там у вас, в трюме? Нет ощущения, что не так все страшно?

Все, кто имел голос на корабле, стонали и скрипели по-прежнему, но уже не так громко и не таким паническим тоном, как раньше. Корабль под ударами моря не вздрагивал весь, как кочерга, брошенная на пол, а мягко покачивался, как хорошая клюшка для гольфа.

— Мы совершили потрясающее открытие, — один за другим слышались голоса стрингеров, — открытие, которое в корне меняет ситуацию. Впервые в истории мореплавания мы обнаружили, что стягивающее усилие бимсов и распирающее усилие шпангоутов фиксирует нас в правильных положениях, благодаря чему мы можем выдержать давление, не имеющее аналогов в истории морских экспедиций.

Пар поспешно обратил смех в рев туманной sireны, а когда успокоился, сказал:

— Какой блестящий ум у вас, стрингеров, какая мощь интеллекта!

— Мы тоже, — вступили в беседу бимсы, — не менее гениальны и изобретательны. Мы пришли к выводу, что пиллерсы существенно помогают нам. Они нас подерживают, когда сверху обрушивается страшная тяжесть морской воды.

«Димбула» с жутким креном провалилась в водяное ущелье и судорожным рывком вниз выпрямилась.

— А вот теперь — слышишь, Пар? — настилы и переборки в районе носа, а в особенности — кормы поддерживают нас и помогают удерживаться от распрямления.

Шпангоуты говорили голосом серьезным и уважительным, как говорят те, кто в первый раз в жизни набрал на новую мысль.

— Я — всего-навсего легкомысленный бродяга, — ответил Пар, — но по роду деятельности бывал под очень высоким давлением. Рассказывайте дальше. Вы так сильны, и все, о чем вы рассказываете, так интересно!

— Смотри на нас и учись, — вмешались листы кормовой обшивки. — Задние, приготовься! Вон идет такая волна, какой мы еще не видели. Держись, заклепки!

Чудовищная громада с маху грохнулась сзади, но в сутолоке и суете схватки Пар слышал быстрые

четкие реплики стальных элементов конструкции, бо-
рющихся с разными по величине и по направлению
напряжениями:

— Тише, не зажимайся, а вот теперь стой, дер-
жись! Пряме! Подайся чуток! Не забывай о краях —
прими на себя,— наперекрест передай! Не отпускаяй,
прихвати края крепче! Гони воду вниз — все, уходит!

Волна умчалась в темноту со словами: «Это ваш
первый рейс? Что ж, неплохо!», и позабывший, что
такое сухая палуба, корабль задрожал в такт ма-
шине. Все три цилиндра побелели от соленых брызг,
проникавших сквозь люк, белой опушкой оделись
паропроводы, даже начищенная медь основания была
в грязных пятнах, зато цилиндры научились рабо-
тать с паром, смешанным наполовину с водой, и бодро
стучали поршнями.

— Как дела у самого совершенного создания чело-
веческого гения? — спросил Пар, клубясь в машин-
ном отделении.

— Ничто не дается даром в юдоли слез,— отве-
тили цилиндры, словно проработали не один век,—
и очень мало за семидесятипятифунтовую головку.
Последний час с четвертью с трудом выжимаем два
узла! Для восьмисот лошадиных сил унизиительно,
другого слова не подберешь.

— Все лучше, чем дрейфовать кормой вперед.
Вы стали, как бы это сказать — немного опытнее, а?

— Если бы тебя так било всю ночь, ты тоже при-
обрел бы опыт. Теорети-рети-рети-чески, жесткость —
первое дело; практи-к-ти-к-ти-чески же — уступай в
одном, но держись в другом. Мы поняли это, когда
работали, лежа на боку в течение пяти минут без
перерыва. Как погода?

— Стихает,— отвечал Пар.

— Отлично,— сказал цилиндр высокого давле-
ния,— раскручивайте ее, ребята. Нам дали еще пять
фунтов свежего пара.

И он прогудел первые такты «говорил Джебзай
старому Джебзайе...» — любимой, если вы обратили
внимание, песенки двигателей, рассчитанных на сред-
нюю скорость. Двухвинтовые скоростные лайнеры
предпочитают «Турецкий марш», увертюру к «Брон-
зовому коню» или «Мадам Анго» в нормальном ре-
жиме, а при неполадках сбиваются на «Похороны
куклы» Гуно с вариациями.

— Настанет день, когда у тебя будет собственная
мелодия,— сказал Пар и взвился к сирене, чтобы
дать последний гудок.

Наутро небо расчистилось, море слегка утихло.
«Димбула» очутилась во власти бортовой качки. Ее
шатало с боку на бок так, что стальные деталям
было худо и тошно от круговерти, но к счастью, не
всем одновременно, иначе судно развалилось бы, как
намокшая бумажная коробка.

Пар без устали подавал предупреждающие сигнала,
потому что как раз по окончании бури в резкой,
жесткой качке и сумятице случается большинство
крушений — все думают, что самое страшное позади
и теряют бдительность. Поэтому он ревел и свистел
до тех пор, пока шпангоуты, бимсы, настилы и стрин-
геры не научились поддерживать друг друга при
крене и не припрорывались к новым условиям.

У них было достаточно времени, поскольку они
проехали в море шестнадцать дней, а сносная погода
установилась лишь за сто миль до Нью-Йорка. «Дим-
була» приняла лоцмана и, вся покрытая солью и ры-
жей ржавчиной, вошла в порт. Труба была сверху

донизу грязно-серая, две шляпки снесло, каждая из
трех медных вентиляционных отдушин выглядела,
как шляпа после драки с полицией, посреди мостика
была вмятина, ходовая рубка расщеплена, словно
от удара топором. Перечень мелких поломок в ма-
шинном отделении был длиной почти что с несущий
вал. При попытке открыть передний грузовой люк
крышка его застряла в перекладах трапа, паровой
шпиль сильно покоржило на подставке, но тем не
менее шкипер сказал, что «ничего страшного».

— А хороша,— сказал он мистеру Бьюкенену.—
Шла с полным грузом, как яхта. Помните последний
заряд шторма в море? Честное слово, Бьюк, я горд
за нее.

— Да, безусловно,— кивнул механик и оглядел
разгромленные палубы.— Со стороны может пока-
заться, что мы потерпели кораблекрушение, но мы-то
знаем, что это вовсе не так.

И все детали на «Димбуле» были горды донель-
зя, а фок-мачта и таранная переборка, обладавшие
характером напористым и честолюбивым, упрасива-
ли Пар, чтобы он известил порт Нью-Йорк об их при-
бытии.

— Расскажи про нас этим большим судам,— ска-
зали они,— а то они вроде бы и внимания-то на нас
не обращают.

Стояло прекрасное, чистое, спокойное утро; с рей-
да цепочкой с интервалом в полмили величественно
направлялись в открытое море «Мажестик», «Париж»,
«Турень», «Сербия», «Кайзер Вильгельм II» и «Вер-
кендам». На кораблях играли оркестры, с буксиров
кричали и махали платочками. «Димбула» отвернула
штурвал, очищая путь большим пароходам, а Пар,
который достаточно повидал на своем веку и не упу-
скал лишний возможности покрасоваться, закричал:

— Ого-го-го-го! Работники и герои Больших мо-
рей! Сим объявляем всем, что мы, «Димбула», вышли
из Ливерпуля и за пятнадцать суток девять часов
с тремя тысячами тонн на борту впервые в жизни
пересекли Атлантику. Мы не потонули. Мы прибыли
суда в целостности. Мы храбро бились с невиданным
штормом. Нам разбило палубы, мы испытали все
виды качки, мы думали, нам конец. Но мы все вы-
держали, пришли в Нью-Йорк через всю Атлантику,
через ужаснейшую, небывалую бурю. Мы — «Дим-
була»!

Великолепная колонна судов шла размеренно, как
последовательность времен года. «Мажестик» сказал:
«Надо же!», «Париж» проворчал: «Подумаешь!»,
«Турень» согласилась: «Оуи!» и выпустила кокетливый
завиток пара. «Сербия» усмехнулась: «Х-хо!», а «Кай-
зер» и «Веркендам» отозвались «Нöч!», и наступило
опять молчание.

— Я сделал все, что мог,— серьезно сообщил
Пар,— но, похоже, не произвел на них должного впе-
чатления. А как по-вашему?

— Сушее безобразие,— отозвалась кормовая об-
шивка.— Неужели не видно, как нам досталось? Нет
ни одного корабля, который бы перенес то, что мы.

— Это я поостерегся бы утверждать,— сказал
Пар.— С некоторыми из этих кораблей я знаком и
приводил их через такие же шторма не за полмесяца,
а за шесть дней, причем водоизмещение кое у кого
больше десяти тысяч тонн. Один раз, например, «Ма-
жестик» захлестнуло вместе с трубой, и, если мне
не изменяет память, «Аризоне» я помогал темной
ночью уйти задним ходом от айсберга. Как-то я спас-

ся из машинного отделения «Парижа», потому что в нем было тридцать футов воды. Не спорю, конечно...

Внезапно Пар смолк: под носом «Димбулы» проскочил буксир с группой политиков и духовым оркестром. Они проводили отпльвавшего в Европу сенатора и теперь взяли курс на Хобокен. Долгое молчание обволокло «Димбулу» от форштевня до винта. Потом новый мощный голос заговорил как будто спросонья:

— Кажется, я нагородила тут ерунды.

Пар сразу понял, в чем дело. Когда корабль становится кораблем, все разговоры на нем смолкают и голоса сливаются в один голос — голос самого корабля.

— Кто говорит? — весело спросил Пар.

— «Димбула», кто же еще. С момента спуска на воду я ношу это имя. Но как я себя глупо вела!

Буксир, сделавший все, чтобы попасть под парход, успел вовремя улизнуть. Оркестр на нем бряцал во всю мощь веселую залихватскую мелодию:

В древности такие штучки — слышишь ты?
В древности такие штучки — слышишь ты?
В древности такие штучки
Доводили до трясучки,
Слышишь ты — слышишь ты — слышишь ты?

— Я рад, что ты обрела свой голос, — признался Пар. — Откровенно говоря, я малость подустал от бесед с бимсами и шпангоутами. Здесь тебя выдержат на карантине, потом подойдем к пирсу, почистимся, обретем нормальный вид, а через месяц — в обратный путь.

*Перевод с английского А. З. Колотова.
Стихи в перев. А. М. Казарновского*

Татьяна БУРУКОВСКАЯ

МОРЕ

Взлохмаченные волны разматывают мили
Ухабистых, упрямых, невидимых дорог.
Поскрипывают мачты —
рассказывают были.

А я в который раз уже
Даю себе зарок:
На палубу — ни шагу,
Штормовку — в дальний угол.
На берегу ведь тоже
работ неprovорот.
Но налетевший ветер,
соленый ветер с юга,
Нахальный и беспутный,
ударил в правый борт —
И вновь мои зарок смешал и перепутал,
И вновь мои дороги смотал в один клубок.
...Поскрипывают мачты —
рассказывают были,

А слышится, как будто
скрипит родной порог.

***

Не вспоминай
ни глаз моих, ни слез,
Когда проляжет море между нами.
Пусть крылья белые
над белыми волнами
Тебе напомнят белизну берез,
Которые, того не зная сами,
Нас повенчали в пору летних гроз.
Не вспоминай, что губы говорят,
Когда немеет сердце от разлуки.
Пусть волн позолоченные излуки
Тебе напомнят отсвет янтаря,
Который на обвисшие руки
Роняла восходящая заря.
Не вспоминай — что проку от огня,
Который вспыхнет на одно мгновение...
Зарницы — лишь моменты откровенья.
Не вспоминай — не забывай меня.

Алексей ЩЕРБАКОЗ

РАКОВИНА

Розовая пена перламутра
Вкраплена в згейскую лазурь...
Из какого пламенного утра,
Из каких ты средиземных бурь?
Ты хранишь просторный голос моря
Где-то там, в спирали потайной,
И, далеким звукам чисто вторя,
Грусть и радость властвуют душой.
Оживают прежних лет страницы
И слышней — ушедших голоса,
И осенней ночью чаще снится
В шуме ливня майская гроза.

ЧУДЕСА

ОКЕАНА

Людмила СЕРГЕЕВА

Почему людей так тянет к сокровищам океана? Потому что не каждому они доступны?.. Вот у меня в книжном шкафу хранятся потерявшая свой первоначальный перышко-вый цвет морская звезда и польсевший от времени печальный морской ёж — их когда-то подарили друзья-свердловчане, побывавшие на Дальнем Востоке.

Но что моя грустная пара экспонатов рядом с собранными сокровищами Владимира Александровича Загородских!.. Правда, ему сама профессия помогла: он — оператор подводных съемок Свердловской киностудии. И коллекция его по обилию красок и форм — истинная сокровищница!

120 тысяч видов раковин моллюсков известны ученым-конкологам. 250 видов есть у Владимира Александровича. Науке известны 550 видов кораллов — 30 видов имеются у Загородских. Мурекусы, лямбисы, кассисы, напоминающие лепестки орхидеи... Единственная плавающая раковина, светлая, в виде рога, уложенного в завиток, — наутилус-помпилус...

Белый экзотический цветок — тридакна и перламутровый стромбус в родной стихии выглядят невзрачными серыми камнями: таков закон жизни, закон сохранения вида. Некоторые моллюски полностью зарываются в песок и вообще не желают выполнять роль кинозвезд. Лишь единственный моллюск — цепрея — предстает в своей первозданной красоте: гладкая, обкатанная океаном раковина от зеленовато-желтого до нежно-чайного цвета. Ее разнovidность цепрея-тигрис украшена шоколадными пятнами и повторяет тигровую шкуру. Среди своих сородичей цепрея и без макияжа выглядит королевой; остальные моллюски, волей судьбы попавшие в это собрание, доверяют свою красоту таланту мастера и химическим реактивам. Вооружившись щетками и растворами, он творит чудо, смывая налет солей с раковин.

Не изменяют законам природы и невзрачные коралловые цветы — от прикосновения человеческих рук только раскрывают они свои снежно-белые бутоны. Ветка, срезанная с куста черного коралла, растущего на рифе острова Сен-Жозеф, выглядит хрупкой, застывшей от мороза; в полированном виде черный коралл имеет мягкий благородный блеск. На мировом рынке украшения из него всегда ценились высоко.

Владимир Александрович занимается подводной съемкой около 20 лет. Запомнился ему 1982 год, когда половина съемок фильма «Из глубин океана» велась под водой. Через два года был снят новый фильм «Что там, за кромкой берега», а спустя еще год — фильм «Лаборатория — океан». Последняя кинолента рассказывала об ученых Тихоокеанского института биоорганической химии — единственного в нашей стране, где занимаются поиском биологически активных веществ, которые обещают помочь человечеству одолеть рак. Было замечено, что в океане рака нет — значит, там и должны быть вещества, угнетающие раковые клетки.

В позапрошлом году к берегам Австралии вышел корабль «Академик Опарин». В группе водолазов работал тогда и оператор Владимир Загородских.

— ...Вы знаете, рыбы ночью спят. Я подплывал к ним и даже касался рукой. У них даже хвост не шелохнулся — никакой реакции, несмотря на то, что и я был назойлив, и дно освещалось прожекторами с нескольких кораблей. Моллюски же ведут ночной образ жизни, и мы им очень мешали. Многочисленные жители океана собирались на свет, словно мотыльки... Видя такое оживление, даже акулы заплывали к нам «на огонек».

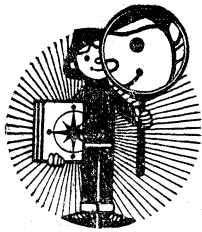
Человечество надеется в скором времени сделать океан еще одной хлебной нивой. Кроме рыбы океан поставляет к нашему столу морские растения, моллюсков — вспомните

морскую капусту, крабов, креветок, устриц. Аборигены островов Кораллового моря употребляют в пищу нежное мясо тридакны — самой гигантской раковины в мире, достигающей веса в четверть тонны.

Есть раковины весьма невзрачные по форме и опасные — например, конус, мякоть которого содержит яд в тысячу раз сильнее яда кобры. От прикосновения к конусу-географусу и неосторожного обращения с ним не раз погибал человек. Но пока мы во всем этом не очень-то хорошо осведомлены, зато знаем, что океан всегда привлекал к себе красотой — жемчугом, перламутром. В Эрмитаже хранятся кубки, выточенные из раковин и умело вставленные в серебряный оклад. На кубки шли и раковины турбоарматуруса и наутилуса-помпилуса.

Обидно, что человечество так устроено, что никогда не ценит то, что, как ему кажется, находится ниже его уровня развития — лишь бы это «то» кормило, поило, одевало, ласкало глаз и заполняло кошелек...

— Заметьте, ни один из водолазов Австралии не поднимет просто так со дна раковину, — говорит Владимир Александрович, — не срежет ветку коралла... В этой стране удивительно бережно относятся и к природе, и к океану, сохраняя их первозданность. А вот на коралловых рифах в районе острова Маврикий, где мы снимали один из фильмов, мне пришлось побывать вторично. Там, где прежде жили кораллы, — мертвый сусняк... Рифы очень чутко реагируют на малейшее изменение химического состава воды, температуры. И, как ни странно, я почувствовал угрызения совести от того, что причастен к их гибели... Я живу на Урале, в Свердловске, у реки Исети. Реки промывают себя сами родниковой водой, земля — дождевой... Но ведь сейчас почти не найдешь чистой речки, способной очиститься самой, как положено природой! И все течет в океан, а ему приходится бороться за свое существование одному...

МИР

НА ЛАДОНИ

Когда зазвонил телефон!

В России быстро оценили возможности телефона, изобретенного в Америке. Правительство срочно заключило договор с фирмой Белла, и уже 8 июня 1881 года в Нижнем Новгороде, а затем и в Москве были открыты первые ручные телефонные станции — на 26 абонентов.

Затем телефонные станции начали работать в Петербурге, Одессе, Риге и Варшаве.

Для обслуживания ручных коммутаторов были введены «телефонные барышники». Претенденты на эту должность (мужчины не допускались!) должны были быть из хорошо обеспеченной семьи и иметь размах рук не менее 154 см, чтобы дотянуться до соединительных гнезд громоздкого коммутатора. Кроме того, требовалось, чтобы голос они имели приятный, мелодичный и сильный. Телефонистки должны были владеть иностранным языком, а владельцы-шведы (из Шведско-датско-русского акционерного общества, купившего в 1901 году Московскую телефонную станцию у фирмы Белла) требовали даже по-русски говорить с иностранным акцентом, что должно было свидетельствовать о респектабельности предприятия. К тому же им надо было запоминать имена, титулы, род занятий своих постоянных абонентов, а позднее, с расширением телефонной сети и введением номерной системы, и номера их телефонов.

Вот таким требованиям отвечали сто лет назад первые российские «телефонные барышники»... Когда же телефон появился в Башкирии?

Газета «Уфимские губернские ведомости» от 16 июля 1894 года опубликовала статью «Опасность телефона во время грозы». Значит, к 1894 году телефон в Уфе был уже в массовом пользовании, в тогдашнем понятии этого слова. Единичные аппараты, вероятно, появились еще раньше.

В Уфе телефон быстро завоевал популярность. На 1 января 1900 года уже насчитывалось 173, на 1 октября 1904 года — 252, на конец 1917 года — 300 номеров. А в 1918 году, после под-

писания в марте этого года В. И. Лениным нескольких декретов по телефонизации, в Уфе начала работать новая телефонная станция емкостью на 500 номеров. И, наконец, 1 августа 1934 года в строй вошла новая, уже автоматическая (четвертая в стране), центральная телефонная станция емкостью 2000 абонентов. К этому времени в Уфе насчитывалось 857 абонентов, которых все еще обслуживали «телефонные барышники». Эта дата и считается датой основания Уфимской ГТС.

По итогам массовых опросов ЮНЕСКО, осуществленных в 1985 году в более чем 100 странах, крупнейшим из изобретений за последние 150 лет в области передачи информации, включая телеграф, телефон, радио, телевидение и телетайп, большинством назван телефон.

По состоянию на начало 1987 года в мире насчитывается около 600 млн. телефонов, т. е. один телефон на 78 человек.

Число телефонных аппаратов в СССР — около 30 млн., в Москве — более 3 млн. номеров, к 1990 году — 3,5 млн.

В Башкирии установлено 320 340 аппаратов, в Уфе — 91 тысяча. К 1990 году количество запланировано довести до 175 тысяч, т. е. свыше десяти номеров на каждые сто жителей.

Р. АБДУЛЛИН.

Черные березы

В нашем представлении все березы белоствольные. Такими их прославил народ в многочисленных песнях, поэты — в стихах. Но вот лесничий Шумихинского лесхоза в Курганской области Н. В. Смирнов обнаружил на делянках необычные березы, затем еще четыре такие же — в угодьях колхоза «Знамя Ленина». Отличаются они от своих белых сестер не только черной корой, но и более округлой формой листа, необычными рубчиками на них. А древесина оказалась в полтора раза тяжелее, чем у всех известных белоствольных берез.

После того как районная газета сообщила о находке лесничего, пришло сообщение из села Прошкино. Его жители также встретили примерно в десяти километрах от центральной усадьбы колхоза имени Ленина еще две чернокорые березы. Активисты районного общества охраны природы побывали там и убедились, что это те же самые необычной окраски березы.

Образцы ветвей показали ученым. Они определили, что деревья с черной корой, обнаруженные на территории Шумихинского района, относятся к породе даурских берез, родина которых — Дальний Восток.

Как они попали за многие тысячи километров в Зауралье? По этому поводу можно строить только догадки. Возможно, семена дальневосточных берез были занесены в наши края птицами. Но почему же тогда ни одна даурская береза не дает потомства на уральской земле? Ведь деревьям по 70—80 лет. Но ни единого всхода или отростка вокруг них не обнаружено.

Все девять черных берез объявлены памятниками природы Зауралья. На них выданы соответствующие паспорта.

В. СТАХЕЕВ

Что за зверь!

Возможно, в ближайшее время мы узнаем еще об одном открытии в животном мире. По сообщению американского журнала «Интернэшнл уайлдлайф», в юго-западной части Англии несколько лет назад неизвестным хищником было убито более 100 овец. Для облавы на него вызвали воинское подразделение. Но только одному участнику облавы удалось мельком увидеть это существо.

Таинственный убийца известен пока под именем «эксмурского зверя». У него блестящая черная шерсть, короткие мощные лапы и почти отсутствует шея.

Е. СОЛДАТКИН

Михаил СКОПЕЦ,
биолог

КТО ЖИВЕТ В ЛЕДЯНОМ ОЗЕРЕ?

Эпитеты «таинственное», «загадочное» часто встречаются в сочетании с названием чукотского озера Эльгыгытгын. Действительно, водоем необычный: совершенно круглое, очень глубокое озеро диаметром 12 километров лежит в правильном кольце невысоких сопок. О происхождении этой странной котловины было много споров, но сейчас большинство ученых склоняются к метеоритной гипотезе. Полагают, что три-четыре миллиона лет назад здесь упал крупный железо-никелевый метеорит, образовав воронку диаметром около 18 км. Центральная, южная и восточная части кратера в настоящее время заполнены водой.

Озеро Эльгыгытгын — одно из самых известных в Восточной Сибири после Байкала и озера Лабынкыр в Якутии. Последнее прославилось тем, что здесь видели «плезиозавра». Есть сведения, что нечто подобное водится и в Эльгыгытгыне. Этот район и сейчас относится к труднодоступным — попасть сюда можно только спецрейсом вертолета, расстояние до ближайшего жилья около 200 км. Озеро лежит на водоразделе: к северу и западу от него расположены истоки реки Чаун, впадающей в Северный Ледовитый океан, на востоке — верховья реки Юрумкувеем, относящейся к Анадырскому бассейну. Из озера вытекает Энмываам — одна из крупнейших на Чукотке рек. От ее истока до поселка Усть-Белая на Анадыре по воде около четырехсот километров, половину этого расстояния река течет в скалах, зачастую в настоящем каньоне с порогами.

Климат на озере Эльгыгытгын суровый: как-никак 68 градусов северной широты, да еще 500 метров над уровнем моря. Лето очень короткое, но даже в июле по-настоящему теплых дней бывает немного. Зато снегопад на 2—3 дня среди лета — обычное дело; в 1979 году, например, только в августе снег выпадал 8 раз. Здесь не растут деревья, везде лишайники, трава или голые осыпи, из кустарников встречаются только стелющиеся по земле ивы. Эльгыгытгын недаром означает по-чукотски «ледяное, нетающее озеро»: лед распадается только к концу июня и еще примерно месяц тает, а ледостав наблюдается уже к концу сентября.

Температурный режим озера уникален: в августе вода у поверхности была всего полтора градуса, а на глубине 50 метров — только 2,5°C. В июне температура воды подо льдом составила 2 градуса. А ведь в других озерах и на меньшей глубине находится слой наиболее плотной воды с температурой 4°C.

Берега озера низкие, песчано-галечные, только с юго-востока к воде подходят невысокие скалы, розовые от лишайника. При ветре плавающие поля двухметрового льда напирают на берег, образуя высокие валы, которые напоминают следы работы бульдозера. Глубина достигает 179 метров, прозрачность воды, измеренная подо льдом, — 35 метров. С лодки на глубине 10—15 метров хорошо видно дно и плавающих рыб. Над большими глубинами вода имеет жутковатый чернильно-фиолетовый оттенок и кажется необычно тяжелой и вязкой.

Впервые я побывал на Эльгыгытгыне в 1979 году.

Нас (ихтиологов магаданского Института биологических проблем Севера) привели сюда сведения о необычных рыбах, обитающих в озере. Интересная подробность: в окрестностях озера не было обнаружено ни малейших следов оледенения — жизнь в нем могла существовать непрерывно с третичного периода. Тут могли выжить те виды животных (в том числе и рыб), которые в других местах давно вымерли. В умеренных и высоких широтах встретить подобный уникальный водоем не так-то просто.

В озере были обнаружены 4 вида рыб: сибирский хариус, подкаменщик и две формы гольцов. Хариус и подкаменщик встречаются довольно редко и только у берегов, вероятно, они случайно заходят в озеро из реки Энмываам. Одна из форм гольца оказалась боганидской палией, известной ранее только из некоторых озер Таймыра. Это крупная хищная рыба, достигающая веса десяти килограммов. Другой голец не бывает крупным (вес не более 100 граммов) и обитает на значительных глубинах, к берегу он подходит только ночью — для нагула и нереста. Этот голец оказался новым для науки видом и получил название «малоротая палия». Рыба имеет необычно большое для гольцов число жаберных тычинок и питается зоопланктоном — мельчайшими рачками.

В желудке пойманной в то лето крупной боганидской палии оказались две странного вида полупереваренные рыбешки, не похожие на известных нам лососевых рыб. Стало ясно, что в водоеме обитает еще «кто-то».

Второй раз нам удалось попасть на Эльгыгытгын только в 1985 году. Несколько дней не было погоды, но вот в час дня 20 августа на наш стационар в поселке Марково позвонили из аэропорта: «Грузитесь, летим». Поднимаемся и идем сначала на восток над рекой Анадырь, потом на север. Через полтора часа полета делаем посадку на реке Энмываам в 30 километрах ниже озера — нужно оставить здесь часть груза для сплава, ведь уходить с озера нам придется по воде. Оставляем продукты в железной бочке (от медведей), бензин и немного дров. Опять взлетаем и через десять минут высаживаемся на озере — возле избы, поставленной у истока реки.

В первые дни в контрольные сети, выставленные у берегов озера, попадалась только боганидская палия. Пойманную рыбу измеряем, взвешиваем, исследуем содержимое желудка, извлекаем из черепа отолиты (слуховые камешки), по которым потом, зимой, будем определять возраст. В желудках часто находим остатки тех же необычных рыбешек, но самих их поймать долго не удается. Но вот наконец-то в сети, выставленные на глубине 60—70 метров, попалось сразу несколько десятков некрупных (до 30 см) рыб настолько странного вида, что сразу и не поймешь, куда их отнести — к гольцам или хариусам. Прежде всего бросаются в глаза огромные черные плавники с белой каймой, особенно выделяются грудные плавники, похожие на крылья. Окраска тела оливковая с металлическим отблеском и мелкими белыми пятнами. Голова по форме напоминает хариусовую, но на челюстях небольшие клыковидные зубы (см. слайд на 3-й стр. обложки).

Изучение этой необычной рыбы показало, что она резко отличается от всех известных представителей подсемейства лососевых. Это не только новый для науки вид, но и новый род. Рыбу назвали длинноперая палия.

Удалось выяснить и некоторые особенности ее биологии. Оказалось, что эта рыба постоянно держится на глубине более 40—50 метров и, в отличие от малоротой палии, строго у дна. Питается она мелкими беспозвоночными, в основном зоопланктоном и редко бокоплавами. Растет длинноперая палия очень медленно: восьмисантиметровая рыба имела возраст 9 лет, в 25 лет длина 30 сантиметров. Наибольшая продолжительность жизни этого вида — 30 лет. Как и малоротая палия, длинноперая палия является эндемиком озера Эльгыгытгын, то есть не встречается больше нигде.

А кто живет на самом дне озера?

ИЖЕВСКИЕ КАФТАНЩИКИ

Евгений ШУМИЛОВ,
искусствовед

В стародавние времена бытовала на Иже диковинная особенность. Ижевцы, единственные из уральских мастеровых, шли не по горному, а по военному ведомству. Ну, а коли так, то недалеко и до подобия армейской формы для оружейников.

Славился при заводе своеобразный клан кафтанщиков, владевших по именному царскому указу «мастеровыми кафтанами с золотым галуном». На Урале наградные кафтаны вообще-то широко известны. «Свод законов Российской империи» в разделе «Учреждение орденов и других знаков отличия» называет четыре их вида: простые, почетные, нарядные, мастеровые. Вот последние-то и могли жаловаться «отличнейшим оружейникам Ижевского завода за усердие и искусство».

Клан включал в разные годы от 20 до 200 человек. Самый крупный дар в 30 кафтанов выпал, когда вышла реформа, отменявшая крепостное право. Надо было задобрить оружейников перед шестилетней задержкой освобождения их самих. Тогда на Иже получили 14 ящиков с медалями и материалами для кафтанов — «из Капитула орденов и Кабинета Его Императорского Величества».

По царским дням и молебнам, на свадьбах и похоронах ижевские кафтанщики, сверкая галунами и медалями, стояли кучкой впереди односельчан.

У земляков отношение к удостоенным царской благодати было самое почтительное:

— Смотри, сам Марко Леонтьевич в кафтане, с Марфинькой в церку иди! То человек на славе...

— Да, везет девке! Отец-кафтанщик. Его, к при меру, и розгами ни один генерал не возьмет.

Мастерового этого вообще можно было назвать Кулибинным с Ижа. На службу оружейную Марко Колмогоров поступил в июне 1813 года четырнадцати лет от роду. Встал за станок в ствольном пехе под башней. Освоил один «переход» (то есть операцию), потом и другие. Скоро старший смотритель завода признал, что Марко, «имея некоторую склонность к художеству», выдумывает приспособления, которые используются даже на Тульском и Сестрорецком заводах.

Механик завода Фридрих Плате рапортовал правлению в марте 1838 года: «Выдуманные Колмогоровым приспособления действительно для завода полезны и через сие уменьшились денежные казенные расходы, за что он заслуживает особенной благодарности начальства, дабы не ослабить ревность в сем мастеровом». Результатом рапорта Плате явилось генеральское предписание: «...наградить за все означенные его изобретения мастерским кафтаном с золотым позументом».

Долго и счастливо жил Марко Колмогоров на Старой улице в деревянном доме. Жена Акилина Ивановна и дочь Марфа пуше глаза берегли мастеровой кафтан. А когда, облачившись в него, оружейник спускался по воскресным дням на площадь к собору, встречные с неподдельным уважением кланялись ему. Придумки Колмогорова облегчили тяжкий труд сотням ижевских умельцев.

Что же представлял из себя наряд кафтанщика? Во всей красе его видели только самые древние из теперешних старожил. И немудрено: хранили мастеровых чаще всего в кафтанах. Музеи же в свое время не озаботились пополнить фонды «большим нарядом». От словоохотливых бабушек то и дело слышишь:

— Э, милоч, еще до войны внучке на шубу папаша своего кафтан перешила. Доброе ить сукно! И правнучка носила...

Но, к счастью, сохранилось немало изображений. Как редчайшую достопримечательность затерявшегося в глухом Прикамье оборонного города-завода, стремились запечатлеть шеренги кафтанщиков заезжие фотографы и живописцы.

Шили кафтаны из плотного, темно-зеленого сукна. По бортам, обшлагам и вороту украшали полуторадюймовым золотым галуном да на груди пускали пять непрерывных, сужающихся к вороту «разговоров». Царский наряд первостатейного ижевского оружейника довершали высокий цилиндр, обтянутый позументом, перчатки, трость и шегольские сапоги. Шитье кафтана стоило заводу восемь рублей. Сукно присылали из столицы, а швеи находились свои. Жили они чаще всего в дальнем починке у крутой горки, именовавшейся Швиной, а позже — из зубоскальства — Швиной.

Институт кафтанщиков с давних пор был в руках администрации средством формирования рабочей аристократии. Не случайно после бурных событий 1917 и 1918 годов словечко «кафтанщик» получило прямо-таки ругательный оттенок.

Но, вспоминая сейчас счастливых обладателей кафтанов, легко склониться к примитивной их оценке. При всей нередкой политической отсталости и темноте они были удивительно талантливы, хранили, умножали, передавали традиции оружейного мастерства. И «кафтаны с золотым галуном» шили им не за верноподданнические изъятия, а за изобретения и трудовые подвиги, направленные к вящей славе русского оружия!

К семейству кафтанщиков принадлежал, например, известный оружейник, впоследствии кавалер ордена Ленина Прокопий Васильевич Алексеев.

Славно потрудились ижевцы в годы Великой Отечественной войны. И старым кафтанщикам еще довелось поколдовать с лекалами, резцами и другим привычным инструментом.

И вот 9 мая 1945 года. Рабочий Ижевск празднует великую победу над фашизмом. По главной — Советской — улице идет стихийная демонстрация. А впереди по мокрой «торшвке» от «Колосса» до самого «Одеона» ковыляет древний дед в полном наряде первостатейного оружейника. Он поглаживает потускневший золотой позумент на обшлагах, а на расспросы людей, принимавших его, видно, за какого-то музейного стрелца, с достоинством отвечает:

— Я потомственный оружейный мастер! Мои ружья и кайзеру жару дали, и Колчака бивали, и Гитлера прикончили!

Этим последним ижевским кафтанщиком вполне мог быть, например, девяностолетний Дмитрий Васильевич Сазонов. Под башню оружейного завода он пришел еще в арендно-коммерческое управление, при Гуго Стандершельте...

Ижевск — удивительный, романтичный, чисто уральский город-завод. Таким складывается его образ из мозаики архивных документов, литературных описаний, художественных свидетельств и воспоминаний старожил. Но никак не просматривается он таковым в наших музейных экспозициях, в различных названиях, в оформлении ижевских интерьеров и в памятниках...

А ведь можно поставить близ плотины настоящее водяное колесо — дубовое, смазываемое дегтем, с мехами и молотами. Или воссоздать уголок с повседневными инструментами ижевского оружейника — соперника Левши. Смотрелся бы здесь и парадный костюм оружейника.

г. Ижевск

НА СНИМКЕ: мастеровые-кафтанщики у главного корпуса Ижевского оружейного завода в начале XIX века (рисунок автора).

«Кто живет в ледяном озере!», см. стр. 79

Защитники Отечества

Уважаемый «Уральский следопыт»! Высылаю вам старинную фотографию для публикации в вашем журнале. На обратной стороне запись уже плохо заметна — из-за давности. Буквы стерлись, и неизвестно даже, в каком году, где сняты эти три солдата. Но известно, что они служили в царской армии. «Защищайте не Петра, а свое отечество», — говорил Петр I. Так и они защищали нашу родину. И об этих защитниках нам забывать нельзя.

В середине стоит мой дедушка, отец матери. По правую сторону от него — кто-то нам неизвестный, служивший вместе с дедушкой. Может, кто-то из старых людей (имею в виду родственников) и помнит о нем или сохраняет это солдатское фото.

По левую сторону — житель одной с дедушкой деревни, сосед. Он погиб на войне. Его ранили, он упал с коня. Мог бы и выжить, но конь ступил ему под грудь.

Дедушка Яков Иванович Напалков воевал до конца первой мировой войны. Приехал домой с двумя Георгиевскими крестами.

Скончался он в 1946 году в возрасте 72 лет. Но могилу уже не найти. И я, бывая на кладбище, пытаюсь найти дедушкину могилу приблизительно, по памяти.

ВИКТОР ТАРАБУКИН, рабочий

д. Жежим, Коми АССР

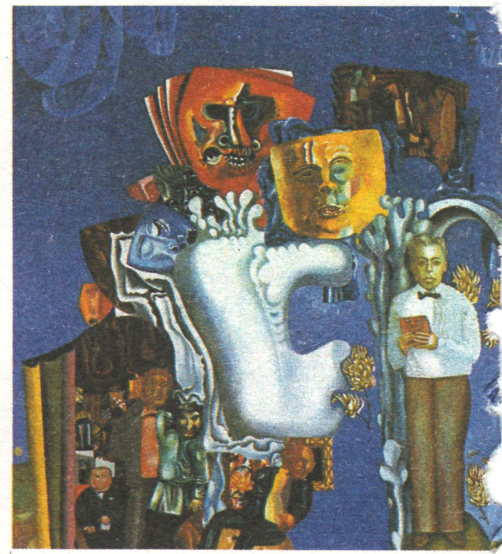

Агрессия.

Распятие

152

Театр Аркадия Райкина

Чапа

Похищение Европы VII